

М. Абрамов

**НА ЗЕМЛЕ
ОПАЛЕННОЙ**

*Страницы
из дневников
партизана*

ЛЕНИЗДАТ • 1968

Это не историческое исследование партизанского движения в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях в период Великой Отечественной войны.

Это заметки из дневника редактора партизанской газеты, страницы, воссоздающие отдельные эпизоды вооруженной народной борьбы против гитлеровских оккупантов.

Записки охватывают время с августа 1941 по март 1944 года.

В книге нет вымысла, но может статься, что кое-где автора подвела память или полуистершаяся запись в дневнике. Пусть простят его товарищи по оружию — участники боев, свидетели тех далеких суровых дней.

Им, славным партизанам и партизанкам Великой Отечественной войны, посвящает свой скромный труд автор.

Часть первая

КОСТРЫ В НОЧИ

Война

Шел многотрудный 1941 год...

Война уже обрушилась на Старую Руссу. Неприметное наше село Поддорье, что в семидесяти километрах южнее, почти непрерывно бомбили вражеские самолеты. Враг лавиной наступал на исконно русские земли, где в прошлом не раз решалась судьба нашего государства. «К оружию!» — позвала Родина своих сынов и дочерей.

Забурлило море людское в приильменских городах и селах.

В райкоме партии не закрывались двери ни днем, ни ночью. Секретарь райкома Ермаков, осунувшийся от бессонья, но спокойный и решительный, определял судьбу каждого коммуниста. Надо было в предельно сжатый срок сколотить истребительный батальон, отобрать в него не только коммунистов, но и комсомольцев, беспартийных активистов, отобрать исключительно по доброй воле каждого.

Кроме того, тысячи других дел свалились на плечи аппарата райкома и его секретаря: организация подпольной сети на случай, если территория района будет занята врагом, эвакуация людей и имущества, связь с воинскими частями, ведущими бои на подступах к Поддорью.

Грохот боя подкатывался все ближе и ближе. К фронту днем и ночью двигались воинские части. Навстречу им неудержимо несся поток беженцев из-под Пскова, из Прибалтики, из соседнего города Холм. Скрип телег, тоскливое мычание голодных коров, плач ребятишек — все это камнем ложилось на сердце.

В один из сравнительно тихих августовских вечеров, после очередного воздушного налета фашистов, на скамейку к бойцам из нашего истребительного батальона под села девочка лет четырнадцати, запыленная, уставшая, с маленьким узелком в руках. Блуждающий взгляд, словно ищущий кого-то, волнение, еще не утихшее после бомбежки, ручонки, судорожно сжимавшие узелок, — все это сразу бросалось в глаза.

— Откуда бредешь, девочка? — спросил боец батальона Колесников.

— Оттуда, из Холма... Там страшно...

— А чего ж страшно? — не унимался Колесников. — Видишь, какая тут тишь да гладь?

— Тихо... И верно — тихо, — почти шепотом сказала девочка.

— Чего ж ты из Холма-то ушла?

— Да ты что, не знаешь, что там война? — крикнула она. — Ты не знаешь? Наш детский дом разбили, сгорел. Девочки разбежались. А я осталась одна...

И не по-детски, громко, некстати расхохоталась.

— Рехнулась... — пробормотал Колесников.

Он оторопело уставился на девочку, глядел с минуту, не мигая. Потом побылся в сумке, достал ломоть хлеба и протянул девочке:

— На, поешь... И бреди в ту сторону. — Он показал в направлении Старой Руссы.

Девочка завернула кусок хлеба в платок, молча встала и пошла, оглядываясь по сторонам, медленно и неуверенно, словно хотела тут же вернуться.

Это была не первая на наших глазах, но одна из самых страшных жертв. И камень на душе стал тяжелее.

Накануне лесной жизни

Фронт приближался с каждым днем. Секретарь райкома партии Григорий Павлович Ермаков сколачивал уже второй Поддорский партизанский отряд. Первый под командованием партизана гражданской войны П. Н. Невского и второго секретаря райкома И. А. Ступакова еще в начале августа в обстановке строгой секретности ночью был отправлен в сторону соседнего Белебелковского района.

Второй отряд формировался из бойцов истребительного батальона. Истребительный батальон, как он громко именовался в ту пору, состоял из восьмидесяти человек. Вооружен он был немецкими винтовками

«маузер», десятком гранат РГД и старым английским пулеметом, который бойцы батальона попросту называли самоварной трубой. Никто тогда и не слышал, как стреляла эта «труба». Но пулемет есть пулемет, это звучало внушительно.

Расположился батальон на окраине районного центра Поддорье в маленьких избах, брошенных их обитателями.

Хозяином нашего первого военного пристанища все считали Петьку Гурко, двенадцатилетнего парнишку. Отец его был на фронте, а мать уехала к нему на свидание куда-то под Ленинград, да так и не успела возвратиться. Остался Петька с бабушкой и пятилетней сестренкой Тамарой. Он несколько дней рыл на задворках ямы, прятал чугуны и сковородки, долго мучился, укрывая сундук с одеждой.

Петькина бабушка не собиралась уходить из Поддорья, думала: грозную тучу бог пронесет. А Петька очень просто объяснял свои хлопоты по хозяйству:

— Куда же я их дену — старого и малого, как я их оставлю без себя? Пропадут!

Петька хотел казаться взрослым. Он неотступно просил винтовку или хотя бы «какую-нибудь» гранату, был непременным свидетелем, а не погонят — и участником учений истребительного батальона на пустыре у МТС.

Звание «хозяин поселка» Петька понимал четко и оправдывал его полностью. Он определял, какие дрова нужно жечь, а какие оставить, не трогать до возвращения жителей; где, на чьем огороде копать картошку, чтобы тот, кто вернется из эвакуации, не остался ни с чем. Одним словом, Петр Гурко как умел в свои двенадцать лет управлял жизнью батальона на-

ряду с командиром Л. Т. Костиным и комиссаром П. Н. Николаевым.

Теперь кажется, что все делалось само собой, не спеша, с толком и расстановкой. Но в жизни было далеко не так — все сложнее, запутаннее.

Мы твердо знали, что люди были готовы драться с врагом в любых условиях. За двадцать с лишним лет советской жизни партия воспитала в народе безграничную любовь к Родине, верность делу коммунизма, стойкость и выдержку. Идейная закалка дала себя знать сразу же, в первые недели войны.

Были, конечно, и такие, кто мог бы партизанить, но не хотел, — боялся ли остаться в тылу врага, струсил ли в последний час... Их — единицы, на весь район дватри человека. И не они делали погоду. Некоторых не сразу покинуло благодушие. Этот недостаток преодолевался легко: обстановка давала уроки на каждом шагу. С подготовкой материальной базы дело обстояло хуже — не было никакого опыта.

Товарищи, приезжавшие из штаба Северо-Западного фронта, могли дать и давали лишь общие указания: определите места сбора, создайте базы. Появилась инструкция, напечатанная на папиросной бумаге. Много в ней говорилось о методах разжигания костров, о том, как сосновой корой заправить суп, как определить свое местонахождение по расположению ветвей на дереве, то есть говорилось о второстепенном.

Теперь-то вполне понятно, что в довоенные годы никто по-настоящему не готовился к организации партизанской борьбы, уповая на то, что наши границы будут неприкосновенны. Из истории мы знали, конечно, о Денисе Давыдове, о партизанах времен 1812 года, о красных партизанах гражданской войны. С тех пор условия изменились неузнаваемо.

Но главное было и так ясно: надо бить врага не только с фронта, но и с тыла.

И вот отряд из восьмидесяти человек готовился уйти в лес в расположение немцев.

Уже отправлены в глубокий советский тыл партийные документы, включая и партийные билеты оставшихся в отряде коммунистов, увезены бумаги и ценности райкома, райисполкома, банка, сберкассы и почты.

Угнана в глубинные районы страны основная часть общественного колхозного скота. И это не обошлось без слез и горя.

Неотступно, как навязчивый и кошмарный сон, вставала перед глазами картина расставания советских людей с тем, что добыто общим колхозным трудом, нажито, выстрадано, во что вложена частица души.

...Большая деревня Соколье. Самый богатый в районе колхоз «Красный Октябрь». Ночь. Никто не спит. Гомон на главной улице, в коротких переулках, у скотных дворов. Истошное мычанье коров, плач детей, слезы матерей, прощание с теми, кому доверено спасать скот.

Трудно даже представить себе, как мог руководить делом в такой сумятице председатель колхоза Сорокин. Пожилой, но энергичный, он верхом на добром рысаке появлялся то в одном, то в другом конце деревни, приказывал, уговаривал, разъяснял, советовал, ругался, черт знает что делал для того, чтобы укоротить минуты расставанья, организовать для начала хотя бы видимость порядка.

Сорокин со своими помощниками только к полуночи добился отправки первых гуртов скота в сторону Старой Руссы. Ему и было поручено райкомом возгла-

вить в трудном пути на восток колонну своего колхоза.

Наконец все как будто вошло в колею. Потянулись гурты, обозы, люди. Те, кто оставался в деревне, провожали колонну за околицу, старухи осеняли крестным знаменем уходящих, многие горько плакали.

Несколько дней спустя колхозная свинарка Емельянова говорила:

— Понимаете, все колхозное приросло к нам крепко-накрепко. Оттого и тяжело расставаться. Вот и я приду сейчас на свинарник, гляну на пустые стойла, поплачу и уйду...

Многие еще не понимали тогда, что самые горячие слезы впереди. Ведь как ни старались, не успели весь скот угнать в советский тыл и не все добро увезли. Кровная и вечная привязанность к дедовскому гнезду оставила в тылу врага и тысячи людей, тоже не успевших или не пожелавших эвакуироваться. Это обстоятельство во много крат увеличивало ответственность организаторов партизанской борьбы в тылу врага.

Мирную довоенную пору напоминала газета, наша родная газета районного формата. Привычное дело человек не бросает сразу. Да и обстановка требовала, чтобы газета выходила. В прифронтовой сутолоке люди брали свежий номер, читали сводки Совинформбюро, письма солдат, письма солдатам. И это в какой-то мере вселяло спокойствие, удерживало от паники, рождало надежды на то, что скоро все кончится — наши остановят немцев.

Трудности с выпуском номера были самые непредвиденные. Мужская часть коллектива редакции и типографии ушла на фронт и в истребительный батальон,

остались девушки — и литсотрудники, и наборщики, и печатники. Работали они днем и ночью, не щадили себя. Но как только слышался нудный, завывающий гул немецкого самолета, всё бросали и опроретью мчались в щель за домом типографии. Некоторые потянулись в отдаленные от тракта деревни к своим родным, знакомым, подалее от Поддоря, которое немцы избрали целью своих непрерывных воздушных налетов.

Против беглецов пришлось поставить «заслон». Агроном Н. И. Захаров — боец батальона — лучше других умел успокоить даже самых пугливых девчат. И они набирали заметки, печатали газету.

Теперь газета закрывалась. Редактор уходил в партизаны. Что было делать с типографией? Не немцам же оставлять оборудование! В инструкции о газете и обо всем, что связано с ней, ничего не сказано. Решили легкие машины отдать армии — и отдали. Большую печатную машину армейцы не взяли. Немалыми трудами мы вывели ее из строя — разбили маховик, мотор, барабан.

О выпуске газеты в отряде никто не думал. Не думал и я, бывший ее редактор, а теперь политрук одной из рот отряда. На всякий случай («Мы же уходим ненадолго, вернемся») замотали в масляные тряпки и спрятали под печкой верстатку, рамки, закладки, еще кое-что по мелочи. Корректурный станок — чугунную плиту и «катушку» — утопили в колодце. Больше двадцати кип бумаги, две-три банки краски, часть шрифта отвезли за тридцать километров от Поддоря в деревню Язвище и укрыли, как нам казалось, довольно надежно.

За рекой Ловатью в лесах создали продовольственные базы. Все это старались делать скрытно. Однако

вскоре убедились, насколько мы были плохими конспираторами. Да и немцев как следует не знали, даже еще по-настоящему и не видели их. О зверствах, которые творили фашисты в захваченных районах, было известно пока понаслышке.

Боевое крещение

Опыт добывался в ходе борьбы. Первым таким уроком для отряда явился бой у деревни Жемчугово 15 августа 1941 года. Это в десяти километрах от Поддорья на Холмовском шоссе.

Командир армейской дивизии, оборонявшей этот участок фронта, приказал отряду проникнуть за наш передний край и взорвать два моста, чтобы задержать продвижение немецких танков.

К вечеру 13 августа отряд сосредоточился на окраине деревни Жемчугово. Двое армейских разведчиков и трое подрывников, ребята смелые и толковые, наскоро в сарае объяснили нам задачу, показали на карте «квадраты», где мы должны были принять бой и прикрыть их до выполнения задания. Переждали налет фашистских штурмовиков. Вот-вот начнет смеркаться, и мы двинемся в путь. Тут ворвался в сарай посыльный из штаба и передал нашему старшему, что приказ о взрыве мостов отменен, так как немецкая танковая колонна уже прошла их, движется к Жемчугову и отряду следует занять оборону в составе 186-го стрелкового полка.

Ясно было: наши части отступают, а фашист жмет и жмет.

Командование полка отвело нам участок обороны. Семнадцать человек заняли в чистом поле готовые окопы для стрельбы стоя, а человек пятнадцать

направились рыть новые укрытия под самой древней.

Обосновались, познакомились с командиром, комиссаром полка, с другими армейскими товарищами. Они пытались выглядеть бодро. Но мы уже знали, что полк изрядно потрепан в боях. Удивительным показалось, что не прошло и двух месяцев войны, а полком уже командует капитан, как оказалось, командир первого батальона Панин.

Комиссар Демьяненко сказал нам откровенно, что держать оборону трудно. Бои идут непрерывно, солдаты измотаны, боеприпасов мало. В одном из боев на Псковщине командир полка майор Новиков получил тяжелое ранение, остался где-то в тылу у немцев. Комиссар просил:

— Ребята, вы не бойтесь, здесь на речке мы немцев задержим, скоро получим артиллерию. А в тылу у немцев вы, наверное, все же будете. Так не забудьте о нашем командире. Он где-то там, он — смелый, выдюжит... Если встретите, помогите ему. Новиков его фамилия. А звать — Тимофей Антипович.

Мы заверили комиссара, что «не боимся», что командира полка Новикова запомним...

Так прошел день и еще ночь. Наступило утро 15 августа. Тихо. словно поникшие от страшной горести стояли стога клевера. Справа — поля перезревшей ржи, слева — в двадцати шагах — шоссе. Вдали хорошо виден лес. С рассветом там сосредоточивались немцы для атаки. Вот пробежала по дорожной канаве к деревне Жемчугово группа армейских подрывников. Они кричали нам, чтобы уходили, пока не поздно. А у нас приказ: стоять до последнего. Куда уйдешь? Этого и в мыслях не было.

Командир группы Альфред Эрмель лежал за пуле-

метом. Тем самым, который называли «самоварной трубой». Он передавал по цепочке: «Ни шагу назад!»

Чтобы понять, что значили для каждого из нас команды Эрмеля, надо хотя бы коротко поведать, кто он такой и откуда взялся.

Альфред Эрмель пришел к нам в батальон в первые дни войны из тюрьмы. В прошлом — участник гражданской войны, коммунист, преподаватель военно-авиационного училища. Арестован был в 1937 году по грязному навету. В начале войны — освобожден.

Это — человек, которому неведом был страх. Меткий стрелок: запросто мог снять из винтовки на ходу шофера автомашины. Впоследствии он стал начальником штаба партизанского отряда. Учил нас минированию и разминированию, умению маскироваться, окружать и нападать, ходить по азимуту.

Эрмель не заносился своими военными познаниями, не угодничал ни перед кем, был смел и расчетлив, считал, что он на месте и делает свое дело так, как положено советскому человеку. Никто не слышал от него ни одной жалобы на проявленную к нему несправедливость. Он был всегда аккуратен и в любом деле щепетилен до мелочей.

Неудивительно, что каждый из нас беспрекословно подчинялся Эрмелю.

Мы отлично видели, как немцы устанавливали минометы. Эрмель направил посыльного на командный пункт полка, требуя открыть артогонь по опушке леса. В ответ прозвучало два-три выстрела из сорокапятимиллиметровки. И снова на какой-то миг установилась жуткая, до звона в ушах, тишина.

Около семи утра ударили вражеские минометы. Немцы точно знали, где расположен наш передний край, и обрабатывали его по клеткам, словно в

шахматы играли. Посыльный с командного пункта полка передал, что, переждав минометный обстрел, надо подпустить немцев как можно ближе и дружно открыть по ним огонь. Он добавил, что пушки нас не поддержат — снарядов нет.

А немецкие минометы били не переставая. И вот атака. Потные, с расстегнутыми воротниками серых френчей бежали фашисты и, оперев в пузо автоматы, поливали нас свинцом. Мы стреляли что было сил. Стреляли солдаты, расположенные слева от нас. Наш пулемет дважды «чихнул» и замолк. Убиты Киселев, Рябиничев, Захаров и кто-то еще. Солдаты отходили короткими перебежками. Эрмель принял решение об отходе.

Отход... Горько вспоминать эти минуты. Из семнадцати человек, поставленных на линии огня, уйти удалось лишь четверым. Пятеро были убиты, восемь человек попали в плен. Правда, все эти товарищи в первую же ночь бежали из плена и возвратились в отряд. Но Жемчугово к вечеру было занято фашистами.

Они еще засветло закончили свой «рабочий» день, разделись, как на пляже, искупались в студеной речке и затеяли игру в волейбол. В садиках пиликали губные гармошки.

Наблюдали мы эту картину с пригорка. От бессилия и лютой злости трясла лихорадка.

Отряд отозвали с переднего края. Надо было подаваться на свои лесные базы.

Первые дни в тылу врага

23 августа уже шел бой за районный центр. Село горело. Шарахались по пустым крестьянским дворам куры и гуси.

Шли и ползли раненные. Наши части отступали.

В отряде спешно завершались последние приготовления к походу. Страшила неизвестность. Собственно, в общих чертах мы знали свой маршрут. Он был согласован с командованием дивизии, хотя, по правде говоря, штабу дивизии было не до нас: своих хлопот хоть отбавляй.

Все же план у нас имелся: обойти правый фланг немецкой группировки, выйти за реку Ловать, укрыться в заловатских лесах, пропустить немцев вперед и развернуть боевые действия.

Ранним утром 24 августа отряд по глубокому рву пробрался к мелководной речке Редье и между ее крутыми берегами — хорошей защитой от обстрела — пошел к Ловати, минуя деревни Вещанка, Хлебоедово, Студеново.

Родное село осталось позади, в дыму пожара, в суматохе боя. Еще виден был издали розоватый и такой мирный редакционный дом, где проведены сотни бессонных ночей над газетными страницами. Видны были пылающий дом связи, здание парткабинета. Но скоро все осталось позади. Впереди — Ловать, переправа. За плечами уже не немецкие, а наши, русские винтовки.

Командир отряда (им стал К. П. Мирошниченко) как будто и не заметил, как мы перевооружились, запаслись патронами. Каждому казалось, что с трехлинейкой воевать сподручнее: своя, не выдаст. Отрядные мастеровые уже что-то мудрили и над «симоновкой» — десятизарядной винтовкой, хотели перевести ее на автоматический бой короткими очередями.

Ловать... Из приднепровских верховий несет она свои воды в бурное Ильмень-озеро. Выше нашей переправы в районе Холма еще продолжались упорные

бои. Крово-красный закат подкрашивал голубую ленту реки.

Переправившись вброд, к утру 25 августа мы оказались в немецком тылу. Первая разведка, первые данные о противнике и о населении, которое не эвакуировалось. Впервые узнали, какие порядки установили немцы на оккупированной территории.

Тут же — первые неприятности. Большая часть продуктов на подготовленных заранее базах растащена. В деревне Язвище немцы нашли зарытый нами типографский шрифт и рассыпали его по дороге. Колхозники лопатами сгребали шрифт вместе с пылью и разносили по домам, считая, что это олово и в хозяйстве может пригодиться. Бумагу тоже разобрали по дворам — пойдет на оклейку стен.

Командир Мирошниченко и комиссар Ермаков думали о том, чем кормить отряд. Бывший районный заготовитель Сидоров взял в свои руки снабжение. Деревни, брошенные в глухих лесах, маленькие поселки лесорубов стали нашей первой базой. Народ ни в чем не отказывал, но и не проявлял особого рвения давать партизанам хлеб и другие продукты. Люди еще не знали, что из себя представляют партизаны: может быть, это просто-напросто те, кто укрывается от войны? Односельчан они узнали бы, но «свои» пока по своим деревням не ходили.

А тут вслед за фронтом стали подкатывать за крестьянским добром фашистские хозкоманды. «Яйки», «млеко» — все отдай. Появились немецкие старосты, вооруженные строгим приказом: «Завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мертвый инвентарь являются собственностью германского государства».

Поначалу фашисты не чинили прямого и открытого разбоя, хотя и не стеснялись в обращении с «покоренными» людьми. Но только поначалу. Чем дальше на восток откатывался фронт, тем больше и больше завоеватели показывали волчьи зубы. В прифронтовой полосе они вначале придерживались политики «кнута и пряника», но вскоре перешли только к кнуту, к расправам, расстрелам на месте, поджогам, виселицам.

Старосты были разные. Немцы, «осваивая» деревни, искали и нередко находили на эти должности кое-кого из подонков — воров, бежавших из тюрем, бывших кулаков, разного рода отщепенцев, затаивших злобу на Советскую власть.

Но, готовясь к партизанской борьбе, райком партии оставил на территории района тридцать антифашистских групп. Они были немногочисленны, действовали на первых порах очень осторожно, с опаской. Все же при организации немецких органов управления подпольщики не дремали и там, где позволяли условия, проталкивали на должности старост людей, на которых можно было положиться. В прошлом это не ахти какие активисты, незаметные, но честные колхозники, ничем не опороченные перед «миром» села. Таких народ охотно поддерживал. Как правило, в тени в том же селе оставался человек, который тайно исполнял обязанности председателя колхоза. Старый председатель был или на фронте, или в партизанском отряде.

Так и существовало своеобразное «двоевластие»: председатель — тайно от немцев, а староста — явно.

Трудно было нашим «старостам» нести свой крест. Ходили они по острию ножа, бывали биты и сидели в подвалах и хлевах. Но работали.

Операция — чисто крестьянская

После того как отряд обосновался у лесного барака, недалеко от небольшой деревни Ольховец, после заставшего в душу вечера, когда мы подписывали клятву, сочиненную тут же, в лесу, люди заметно подтянулись, настроились на боевой лад.

Разведку поставили довольно широко. В этом помогали десятки подпольщиков, помогало то, что почти каждый из партизан хорошо знал район. Разведчики уходили за 40—50 километров от лагеря и, как правило, приносили ценные сведения, определявшие направление партизанских ударов.

Далеко не правы те историки и мемуаристы, которые бойко писали о героической романтике партизанской жизни с первых же ее дней. Меньше всего эта жизнь на первых порах была героической и еще меньше — романтической. Не все шло гладко, не везде партизаны встречали объятия. Больше того, кое у кого из партизан появлялось уныние, ускользала надежда на скорую победу, с трудом переносились неизбежные лишения.

Очевидными и неотложными были две задачи: бить захватчиков и крепче связываться с народом. В боях обретется опыт, а в народе — сила.

Опыта действительно недоставало. Одной мужицкой смекалки и хитрости для работы в тылу врага было явно маловато. Уже кое-кто сожалел, что бывшие командиры Красной Армии ушли с первым отрядом в Белебелку вместе с Невским, что ушли с этим отрядом секретари райкома И. А. Ступаков и Н. Н. Седов.

Надо было действовать, не теряя времени, действовать решительно.

Пятеро из нас получили задание взорвать мост на шоссе у деревни Минцево. Мост небольшой, метров двадцать в длину, построенный только что перед войной. Уничтожение его создавало серьезные препятствия для передвижения немцев от Холма к Старой Руссе.

Командовал группой примкнувший в начале сентября к отряду старший лейтенант Виктор Обьедков, бывший командир пулеметной роты. Знал ли он подрывное дело — трудно сказать. Мы об этом и понятия не имели.

Рвать так рвать! В сумерках подобрался к мосту, заложили подобранный в пути тол, вставили взрыватели, привязали к толовым шашкам две гранаты Ф-1, за чеки подцепили проволоку. Отошли, залегли в канаву. Виктор дернул проволоку раз, дернул два. Ни звука. Он снова полез под мост. Минут пять поковырялся и вылезает.

— Ничего со взрывом не выйдет, гранаты не сработали...

Почему «не сработали» гранаты? Тайна за семью печатями.

— Надо мост сжечь, — решает Обьедков.

— Но ведь в Минцево немцы... — робко возразил один из нас.

— А ты хотел, чтобы там приветствовали тебя ликованием и громкими криками «ура»? — съязвил Обьедков.

В ста метрах от шоссе был льнозавод, окруженный шохами — большими штабелями туго спрессованных кип льна. Немцы попытались шохы поджечь, но лен в кипах не горит, только сверху обугливается.

Взяли мы такую кипу, подтащили ее к мосту, распороли, распустили тонким слоем по настилу. Огонь сначала занимался робко, потом пошел по густо просмоленным доскам, перилам. Вскоре мост пылал. Проринулась немецкая команда в Минцево. Немцы бестолково шумели, стреляли, гнали женщин с ведрами к реке. А сами не приближались. Несколько колхозниц под угрозами фашистов попытались было заливать огонь. Мы для острастки дали по воде с противоположного берега десятков выстрелов, и «пожарники» разбежались по огородам.

Мост пылал все ярче и ярче, пламя взметывалось ввысь сильными вспышками. Мы и не знали, что наши воинские части, отступая, подготовили мост к взрыву, но взорвать не успели. А подвешенный под настилом тол остался. Он-то и давал яркие вспышки.

Не прошло и часа, как свай, на которых держался мост, сгорели до воды. Только тогда подошли из Поддоря в Минцево немецкие автомашины с солдатами, вызванными на помощь. Но мы свое дело уже сделали. Моста нет. Операция, как говорил Обьедков, была чисто крестьянская.

Одетый в брезентовый дождевик с чужого плеча, в рваных ботинках с обмотками, Обьедков имел такой затрапезный вид, что невольно вызывал смех. Да и сам он, недавний мастер одного из красноярских маслозаводов, человек общительный, честный, не самолюбивый, подтрунивал и над нами, и над собой, и над выдумкой со льном.

Виктор в шутку называл себя «гражданским военным». Таким он и был. Еще не успел он к тому времени обрести качество, которое именуется «военной косточкой». Только года два спустя Виктор Обьедков стал одним из замечательных командиров партизан-

ского отряда, а затем и бригады, разгромившей крупную железнодорожную станцию Плюсса.

А тогда, в 1941 году, он ничем не выделялся среди нашего брата, людей штатских до мозга костей...

Грабежи и пытки

Зондеркоманды, полевая жандармерия, гестаповцы к тому времени уже свирепствовали повсюду.

В Поддорье и других селах шел грабеж. Первый наш пленный Курт, сдавшийся при разгроме большой группы грабителей в овраге у деревни Лобыни, рассказал, что солдатам приказано не щадить никого, забирать продукты, скот: «Покоренные должны кормить победоносную германскую армию».

Кровавая расправа с населением сопровождала каждому шагу гитлеровских войск. Полгода спустя в наших руках был официальный документ:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане села Поддорья Смекалов, Павлов и Кольцов составили настоящий акт о зверствах немецких оккупантов над мирным населением нашего села. Как только фашисты ворвались в деревню, гестапо арестовало 60-летнюю старуху Гурко Елизавету и уборщицу райсовета Татьяну Михайлову, которых обвинили в помощи партизанам. Старуху Гурко изверги два раза прокололи штыком, но эта патриотка, залитая кровью, не ответила ни на один вопрос немецких душегубов. Уже умирающую, ее на штыках подняли в воздух и бросили в огонь. Не выдала сельских активистов и Татьяна Михайлова. Ее избивали прикладами, а затем после долгих пыток расстреляли. Вместе с ней были расстреляны два пленных красноармейца. Желену партизана Александрю

Качалову и двоих ее ребятшек фашисты убили, тела всех убитых бросили в окоп и не разрешили убирать».

Елизавета Гурко — это бабушка Петьки Гурко, «хозяйина» нашего первого пристанища. Не уберег малый бабушку. Самого Петьку с сестренкой укрыли родственники. После Петька партизанил во Второй бригаде, был любимцем отряда, храбрым разведчиком.

В деревне Большая Вещанка фашисты повесили старика Ефимова, который тайно замещал председателя колхоза «Парижская коммуна» партизана Поджарова. Там же убили колхозника Федора Морозкина. В деревне Жарки до смерти замучили колхозников Василия Андреева, Семена Орлова, Владимира Орлова, живыми сожгли в избе семью Федорова.

Это лишь самый малый счет оккупантам. Но и по нему положено платить сполна.

Нарастают наши удары

В первых числах сентября группа П. Н. Николаева организовала налет на немецкий узел связи в селе Поддорье. Предварительно отрядная повариха, бывшая заведующая районным Домом культуры М. И. Качалова, ловко провела разведку. Ее, как женщину, оставшуюся без крова и куска хлеба, приютили в доме, где был размещен узел связи, рядом с уцелевшим еще в ту пору клубом, набитым немцами.

Налет отличался невиданной в то время дерзостью, произведен был среди бела дня и, что называется, на глазах у публики. Еще не пуганные партизанами, фашисты не ожидали такого наскока, большая часть их подалась в кусты, а оставшихся мы перебили. В числе убитых оказался и обер-лейтенант.

Подпольный окружком
ВКП(б) Ленинградской
области. Слева направо:
секретарь окружкома
И. И. Исаков, члены
окружкома К. Д. Кариц-
кий, М. Г. Абрамов, Н. А.
Сергачев, И. И. Сергунин.

Пятой партизанской бригаде вручается знамя Ленинградского штаба партизанского движения. Принимает знамя командир бригады К. Д. Карицкий.

Фото В. Капустина.

Партизаны разгромили коммутатор, двигатели, подожгли несколько автомашин, прихватили оружие. Два чемодана гитлеровского офицера были набиты награбленными в Прибалтике вещами — костюмами, бельем, принадлежностями дамского туалета. Все это готовилось в подарок «милой Эльзе», для которой были заготовлены письма с подробным рассказом о победном марше германской армии. Не забыл он впихнуть в чемодан и новое меховое манто с маркой Рижской фабрики.

В личных вещах и в письменном столе офицера бойкий Миша Морозов обнаружил до сотни порнографических открыток. Они как нельзя лучше дополнили скотский образ «культурного» завоевателя.

В сентябре отряд совершил несколько боевых операций. Каждый большой и малый партизанский бой эхом отдавался в окрестных селах и будил народ.

В начале октября группа партизан, которой командовал начальник штаба отряда Эрмель, подбила на шоссе легковую автомашину, убила коменданта Поддоря, с ним еще одного офицера и шофера. Третий, раненый офицер, сумел уйти, чего Эрмель долго не мог себе простить.

...Альфред Эрмель снарядил нашу группу в засаду на шоссе. Задание: напасть на колонну автомашин с немецкой жандармерией. По данным разведки, машины пойдут 13 октября из Поддоря в Старую Руссу.

Пятидесятикилометровый переход от лагеря к месту засады занял меньше суток. В ночь на тринадцатое выпал первый снег. Это — не в наших интересах: видны следы, ухудшилась возможность маскировки. Голые, с облетевшей листвой придорожные кусты почти не укрывали.

Начальник опергруппы Ленинградского партизанского штаба майор А. М. Гузев вручает бригаде знамя Володарского райкома ВКП(б) и райсовета.

Молодые партизаны полка С. Н. Чебыкина.
Фото В. Капустина.

Разведчица М. И. Черненко (справа).
Фото В. Капустина.

Под видом грибника с донесением к партизанам...
Фото В. Капустина

Троих сыновей привел в партизанский отряд рабочий железнодорож-
нодорожник станции Уторгош.

Фото В. Капустина.

Вооружаются и млад и стар...
Фото В. Капустина.

В нескольких километрах от деревни Бураково шоссе поворачивает на юго-запад почти под прямым углом. На этом изломе в углу мы залегли и стали ждать. С рассветом Шильцев, который был поставлен в наблюдение со стороны Поддоря, дал сигнал: «Слышу гул моторов». Вскоре показалась головная машина, через короткие интервалы двигались еще четыре фургона, покрытые брезентом.

— Огонь! — скомандовал командир группы Ян Нейман.

Полетели гранаты, заработали партизанские винтовки. Первая машина загорелась. Немцы, как горох, посыпались в канаву и через дорогу повели беспорядочный обстрел нашей цепи из автоматов. Численность их превышала нашу группу из пятнадцати человек раз в пять. Но на нашей стороне была, во-первых, внезапность, во-вторых, почти полная беззащитность немцев в тот момент, когда они покидали кузова машин.

Десятиминутный бой. Крики, стоны фашистов. Нейман дал команду об отходе. В последний миг Марк Чумак стоя бросил гранату. Автоматная очередь пробила ему сердце.

Немцы подобрали убитых и раненых, подцепили горевшую автомашину и с неистовой, бесцельной стрельбой по лесу двинулись на Бураково.

Отнесли мы тело Марка Чумака за болото на небольшую возвышенность. Взяли из левого кармана гимнастерки пробитый пулями комсомольский билет. Вырыли неглубокую могилу и схоронили Марка. Знали о нем немного: в комсомол вступил в армии в 1939 году, родом из Днепропетровска, его отец до войны был директором одного из днепропетровских заводов. На березе у могильного холмика сделали затес — знак

того, что здесь схоронен товарищ. За месяц пребывания в отряде Марк успел для многих стать другом.

Марк Чумак, Владимир Гуляев и Николай Тищенко в Красной Армии были оружейными мастерами. Вышло так, что они вместе со складом боеприпасов при отступлении воинской части оказались в окружении. Несколько дней ждали в лесу за Ловатью, что за ними кто-нибудь приедет. Не дождались. Укрыли, как могли, склад, вышли к деревне, где расквартировались немцы, затем подались глубже в лес и стали думать о том, как перейти к своим, как форсировать Ловать. Тут, на одной из лесных троп, и встретились оружейники с партизанской разведкой. Через день они были приняты в отряд.

После боя на шоссе из трех товарищей осталось двое — Гуляев и Тищенко.

В лесах, на дорогах войны

«Окруженцы...» Сколько их в ту смутную пору бродило по лесам! Лейтенанты, младшие и старшие, капитаны и рядовые, люди самых различных воинских званий, бойцы почти всех родов войск, поставленные стечением обстоятельств в трудное положение, искали выхода за фронт, к своим.

И брели они на восток, питаясь случайными крохами да забытой на огородах картошкой.

Однажды, возвращаясь из разведки, мы встретили на проселке мужчину и двух женщин, одетых в шинели командирского покроя, но без знаков различия в петлицах. Из коротких расспросов выяснилось, что это — врачи, перебираются через линию фронта. Пробовали уговорить их остаться в отряде. Медики нам были очень нужны. Две наши санитарки — Нина

Воскресенская и Лиля Варламова — с одной сумкой на двоих, в которой хранился микроскопический запас медикаментов, — вот и вся медслужба. Врачи были просто находкой для отряда.

Но они остались непреклонны. Измокшие под осенним дождем, полуголодные, они просили об одном: скажите, где наши? Об этом мы, честно говоря, и сами не знали. Но помогли им переправиться через Ловать, дали немного хлеба и распрощались.

Надо же так случиться, что четыре года спустя работа забросила меня на Невскую Дубровку, под Ленинградом, где восстанавливалась Дубровская электростанция. В большой с нарами землянке оказалась на ночлеге вся пропагандистская бригада. Когда улеглись, одна из женщин продолжала прерванный чьим-то приходом рассказ:

— И вот пробирались мы втроем все больше болотами. Измотались, обессилели. А признаков, что фронт близко, почти никаких. Встречались «окруженцы», но мы сторонились их, считали, что маленькой группой легче пересечь линию фронта. И тут на подходе к реке Ловать — есть такая река в районе Старой Руссы — встретили вдруг партизан, встретили нечаянно...

— Вас было трое — две женщины и один мужчина? — спросил я.

— Трое, верно, трое... — как-то робко подтвердила рассказчица.

— И партизаны предложили вам присоединиться к отряду?

— Да, — чуть услышалось из темного угла землянки.

— А вы отказались, сказали, что вас ищут в части, от которой отстали, партизаны переправили вас через Ловать...

— Да, да. Еще помню — хлеба немного дали... Да, но кто вы, друг? Откуда вы так точно знаете об этой встрече в лесу?

Не было никакой надобности оставлять и дальше рассказчицу в недоумении. Она тоже назвала свою фамилию, сказала, что тогда мужчина-врач погиб, а они вдвоем с подругой были подобраны армейскими разведчиками и доставлены в часть.

Действительно, «гора с горой не сходится»...

«Окруженцев» было много. Нас это скоро перестало удивлять. Часто встречались и одиночки, и группы по пять-шесть, даже по двадцать человек.

Во время подготовки к налету на вражеский гарнизон в деревне Ополец на дороге Молвотицы—Холмы встретили ночевавшую в лесном бараке большую группу военных, которые пробивались к линии фронта. Обросшие, почерневшие от грязи, они с нескрываемой подозрительностью отнеслись к нам: дескать, кто такие, откуда и что тут болтаетесь, да еще с лошадьми? Мы, в свою очередь, тоже не проявили особой любезности. Так, поговорив минут пять, и разошлись в разные стороны.

Правда, нередко «окруженцы» сразу же примыкали к отряду, тут же становились в строй, искренне радовались, что нашли применение своим силам. Офицеры (они еще назывались тогда командирами) через две-три боевых операции брали в руки командование группой, ротой, приносили в отряд воинскую дисциплину, солдатскую выправку. Кроме Виктора Объедкова и трех оружейников осенью 1941 года пришли к нам лейтенант Анатолий Горбатовский, танкист москвич Саша Паляничка, пограничник Александр Артемьев и другие. Артемьев, уроженец поддорской деревни Нивки, пришел в отряд в полной форме, с мау-

зером на боку. Вскоре в отряде образовалась третья рота, переросшая затем в самостоятельный отряд, воевавший уже в начале 1942 года в знаменитом Партизанском крае в составе Второй бригады.

Естественно, с ростом отряда заметно усилились его действия: засады на дорогах, жесткий контроль за шоссе Холм — Старая Русса, налеты на фашистские гарнизоны, разгон хозяйственных команд, грабивших население...

Среди боевых операций тех дней нельзя не упомянуть об освобождении группой Эрмеля колонны военнопленных недалеко от Холма.

Эрмель хорошо разведал путь, которым немцы ежедневно гоняли советских военнопленных на лесозаготовки.

Голодные, полураздетые, они понуро брели на работу и с работы, подгоняемые озверелыми окриками, плетками и ударами винтовочных прикладов охранников.

Партизаны удачно избрали место для засады: дорога на большом участке пролегалa по бору, обочины ее были приподняты. Эрмель умело расставил силы. Ребята отлично замаскировались. С вечерней зарей показалась колонна. Партизаны внезапным метким огнем быстро вывели из строя охрану, крикнули пленным: «Бегите в лес!»

Колонна рассыпалась. Редкие ответные выстрелы немцев почти никому не причинили вреда. Партизаны отошли без потерь.

Уже при подходе к отрядному лагерю они встречали бывших военнопленных. Те рассказывали о том, что «кто-то» их освободил. Немногие были ранены. Наши указывали им намеченные заранее пункты сбора.

Походы за солью

С каждым днем пополнялся дневник боевых дел отряда и заметно росли его ряды. Но росли и трудности. Усложнялось снабжение. Износились обувь, одежда.

Иван Сидоров — наш снабженец, прозванный почему-то Ваней Кочубеем, видимо, за его крутой нрав, исключительную решительность и смекалку, — предпринимал все возможное для того, чтобы партизаны не голодали и не ходили босыми. Он даже добыл тридцать пар липовых лаптей, которые сплел ему древний стовосьмилетний слепой старик. Но ведь лапти не вековечны.

Безусловно, шли в ход снятые с убитых фашистов тяжеленные, будь они прокляты, сапоги, грязно-зеленые френчики, все, что попадало под руку. Но и это мало помогало.

Очень плохо было с солью и табаком. Конфисковали две подводы у старорусского спекулянта, торговавшего на Ловати ворованными кожами, овчиной и солью, но это не спасло положения. У многих уже кровоточили десны.

В Старой Руссе немцы в одном из ларьков торговали солью. Но попробуй достань ее...

Походы в город совмещались с разведкой. Семьдесят километров, от деревни к деревне, с большим риском обходя крупные населенные пункты, шли разведчики в Старую Руссу. Конечно, не каждому удавались такие операции. Память воскрешает образ журналистки-партизанки Жермины Кондэ, латышки по происхождению. Ее муж — редактор пожеревицкой районной газеты Комаров — погиб в первые дни войны.

Жермина оставила детей у дальних родственников и пошла в отряд. В разведке ей помогало знание немецкого языка. И, конечно, походы за солью в Старую Руссу удавались блестяще. Напарником Жермины был старик — бывший председатель сельпо из Перегина Сергеев. Вдвоем они успевали и соль закупить, и аэродром разведать.

Старая Русса открывала перед разведчиками картины, одну зловещее другой. Разрушения, виселицы, забитый, запуганный народ. На партизанских явочных квартирах живут гитлеровцы. Но Жермина Кондэ делала свое дело. Утром чуть свет шла она к заветному соляному ларьку, становилась в огромную очередь среди сотен других. Фашисты пропускали людей к этому ларьку только по одной улице, кажется, имени Воровского, для того чтобы показать повешенных на трамвайных столбах. Десятки обезображенных трупов качались в петлях. Их долго не убирали.

Жермина Кондэ и ее напарник не раз подвергали себя смертельной опасности.

...Поход подходил к концу. Полны мешки — не вещевые армейские, а самодельные, из грубого, домашней работы холста. Зорким глазом засечено все, что встречалось на ограниченном комендатурой пути в Старой Руссе. Осталось пройти мимо аэродрома, издали взглянуть и запомнить: много ли самолетов, как укрыты?

Перед аэродромом — контрольный пункт. Проверка документов. Тут гляди в оба, но не оглядывайся по сторонам. За летным полем дорога уходила в лес. И опять проверка. Показывай, что несешь в мешке, нет ли запрятанного где-либо оружия.

Прошли и в тот раз. Лесными тропами добрались до деревни Векшино. Казалось, тревоги и волнения

позади. Знакомый Сергеева устроил их на дневку в картофельную яму.

В яме — тепло. Усталость и нервное напряжение взяли свое: Жермина и старик крепко уснули.

Кто знает, что снилось им в те недолгие часы отдыха. Может быть, Жермина играла со своими детьми, может быть, встретилась с мужем...

Их разбудили пинками. Выволокли из ямы. Кроме полицаев в немецкой форме — на улице ни души. Словно вымерла деревня. Привели к дому, где когда-то размещался сельсовет. И тут на двух белоствольных березах повесили.

Никто не слышал, что Жермина кричала перед казнью. Только женщина из соседнего дома, притаившись за оконной занавеской, в щелочку видела, как спешили каратели. Они страшились даже безоружных партизан.

Партизанских разведчиков отдал в руки фашистов кто-то из предателей.

„Шила в мешке не утаишь“

Так говорит русская пословица. Знали и партизаны о продажных шукурах, как бы они ни хоронились. Над теми гадами, кого могли достать руки народных мстителей, свершался скорый и справедливый суд. Так было в 1941 году, не могло быть иначе и в последующие годы.

Старостой в Поддорье гитлеровцы поставили Василия Баранова — горе-горького пьяницу и вора. Он вместе с женой шпионил, распространял провокационные слухи, выдавал врагу семьи коммунистов, красноармейцев и партизан. Это по его спискам фашисты пытали и казнили советских патриотов. По его доно-

су погибли старухи Гурко и Михайлова, десятки других.

Осенней ночью партизаны расстреляли жену Баранова в ее же квартире, а сам Баранов успел удрать под крылышко хозяев в Старую Руссу, где ему было поручено заведование баней.

Действительно, в офицерской бане было где развернуться «талантам» Баранова. В пресмыкательстве перед фашистами он преуспевал и в Поддорье. Его стараниями здание фашистской комендатуры было превращено в крепость. Наверху — сторожевая башня, вокруг хитроумные проволочные заграждения с секретной сигнализацией и минные поля.

Баранову мало было чина сельского старосты. Он хотел выглядеть в глазах односельчан «верховным правителем» Поддорья, внушать одним появлением своим страх и трепет, и Баранов вымолил у немцев оружие и форму, принял важный вид.

А немцы и впрямь видели в этом предателе надежную защиту и опору в борьбе с партизанами и вообще непокорными. Но фашист «полагает», а партизан — «располагает». Налеты и засады партизан не только не прекращались, а удваивались и становились все более смелыми. Фашистам пришлось убраться из Поддорья.

Вот тогда-то они и вспомнили о старорусском банщике Баранове, вспомнили и предъявили ему за партизанское Поддорье счет. А так как Баранову нечем было платить по этому счету, немцы пустили Баранова в расход. Собаке — собачья смерть!

В первые же месяцы немецкой оккупации стали выползать на свет бывшие кулаки, высланные в период

коллективизации. Один из них — Зайцев — явился в родную деревню Лашковского сельсовета. На первых порах он прикинулся мирной овечкой, дескать, примите, мужички, не гоните Христа ради, натерпелся и так.

У «мужичков» поразмякли сердца. Приняли Зайцева в мирской круг. Даже хлеба дали, жилье определили, корову на двор поставили.

Поосмотрелся Зайцев недели за две, а потом сходил в соседний город Холм и заручился там приказом начальника земельной управы, которым крестьянам предписывалось немедленно удовлетворить все претензии Зайцева.

А претензии были немалые. Потрясая немецкой бумагой, Зайцев кричал на деревне: «Отняли у меня, душегубы, пять коров — верните семь! Отбрали три лошади — отдавайте пять... А земли весной возьму — сколько захочу. Иначе господа немцы спалят вас вместе с пожитками».

Поняли крестьяне, кому они открыли свои сердца. Пришли ходоки в партизанский отряд, спрашивают командира: «Как тут быть? Зайцев на нашу шею садится».

Партизанское командование решило вынести этот вопрос на сельский сход. Проведение схода поручили комиссару Г. П. Ермакову и партизану В. Н. Алексееву.

На сходе Зайцев, не зная партизан в лицо, повторил свои притязания в самой наглой форме.

Недолго обсуждали суть дела, но горячо. Зайцеву вспомнили все былое, все слезы, пролитые по его кулацкой милости.

— Таковую гниду не грех и прикончить, — заключил сосед Зайцева.

Приговор схода был единодушным: расстрелять как продавшегося врагу...

И тут же приговор привели в исполнение.

Расправа с предателями, смелые налеты на врага укрепляли в народе веру в партизан. Люди видели, что они не одиноки в тылу у захватчиков. Но кое-где еще заметен был холодок отчуждения, вызываемый боязнью расплаты за связь с партизанами.

Нож коммунисты, вперед!

Много вреда приносили всякого рода провокационные слухи, распространяемые гитлеровцами через своих подручных, через листовки и газеты, которые они издавали в изобилии.

Уже 15 сентября 1941 года немцы пустили слух, что Ленинград пал. По этому поводу в Поддорье все солдаты получили по лишней фляжке «шнапса», а офицерье устроило банкет на лоне природы, в саду, с музыкой и громкими возгласами «Хайль Гитлер!».

Конечно, такие фашистские фокусы не прибавляли бодрости населению. А тут еще пополз по деревням слухок, что бывшие руководители района — первый секретарь райкома партии Ермаков и председатель райисполкома Мирошниченко — бежали из района. Другие передавали сплетню, будто они повешены, дескать, сами видели. Надо было идти ближе к народу и показать, что немецкая брехня не имеет под собой почвы, что Советская власть в оккупированных фашистами районах жива, имеет вооруженную силу, а главное, что Ленинград стоит и борется.

Костяком отряда были тридцать пять коммунистов. Распределенные по ротам, они своей дисципли-

нированностью, готовностью преодолеть любые лишения цементировали ряды партизан.

Созданное с первых дней существования отряда партийное бюро не сразу настроилось на военный лад. Тянуло к привычным довоенным формам работы: план, протокол, регламент, заседание, собрание...

А тут все по-иному. Планы и протоколы, конечно, были, но они отличались особой краткостью. Если возникала необходимость, заседание бюро проводилось, что называется, на ходу. Перестановка людей из группы в группу, из роты в роту для того, чтобы обеспечить успех той или иной операции, отбор коммунистов для сложной разведки, для проведения собраний по деревням и многие другие вопросы решало партбюро вместе с комиссаром отряда.

В тылу врага во много раз усилилась ответственность партбюро за воспитание бойцов и командиров. Были случаи нарушения дисциплины, в частности, факты преждевременного отхода с места боя, нечеткое выполнение приказов командования.

В таких случаях партбюро совместно с командиром и комиссаром отряда проводило в ротах открытые партийные собрания с полным и пристрастным допросом провинившихся. Выступали все — и коммунисты, и беспартийные.

Строго судили, например, группу коммуниста Смирнова, которая до завершения операции 13 октября самовольно отошла, более того, не попыталась соединиться с остальными, направилась к лагерю. Командир роты Нейман вынужден был почти сутки ждать Смирнова в условленном месте, но так и не дождался.

Строгим был и прием в партию. Вопрос о приеме после рассмотрения на партбюро выносился на открытое партсобрание.

...Принимали в кандидаты ВКП(б) разведчика Н. И. Захарова. Все партизаны знали этого собранного и исполнительного бойца, поседевшего в двадцать пять лет. До войны он был младшим агрономом райземотдела, почти безвыездно жил в колхозах и МТС, отличался разумностью в своих агрономических советах и тактом в обращении с колхозниками.

Так называемая довоенная часть биографии вступающего в партию, конечно, принималась в расчет. Но главной меркой была боевая деятельность в отряде.

Захаров показывал пример смелости. Приняли его в кандидаты ВКП(б) единодушно. И в члены партии Захаров был принят в немецком тылу. А кандидатскую карточку и партбилет получал в один день и даже в один и тот же час уже в советском тылу.

Протоколы, анкетные данные принимаемых в партию, рекомендации — все это хранилось в кожаном чемодане от противотанковой мины, в яме, о которой знали лишь комиссар отряда и секретарь партбюро.

Говорит Ленинград...

Наконец-то кончилась трудная для партизан пора, когда они не имели буквально никакой связи с «Большой землей». Единственный раз в наши руки попал номер «Правды» за 8 сентября 1941 года. Сказать, что он был зачитан до дыр — значит ничего не сказать. Его читали крестьянам и показывали, давали подержать, потрогать сотни раз. Его бережно подклеивали картошкой на сгибах, пока газета не износилась окончательно.

Вести с родной земли! Как ждали их люди, как жадно ловили. А возможностей для этого было мало.

Радио не было — ведь все радиоприемники в первые дни войны были сданы, куда-то отправлены. Только месяц с лишним спустя после ухода отряда в немецкий тыл удалось добыть случайно уцелевший старенький БЧЗ и к нему аккумулятор, снятый с разбитой немецкой автомашины. Настройка приемника на Москву или Ленинград стала в отряде настоящим праздником.

«Говорит Ленинград, говорит Ленинград! — слышалось однажды из радиоприемника. — Работницы и рабочие Нарвской заставы города Ленина отвечают рабочим и работницам Красной Пресни славной столицы Москвы. Мы выстоим, товарищи москвичи, враг нас не возьмет ни бомбами, ни блокадой... Ленинград борется!»

И понесли партизаны эту весть по селам. На многочисленных собраниях выступали все, и главным образом командиры — секретарь райкома, председатель райисполкома, командиры рот, члены партийного бюро отряда.

...В деревне Краснолудье народ собрался в просторной избе. Вечер. Горит коптилка.

Сидоров—Кочубей открыл собрание. И в затаенной тишине, сгрудившись вокруг стола, люди слушали рассказ о том, как идет война, насколько далеко зашел враг на нашу землю, рассказ о том, что Ленинград не сдался и не думает сдаваться.

Народ хотел и должен был знать всю правду о невероятных трудностях, связанных с войной, о настоящих задачах борьбы здесь, в тылу немецких захватчиков.

Не раз в жизни в привычной довоенной работе мы были свидетелями необоримой силы правдивого большевистского слова, всегда находившего путь к сердцу человека. В годы войны, в суровой обстановке враже-

ского тыла сила правды раскрывала сердца, не давала им очерстветь в забытости и кажущейся обреченности.

Отряд партизан с каждым днем расширял сферу своего влияния. Мало-помалу исчез в селах холодок отчуждения. Значительно легче решал свои снабженческие задачи Ваня Кочубей. И уже мало было таких, кто попадал на удочку фашистской пропаганды.

Кузьмич

В последних числах сентября, когда дождями размыло все дороги и пути, с деревьев и кустов так капало, что до них дотронуться было страшно, и человек рад был любой возможности побыть хотя бы час под крышей, мы оказались в крохотном поселке Пролетарий. Привела нас сюда не только непогода. Говорили, что здесь в чьей-то бане живет раненый командир.

«Не Новиков ли?» — думали мы, вспомнив наказ комиссара пехотного полка Демьяненко.

Нет, это был не Новиков. Каждая из десяти семей лесорубов, проживавших в поселке, поочередно стерегла раненого, кормила его. Перебитую в локтевом суставе руку лечили как могли. Решающую роль сыграл тут старик фельдшер из соседней деревни, на помощь которого мы, по совести говоря, не очень рассчитывали.

До войны этот фельдшер слыл брызгой. Все ему не нравилось, все было не по нему. К общественным делам он относился с подчеркнутым невниманием.

Но на просьбу пролетарцев посмотреть раненого фельдшер откликнулся с такой готовностью, что

проситель даже опешил, заподозрил что-то недоброе. Он ждал отказа, ждал, что фельдшер, зарывшийся, как сурок в нору, предложит пузырек йоду, бинт, а сам, конечно, не двинется с места. На деле оказалось совсем иначе. Старик собрал саквояжик, по молодому двинулся с провожатым в путь.

Чего только не передумал посланец поселка Пролетарий, пока шел с фельдшером. А тот словно в рот воды набрал. Ни слова. Когда пришли в поселок, старик коротко спросил: «Где?»

Полчаса, не меньше, пробыл фельдшер у раненого. Охрана все это время была начеку. Наконец вышел он из предбанника. Туда сразу же бросилась хозяйка бани. Раненый с перебинтованной рукой привстал. Спросил, что за старик.

— Фельдшер, сынок, наш фельдшер. Кузьмич его зовут. Как он с тобой?

— Хороший старик, — ответил раненый. — Сказал — еще придет...

«Хороший старик» в это время двинулся в обратный путь. На предложение дать ему провожатого сухо бросил:

— Не надо, не маленький.

И ушел по раскисшей тропинке, растаял в сизых от капли кустах.

Четверо с советской стороны

В эту примерно пору здесь же, в Пролетарии, мы встретились со странной, на первый взгляд, группой людей из Валдая. Потом все прояснилось. Один из них был корреспондент фронтовой газеты Лев Плещачевский, другой — фотокорреспондент «Красной

звезды» Лоскутов, а третий — кинооператор Гусев. Линию фронта перешли, по их словам, в районе Осташкова, идут в глубокий, насколько возможно, немецкий тыл, посмотреть, запечатлеть, что и как, рассказать советским людям о жизни оккупированных врагом районов.

Неизвестно, о чем они, уединившись, долго говорили с комиссаром отряда. Может быть, передали какой-то условный пароль из-за фронта, а может быть, показали документы, — мы не знали, хотя пришельцы и вызывали немалое любопытство.

Четвертым в этой группе был юноша в военной форме. Кто он — с виду не определить. Те трое звали его «Зайчик». Чувствовалось, что этот «Зайчик» умеет петлять по нехоженным тропам.

Много позднее мы узнали, что Михаил Иванович Калинин в речи на собрании комсомольского актива города Куйбышева 12 ноября 1941 года, рассказывая о том, как комсомолец в дни тяжелых военных испытаний в самый короткий срок превращается во взрослого мужа, говорил:

«Я приведу вам самый обыденный факт. В «Красной звезде» публикуются записки фотокорреспондента Лоскутова. В них рассказывается о том, как группа наших работников, в том числе и автор и кинооператор, пробралась в немецкий тыл, к партизанам».

«С нами, — пишет корреспондент, — шел проводник, который стал командиром группы. Командир наш молод, всего 20 лет, но много испытал, много видал. Комсомолец, смелый, настойчивый, сразу полюбился нам. Фамилия его Сережа Зайцев, а мы его звали просто „Зайчик“».

«...Подумайте, — продолжал М. И. Калинин, — 20-летний юноша... ведет группу по немецким тылам...»

За пять месяцев он превратился в бойца, в народного мстителя»*.

Этот «Зайчик» тогда и привел к нам Лоскутова, Гусева и Плескачевского.

Пожили они у нас три дня. Уже хорошо ознакомившись с людьми, Лева Плескачевский как-то сказал:

— А почему бы вам не попытаться выпускать газету свою, поддорскую?

— Стенную, что ли? — спросил кто-то.

— Зачем стенную? Печатную. Шрифт у вас, говорят, где-то есть, бумагу найдете, редактор тоже есть. В чем же дело?

Эта мысль приходила в голову и раньше. Мы прекрасно понимали, что печатной немецкой брехне надо противопоставить нашу газету, что народ воспримет ее с радостью. Но с чего начать? Мы тогда еще и не представляли себе, что газету можно печатать без привычных типографских условий, без штатных печатников и наборщиков, без сторожа дяди Коли, который, ни свет ни заря, и печки истопит, и пол подметет.

Плескачевский, Гусев, Лоскутов и «Зайчик» направились с нашим проводником в сторону соседней Белебелки. Возвратились они недели через две и, не встретившись ни с кем, кроме командира и комиссара, ушли, чтобы перейти линию фронта. Они сделали большое дело. В центральных и фронтовых газетах появились очерки, фотоснимки из немецкого тыла, даже кинокадры, а Лев Плескачевский издал книжечку «Партизанскими тропами». Это, пожалуй, были первые в истории Отечественной войны документальные сведения в открытой печати о том, что происходило в тылу врага.

* М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Лениздат, 1947, стр. 111—112.

Родилась подпольная газета

А нам все больше и больше бередила душу мечта о своей газете. Появился в деталях разработанный план. С первыми заморозками, когда окрепли дороги, взялись за его осуществление.

Рассыпанного по дороге в деревне Язвище шрифта набралось около мешка. Он уже был промыт, упакован в несколько мешков. Разведчики Шильцев и Иванов собрали много бумаги. Нашли припрятанные в августе две банки типографской краски. Все это перенесли в лесной лагерь.

Организация типографии продвигалась довольно успешно. Однако долгое время не могли проникнуть в Поддорье и захватить самое необходимое оборудование.

Наконец такая возможность представилась. Мы группой из пятнадцати человек в Поддорье. Вот он, редакционный дом, с выбитыми стеклами, с вырванными из петель дверями, запущенный, загаженный гитлеровцами. Комнаты верхнего этажа поделены досками на «индивидуальные» клетки — здесь спали гитлеровские вояки. В нижнем этаже оборудованы стойла для лошадей.

При свете карманных фонарей достали из-за печи завернутые в тряпки верстатку, рамки, зажимы, красочный валик, даже шило — основное орудие наборщика. На свалке подобрали старую шрифтовую каску. Утопленные в колодце чугунную плиту и катушку вызвался достать бывший печатник типографии Михайлов. Он все это в августе и сбрасывал в колодец. Привязавшись крепкой веревкой, Михайлов быстро спустился в студеную воду, подцепил крючьями сначала плиту, а потом и катушку.

Уже брезжил рассвет, когда Михайлова подняли наверх. Он дрожал от озноба. Через неделю Михайлов умер от воспаления легких. Остались без кормильца убитая горем жена и куча ребятишек. Мы помогали им хлебом и другими продуктами, потом дали корову. Не были безучастны к ним и соседи.

Группа возвратилась в лагерь. К нашему приезду партизаны в том же лесу за деревней Ольховец подготовили для типографии отдельную землянку, установили железную печурку, заготовили топливо, позаботились о фонарях «летучая мышь», запасли немного керосина.

И началась непонятная для многих работа. Не раз вспоминал я с превеликой благодарностью наборщиков, которые когда-то, в довоенную пору, обучили меня наборному делу. Как это пригодилось сейчас! Отрядные умельцы, прежде всего Колесников, который искусно мастерил ложки, да не простые, а, как шутили партизаны, «с флюсом», быстро изготовили из дерева подобие верстаток по образцу единственной металлической. Раненые бойцы А. Паляничка и А. Захаров постигли нехитрое искусство выставлять на верстатку из россыпи буквы одна к другой рубчиком кверху, выключать строки. А собранный таким образом шрифт уже не столь трудно было разобрать, зная кассу.

Дни бежали в утомительных приготовлениях. Комиссар отряда нетерпеливо спрашивал:

— Когда же будем читать газету? Что-то вы долго копаетесь...

А копаться действительно приходилось. Заголовочного шрифта, бережно расставленного в маленьком ящичке, было маловато. В некоторых ячейках текстовой кассы явно не доставало мягких знаков, букв «о»

и «а». Приходилось снова и снова перерывать «сыпь», искать то, что нужно.

Примерно тогда и появился в отряде коммунист Эдуард Клавович Озолин. Его и раненного в ногу летчика Балукова привел наш связной Зуев. Балуков бежал из псковского немецкого лазарета, а Озолин от Риги до здешних мест прошел по тылам врага, не теряя надежды найти партизан.

После встречи с Зуевым к Озолину и Балукову примкнул связной обкома партии Петров. Уже километрах в двадцати от нашего лагеря на Студеновском болоте Петров попал на мину и был убит. Озолина, который шел вслед, контузило, он оглох.

Но и полуглухой Э. К. Озолин рвался на операции, пока комиссар не определил его на работу в типографию. Это было как нельзя кстати.

Старый коммунист, политкаторжанин, Эдуард Клавович Озолин еще в досоветское время участвовал в подпольном выпуске латышской газеты «Циня». Там, в подполье, он и стал наборщиком. Опытный конспиратор, Озолин многому научил нас. Не знаю, вспоминал ли Эдуард Клавович теперь, в наше время, когда отмечался юбилей газеты «Циня», как судьба свела его еще раз в жизни с подпольной газетой. Наверное, вспоминал.

Наборщик он был хороший. Правда, ему, чистокровному латышу, трудно давался русский язык. Он говорил, например, вместо нашего «ветер дует в окно» — «в окно несется холод». Обращаясь к Марии Ивановне Качаловой с просьбой, он изрекал: «Марья Ивановна, позашейте кальсону». Так, с ошибками, Озолин набирал и листовки. Но это не ахти какой было бедой. Правка ручного набора мало задерживала, тем более, что набирал Эдуард быстро.

Допотопный корректурный станок, какими теперь в типографиях не пользуются, это наша печатная машина.

Долгими осенними ночами, медленно перекачивая тяжелую катушку, обтянутую для упругости сукном, мы не уставали слушать рассказы Озолина о том, как он жил и работал в рижском подполье, о многом другом, чем полна была жизнь подпольщика и что было нам неведомо.

В конспиративных делах Озолин был крайне щепетилен. Для него не существовало мелочей в подпольной работе. И мы, надо сказать, без слова подчинялись ему.

— Краску и бумагу нельзя прятать в одно место, — говорил Озолин. — Найдут в одной яме — останется в другой. Запас шрифта надо хранить отдельно и подальше от типографской землянки. Упаковка для оборудования, телега или дровни должны быть всегда наготове. Пусть к землянке ведет только одна протоптанная тропа, но другая дорога должна быть известна заранее. Беспечность, — в сотый раз повторял Эдуард Клавович, — самый злейший враг подпольщика.

И мы старались делать так, как он учил.

11 ноября 1941 года родился первый номер «Большевистского знамени» — подпольной газеты Поддорского райкома ВКП(б). Открывался он обращением райкома партии к трудящимся района с призывом не подчиняться немецким приказам, жить и работать по советским законам, уничтожать фашистов всем, чем придется. «С разбойниками-немцами у нас один разговор, — говорилось в обращении, — бить их беспощадно на каждом шагу».

Ниже публиковались короткое сообщение Совет-

ского Информбюро и буквально три строки о том, что США направили Финляндии ноту с требованием отозвать войска с фронта и начать переговоры с СССР о мире.

Партизанские почтальоны

Двести экземпляров газеты напечатаны. Разведчики уже унесли их в ближайшие деревни. Распространяли известно как: где вручат случайному встречному, где подсунут под дверь хаты или приколют на плетень. А то и просто отдадут кому-нибудь целой пачкой — возьми, дескать, распространяй. Легко сказать — «распространяй». Немцы, если у кого находили советскую листовку, того на виселицу вздергивали или тут же расстреливали.

Двести-триста экземпляров — невелик тираж, дожить приходилось каждой листовкой, направлять ее с таким расчетом, чтобы она дошла до возможно большего числа людей, чтобы ее прочитали десятки, а то и сотни жителей района.

Тогда-то и поднял Э. К. Озолин вопрос о технике распространения газеты. По его совету примерно в двадцати километрах от основного партизанского лагеря был образован центральный пункт связи, который возглавляла коммунистка-подпольщица Аня Тимофеева. От этого пункта шли почтальоны-добровольцы по семи различным маршрутам. И Аню знали только эти семеро. Они в условленных местах передавали газету другим, а те, в свою очередь, следующей смене.

Так возникла и исправно действовала партизанская цепочка надежных почтальонов, включавшая в себя до полусотни верных помощников. Газета стала

расходиться широко, проникала и за пределы Поддорского района. Почтальоны были одновременно хорошими агитаторами и разведчиками. Они и газеты вслух читали и беседы проводили.

А в лицо каждый из них знал лишь двоих из цепочки — того, от кого получал газету, и того, кому ее передавал.

Особой активностью, смекалкой и выдержкой отличался комсомолец Гена Устинов из деревни Лесово. Перед войной он окончил среднюю школу и месяца два-три работал в редакции районной газеты. Невзрачный на вид, в сильных очках, он производил впечатление какого-то забитого и запуганного подростка. Не по годам серьезный и рассудительный. Гена сразу включился в цепь связных и с таким азартом выполнял поручения, что комиссар несколько раз предостерегал его, напоминая об опасности провала.

Оказалось, что этот юноша обладал недюжинным характером.

Однажды Устинов пробирался к одной из деревень вблизи Холмовского шоссе. В крестьянской подводе под сеном — мешочек с газетами, а поверх сена лежала укрытая тулупом двоюродная сестра Гены, якобы больная. При переезде через шоссе подводу задержал фашистский патруль. Устинов вскочил с облучка и, как мог, спокойно объяснил немцу, что сестра больна тифом, он боится, что не выживет, и везет ее к фельдшеру, может быть, тот чем-нибудь поможет.

Немец отвернул тулуп, посмотрел на «больную», брезгливо потрогал дулом автомата тряпье, которым была прикрыта девушка, рывкнул что-то, показал, чтобы Гена побыстрее съезжал с тракта, и бросил вдогонку: «Шнель, шнель!» Устинов подстегнул лошаденку, переехал через канаву в кусты, и скоро пат-

руль скрылся с глаз. Выглянула «больная» из-под тулупа, бледная, словно и на самом деле ее корежил недуг, чуть-чуть улыбнулась:

— Ты что, всегда так хитришь, Гена?

— Не знаю, как всегда, а сегодня мы с тобой схитрили. Лежи. Скоро встреча. Ты для верности останешься в кустах, а я поеду в деревню...

Боялись ли такие, как Устинов, смерти? Наверное, боялись. Кому в восемнадцать лет, да и не только в восемнадцать, не хочется жить! Страх гибели тому, кто не может его внутренне подавить, кому откажет сила воли и глубокая убежденность в своей правоте. Нет людей, которым в той или иной мере неведом страх. Но человек, идейно убежденный, не потеряется перед возникшей трудностью, преодолет ее.

Многие партизанские почтальоны попадали в переделки и в 1941 году, и в последующие годы. Менялась обстановка, менялись и методы их работы. В 1941 году оправдала себя «цепочка». Звенья ее — почтальоны — имели постоянных читателей, у которых газета находила отклик прежде всего и не залеживалась за пазухой, а обязательно становилась достоянием близких и дальних родственников, соседей.

„Читай еще разок“

Газету выпускали примерно дважды в неделю, сообразуясь с обстановкой. Темы выступлений определяла сама жизнь, прежде всего — ход борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Комиссар отряда неотступно направлял нашу работу.

— Надо, — говорил он, — не упускать ни одного

факта, на котором можно воспитывать в народе ненависть к врагу, вовлекать как можно больше людей в активные действия против фашистских громил, поднимать ярость, повышать накал народной войны.

«Смело беритесь за оружие, беспощадно бейте немецких разбойников!», «Берегите народное добро!», «Не давайте лошадей немецким грабителям!» — с такими призывами обращалась газета «Большевицкое знамя» к населению и партизанам. И боевые призывы находили отклик.

...Партизанский связной в деревне Новинка читал группе колхозников и колхозниц «Большевицское знамя» за 16 ноября 1941 года. Тесно в избе, люди не шелохнутся. В густых вечерних сумерках попыхиwały самокрутки, першило в горле от дыма крепкого самосада.

— Читай еще разок, — просит старик. И партизан читает уже в третий раз:

— «Недалек час нашей победы! Сегодня немецкие сволочи жрут конину, а завтра они будут сидеть голодом. Сегодня немецкие солдаты кутаются в одеяла. А завтра и одеяла не спасут их от мороза. Наша родная Красная Армия громит захватчиков ежедневно и ежечасно. Железной дисциплиной, высокой организованностью поможем Красной Армии в разгроме врага! Не давайте врагам ни хлеба, ни мяса, ни полушубков, ни валенок, ни перчаток. Прячьте от немцев все, всеми силами боритесь против грабителей, уничтожайте их, держите связь с партизанами».

— Так-то оно так... — не унимается старик. И, как бы в раздумье, говорит: — Прибрал я подальше пудов шесть зерна. Полагаю — сеять ведь придется... Только сберегу ли? Другие прочие-то как?

— Что другие? Сберегать, так сберегать всей дерев-

ней. В одиночку не ухранишь, — слышится из темного угла. — Все за одного — один за всех, вот как надо...

Сход тут же принимает никем не записанное, но твердое решение: ничего не давать немцам.

-- Вот, товарищ партизан, кое-кто из красноармейских семей нуждается. Опять же и учительница... Может, подкинете чего?

По избе — недовольный ропот. Возмущенные выкрики:

— Ты, дядя Петр, в своем уме? Где же партизаны возьмут? А мы сообща разве не прокормим своих соседей?

Решают: прокормим!

Учительница, робкая, худенькая женщина с ребенком на руках, благодарит, плачет и сквозь слезы чуть слышно говорит, что она пока не голодает, что если бы не ребенок, она не сидела бы сложа руки, и что вообще-то ей ничего не надо...

Перед партизанским отрядом — единственным и законным представителем Советской власти — встала еще одна задача: помочь семьям красноармейцев, партизан, интеллигенции. Хозяйственник отряда Ваня Кочубей получил задание: взять в районе на учет всех остро нуждающихся и умело, с тактом помогать им за счет внутреннего перераспределения продуктов.

Надо сказать, что отряд хорошо решил и эту задачу. За полгода более ста семей получили поддержку продовольствием, обувью, одеждой.

Радость прилетела из Москвы

Война в тылу врага смещала границы административных районов. Действовать приходилось, не считаясь с тем, поддорское это село, залучское или какое

другое. Отряд нередко проводил свои операции в соседних районах. На соседние районы распространялась и наша печатная пропаганда.

Лесная типография выпускала листовки, обращенные к труженикам оккупированных гитлеровцами Вологовского, Молвотицкого, Залучского, Холмовского районов. Оттуда и приходили посланцы. Как-то наведались к нам даже гдовские партизаны. Кстати, и они встретили газету «Большевистское знамя» далеко от Поддоря.

Никогда не забыть, как мы выпускали номер газеты с сообщением Совинформбюро «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы».

Короткие новости мы обычно принимали по радио. Старенький приемник все еще служил свою службу. Следили за передачами командир или комиссар, они же и записывали сообщения ТАСС и Совинформбюро.

И вдруг ранним декабрьским утром в типографскую землянку врывается связной:

— Все — в штаб!

— Что случилось? Тревога? Немцы?

— Не знаю. Не тревога. Не немцы. Все в штаб!

Побежали. У штаба творилось что-то неопишное. Каждый, кто был свободен от дежурства. — тут. Дверь в командирскую клетушку настежь. Громко звучит репродуктор. Левитан четко читает: «От Советского Информбюро. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы».

Еле-еле протиснулся внутрь помещения. Примостился на нарах, приготовился записывать передачу. Но рука не слушается... Кое-что все же записал. А разве «кое-чем» можно обойтись?

Комиссар пристально смотрит на меня, взглядом спрашивая: что будем делать?

Попробуем записать ночью, когда ТАСС передает материалы для газет.

А пока с необычно радостной вестью пошли в окрестные села все, кто мог пойти, понести народу слово Москвы.

После наши агитаторы рассказывали, что творилось в этот день в Ольховце, Язвице и других деревнях, сколько было и слез, и ликования, несмотря на то, что близко располагались немецкие гарнизоны. Из дома в дом шли люди, делясь услышанным.

Ночной радиоприем не понадобился. Вечером два советских самолета рассыпали над селами вдоль Ловати листовки с сообщением Совинформбюро. Несколько экземпляров партизаны сразу же доставили в штаб отряда.

— Набирать! Набирать и печатать! — приказал комиссар.

Выпуск каждого номера газеты был событием для всего отряда. В помощниках не было недостатка. А в тот день, 14 декабря, особенно. Люди наперебой просили «покрутить», что значило — помочь печатать газету. Конечно, наши постоянные печатники И. И. Ходаков, Саша Паляничка в первую очередь получили право «крутить». Они эту работу освоили отлично.

Трудность состояла в том, что сообщение Совинформбюро надо было уместить на двух страницах, так как четыре страницы требовали бы вдвое большего времени на выпуск. А на счету не только каждые сутки, но даже каждый час.

Эдуард Клавович Озолин набирал плотно, экономил буквально миллиметры. Ведь из столь важного сообщения ни строчки, ни слова не выбросишь. И все же обычный заголовок газеты не поместился — не осталось для него места. Вопреки всем типографским

законам и традициям название и дату выхода газеты поместили последней строкой на второй странице.

— Разберутся, что к чему, — говорил комиссар.

Напечатали двести пятьдесят экземпляров. Пошла газета в деревни. Но комиссар сказал, что этого мало. Напечатали еще столько же. Снова — мало. Ночью довели тираж до тысячи. Пригодились силы добровольных печатников. Подогревали над печуркой краску и валик, чтобы оттиск получался чище, ровнее.

— Ну, спасибо нам! Как работнули! — восхищался Саша Паляничка.

— Спасибо не нам, а Красной Армии, — обрезал его Озолин.

Мы, конечно, далеко не всё знали о кровопролитных боях под Москвой. Однако сеюде подсказывало: началось самое главное — наши погнали фашистов на запад, и Москвы им не видать, как своих ушей.

Немного истории

Каждый из партизан понимал, что Красная Армия ведет кровопролитные бои с сильным и коварным противником, что как бы ни велики были партизанские успехи, они носят лишь подсобный характер, а решающей силой в войне является Красная Армия. Так и было во все периоды войны и на всех участках необозримого фронта.

Признание решающей роли наших регулярных войск в разгроме врага нисколько не умаляет огромного значения широко развернувшегося партизанского движения в тылу врага даже в начальный период.

Вот что говорилось, например, в сообщении Советского Информбюро от 17 ноября 1941 года:

«Действия советских патриотов в тылу немецко-фашистской армии вызывают у германского командования все большее беспокойство. Захватчики вынуждены признать, что всюду их окружает враждебная среда. В приказе «О борьбе со шпионажем, саботажем и т. д.» фашистский генерал Эдергард отмечает, что русские «выработали несколько различных форм борьбы против немецкой армии. Поэтому первая задача тыловых организаций — предотвратить всякие волнения в тылу действующих войск... Тайная пропаганда противника и деятельность партизан могут привести к еще большим беспорядкам среди населения, от которого войска ни в коем случае не должны заражаться».

Фашистский генерал приказывал истреблять «все нежелательные элементы из гражданского населения и создать благоприятную почву для доносов». В страхе перед партизанами генерал предлагал «тщательно осматривать подводы, попадающиеся на дорогах, тщательно обыскивать пешеходов, осматривать сумки, корзинки, особенно у крестьянок, допрашивать — откуда и зачем они идут».

Значит, уже тогда немцам приходилось туго, если дело дошло до генеральских приказов о тщательном обыскивании сумок и корзинок. И невдомек было незадачливому генералу со всеми его подручными, что советский человек на родной земле бок о бок со своими людьми найдет тысячи способов, как стороной обойти любую немецкую команду, найдет средства для вооруженной борьбы против захватчиков.

В руки к немцам и их прихвостням наша газета, конечно, попадала. Однажды колхозница из деревни

Язвище ходила за солью в Старую Руссу, ночевала там в доме своего знакомого Степанова, или — по деревенскому прозвищу — Иванчика, в прошлом раскулаченного богача из деревни Сухой Бор.

Вечером Иванчик за самоваром, изображая из себя уставшего от дневных забот деятеля «новой» власти (он работал у оккупантов по торговым и заготовительным делам), развернул фашистскую газету на русском языке и начал про себя читать.

— Иван Степанович, — попросила женщина, — дайте взглянуть, что пишут наши освободители-то?

— Взглянуть, говоришь?.. Почитать? Читай ту, которую подбрасывают вам из Хохлатых Лучек, — зло ответил Иванчик.

Хохлатые Лучки — так называлось урочище, где размещался основной лагерь нашего отряда. Из этого короткого разговора колхозница, отлично знавшая, где располагался штаб отряда, конечно, сделала немедленные выводы. Да и командование отряда не осталось безразличным к этим вовремя доставленным сведениям — лагерь был перебазирован.

Попытки немцев разгромить отряд кончились для них неудачей, не помогли и наскоро сколоченные команды предателей, одетых под партизан.

Провокаторы

В зоне деятельности Поддорского отряда лжепартизаны-провокаторы впервые появились в декабре 1941 года. Первая схватка с ними запомнилась надолго и нашим бойцам, и крестьянам.

Одна из партизанских рот пошла на боевую операцию к шоссе Поддорье—Холм. Вел роту тот самый

«Зайчик» — проводник Лоскутова, Гусева и Плескачевского. Недавно он снова был сброшен к нам с рацией «Север». Многие помнили его по мимолетным осенним встречам. Веселый, жизнерадостный парень, он по душе пришелся партизанам.

Рота остановилась в небольшой деревушке километрах в пяти-шести от шоссе. Вечером она должна была выйти на трассу, по которой передвигались немецкие части. Уже наступали сумерки. Вдруг кто-то заметил направлявшийся к деревне обоз подвод из тридцати. Начались догадки, предположения.

— Немцы, — бросил один из партизан, хватаясь за винтовку.

— Какие же немцы? В полушубках, в шапках с красными ленточками...

— Партизаны! Это, наверное, из отряда Невского, к нам едут.

Зайцев одним из первых выскочил из избы, не накинув даже полушубка. Вместе с ним человек десять бросились на улицу. Ждут. Часть обоза втянулась в деревню, а другая направилась по огородам. Зайцев и другие приветливо размахивали руками, кричали:

— Сюда, сюда!

В ответ — пулеметные очереди, винтовочные выстрелы. Раненный в грудь Зайцев, забежавший далеко вперед, начал отстреливаться. Заняли оборону остальные партизаны. Но время было безвозвратно упущено. Каратели окружили дома, где размещалась рота. Немногим удалось прорваться к лесу. Зайцева взяли в плен. Тут же предатель сорвал с его гимнастерки медаль «За отвагу». Боясь преследования, каратели быстро, не заходя в избы, повернули коней и уехали к шоссе, видимо, спешили доложить своим «хозяевам» об удаче.

Создание бандитских групп провокаторов, одетых и вооруженных под партизан, было одним из коварных фашистских приемов, направленных не только на борьбу с партизанами, но и главным образом на выявление и уничтожение десятков советских патриотов из мирных жителей, людей, которые всем, чем могли, помогали партизанам.

С провокаторами партизаны встречались не раз и позднее.

К нам идут герои Подмосковья

В декабре пушки погромывали все ближе и ближе. Уже не надо было тихой ночью выходить из землянки и напряженно прислушиваться к отдаленным звукам боя. Слышны стали и пулеметы. В Старую Руссу немцы не пускали ни пешего, ни конного и никого оттуда не выпускали. По шоссе на Холм и по почтовому тракту Залучье—Молвоотицы—Холм резко усилилось передвижение вражеских войск и колонн автомашин.

К нам по Ловати в обход Старой Руссы продвигались с боями части Красной Армии.

Крестьяне почти всех деревень по призыву партизан заваливали лесом дороги, жгли мосты, спиливали телефонные столбы, рвали линии связи. В селах создавались вооруженные группы самообороны. В Лашкове такая группа уничтожила шесть немцев, пытавшихся в бане укрыться от тридцатиградусного мороза.

В новогоднем номере газета «Большевистское знамя» призывала:

«Поднимайся, трудовой народ, с оружием в руках на немецких разбойников! Крепче удары по отступаю-

щему противнику! Не выпускайте живыми из наших сел и деревень ни одного вражеского солдата и офицера... Каждый куст, каждый дом должен стать могилой для фашистских мерзавцев».

В это время первая рота нашего отряда совершила успешный налет на колонну из пятидесяти немецких автомашин, которые следовали к фронту. Вторая рота в засаде подстерегла больше сотни немецких солдат, забросала их гранатами, добила обстрелом.

Этот удачный бой был омрачен непростительной беспечностью командира роты. Он, не оценив, даже как следует не узнав обстановки, послал на подводе трех разведчиков в деревню Стехи с заданием поднять на оборону местную вооруженную группу крестьян. Анатолий Горбатовский, Николай Тищенко и Вася Захаров въехали в деревню, где было полно немцев. Их встретили огнем. Ребята отстреливались. Но пути к отступлению не было. Немцы убили партизан, раздели догола, изувечили и бросили у колхозного амбара.

15 февраля 1942 года, после того как немцы оставили деревню, мы хоронили убитых. На улицу вышли все — стар и мал. Скорбь и слезы. Троекратный залп из винтовок. Девушки украсили могилу хвойными ветками.

В тот же день в расположение отряда пришла армейская разведка. Вслед за ней приехал с группой бойцов старший политрук Кривошеев. Мы провели вместе с ним партийно-комсомольское собрание, наметили план совместных действий отряда с красноармейскими частями.

...Встреча с Красной Армией. Трудно представить себе, что творилось в ту пору в деревнях. Красноармейцев обнимали, приглашали в дома, угощали.

Колхозники снаряжали подводы с продуктами для Красной Армии, несли все, что уберегли от фашистов.

В четырех километрах от Поддоря, в деревне Вещанка, обосновались райком партии и райисполком с небольшой группой вооруженных партизан. Районная газета продолжала выходить теперь уже легально.

Нашего доброго друга Эдуарда Клавовича Озолина отозвали в штаб армии. Его заменила молодежь — Павлик Никитин и Нюра Бойцова.

Трогательным было расставание с Эдуардом Клавовичем.

Февраль крутил снежные вихри. Лошади на морозе беспокоились, норовя побыстрее взять с места. Озолин вышел из избы в тулупе, с вещевым мешком и неразлучной винтовкой.

— Эдуард Клавович, винтовку-то оставь! Зачем она тебе? Видишь, какая надежная охрана у тебя, — сказал комиссар, показывая на трех красноармейцев, сопровождавших Озолина до штаба армии.

— Винтовка, Григорий Павлович, на войне не помеха, — отвечал Озолин. — А мирная жизнь нам пока только снится... Ну, не поминайте лихом!

Обнялись, расцеловались на прощание. Бойко тронули застоявшиеся кони. Подводы скрылись в снежной пурге.

Впервые за полгода надежно увезли наши письма к родным...

В полосе прифронтовой

Войска Красной Армии в начале 1942 года не смогли вышибить немцев из Старой Руссы. Бригада морской пехоты и другие части обошли город со стороны Ильменя, продвинулись вверх по Ловати, закрепили за собой большой отрезок шоссе Старая Русса—Холм,

освободили Псддорье, Залучье, Молвотицы. В Холме фашисты забаррикадировались в подвалах церкви, тюрьмы, в каменном здании школы. Этот крепкий орешек долго не удавалось раскусить.

Штаб Первой ударной армии со всеми своими тылами обосновался пока около Поддоря. Редакция и типография армейской газеты «На разгром врага» располагалась в двенадцати километрах от Поддоря, в деревне Бураково. Туда-то мы и поспешили со своими типографскими нуждами: попросить бумаги, шрифтовую кассу, заголовочного шрифта, а может быть, и какую-нибудь легкую печатную машину. Все эти просьбы изложил в своей записке секретарь райкома партии Г. П. Ермаков на имя редактора армейской газеты.

Старший батальонный комиссар П. А. Ведерник принял нас холодно. С высоты своих «шпал» в петлицах он разговаривал сугубо начальственно. Но бумаги приказал дать, кассу тоже. В заголовочном шрифте отказал, дескать, у самих не густо. Конечно, не дал и печатной машины, о чем мы тайно мечтали.

— Вот добудем немецкое оборудование, тогда — пожалуйста.

В армейской типографии мы чувствовали себя совсем по-другому. Типографы — веселый народ. Они наперебой рассказывали нам о своем житье-бытье, поведали о том, как накануне своими «могучими» типографскими силами поймали трех немецких летчиков, выбросившихся на парашютах из подбитого «юнкерса». Наборщики, печатники, сотрудники редакции расспрашивали нас о том, как жили, кормились и воевали, и вообще — не страшно ли, когда вокруг фашисты?

Получили мы кипу бумаги, кассу, подбросили наборщики немного шрифта, насовали нам в карманы

с десятков использованных штриховых заставок («нам ни к чему, а вам пригодится»), ссудили еще кое-чем из мелочи. Погрузили мы все это добро на подводу и к вечеру были в Поддорье, куда уже перебрался райком партии.

Утром 27 апреля всех подняла на ноги страшная бомбежка. Сразу же возник огромный пожар. Налет был наглый и безнаказанный. Чудом сохранились Дом Советов, превращенный в лазарет, больница, где тоже было полно раненых, дом, занимаемый райкомом партии, и маленькая хата, где притаилась наша типография. По соседству с ней разорвалась «пятисотка». Легкий домишко взрывной волной сдвинуло влево почти на метр, накренило, но не рассыпало. Кассы со шрифтом, печатный станок, приобретенный у армейских связистов, радиоприемник — все это было сброшено со своих мест, разбито. Наборщики спаслись в глубоком подвале.

Убитых красноармейцев хоронили почти до утра.

В таких условиях колхозники понемногу приводили в порядок свое хозяйство, не ожидая, пока отодвинется линия фронта. Широко развернулся сбор продуктов для трудящихся Ленинграда. Поддорцы уже знали о знаменитом обозе, переправленном в марте через линию фронта для Ленинграда из Партизанского края, и не хотели отставать от соседей.

В колхозные кладовые несли все, чем были богаты: муку, зерно, крупу, кринки масла, сало, кое-какие овощи, сушеный картофель, клюкву.

После ледохода, когда появилась возможность переправы через Ловать, все это отвезли в советский тыл, а оттуда через кольцо блокады в Ленинград.

УЛИЦЫ, КРОВЬЮ ОМЫТЫЕ

Почетное поручение

В райкоме шли разговоры о том, кому поручить доставить письмо ленинградцам от трудящихся первых трех районов Ленинградской области, освобожденных от фашистских оккупантов, — Поддорского, Залучского и Молвотицкого. Выбор пал на меня.

7 мая получили радиogramму из Смольного с согласием. Через час надо было лететь в Валдай. Иван Сидоров—Кочубей дал мне свою шинель, кто-то пред-

ложил крепкие сапоги. Тут же сунули в карман краюху хлеба и банку консервов. Кочубей вызвался проводить до самолета.

Когда прибежали на взлетную площадку, «дуглас» уже готов был к отлету, гудели моторы.

— Опаздываете безбожно! — крикнул мне на ухо командир самолета.

Он еще говорил что-то, показывая на небо, но что — мы не поняли.

В самолете были убраны все сиденья, а вместо них из легких носилок устроены нары в два этажа. Со мной вместе летело восемнадцать раненых — все лежащие. Сопровождала их молоденькая медсестра, маленькая, худенькая, бойкая на язычок. За словом в карман не лезет. А с ранеными — ласкова и нежна. Одному одеяло поправит, другому даст напиток из фляжки, третьему — мило улыбнется. Через две-три минуты уже все знали, что ее зовут Наташей, что она полгода на фронте, что теперь дважды в сутки летает из Валдая в Поддорье и обратно.

— Вы, друзья, не очень волнуйтесь, все будет как в аптеке, — щебетала она. — Хуже того, что есть, не предвидится.

Самолет, покачиваясь, поковылял по неровному полю, развернулся, и мы — в воздухе. Я примостился в проходе на вещевом мешке. Все шло как по маслу, пока не стали пересекать район трижды проклятой окруженной 16-й немецкой армии. Стемнело. Самолет маневрировал. Через иллюминаторы стали отчетливо видны вспышки разрывов зенитных снарядов. Возникло беспокойство.

— Куда везет, черт! — орал безрукий, тот, что лежал на одной из верхних коек. — Я так и знал, что напорется на шестнадцатую...

— Там не убили, так тут добьют, — вторил ему другой.

И пошло-поехало. Понеслась брань.

— А ну, замолчите! — резко прикрикнула Наташа. — Что за кисель! Еще не царапнуло по самолету? Ну и не заденет, нечего напрасно хныкать!

Скоро прекратился обстрел, в самолете снова воцарился порядок. Наташа присела на край носилок, уставшая, с виду очень беспомощная.

— И вот так каждый раз дважды в сутки, — тихо сказала она. — Не все ли равно, где погибать?

— Почему же обязательно погибать? Жить надо, Наташа! — пытался я подбодрить девушку.

— Жить... Жить, конечно, надо. Хочется жить. Но вот Люська, подруга из госпиталя, так в самолете и погибла.

— На то и война, Наташа. Но ведь не каждый обречен на гибель...

— Верно, не каждый. Я не обречена. Я — маленькая, в меня ни пуля, ни осколок не угодят.

И столько в ней было неподдельной наивности, столько проснувшегося на миг ребячества, что невольно подумалось: дитя, совсем еще дитя, а война уже сделала ее взрослой, понимающей, что ни при каких обстоятельствах нельзя терять присутствия духа, надо крепиться, никогда не поддаваться минутным слабостям.

Приземлились мы в Едрове.

Из кустарника, окаймляющего летное поле, появились санитарные машины. Санитары и медсестры стали быстро переносить раненых. Через полчаса самолет был разгружен и ушел в укрытие. Мы с Наташей попросили шофера попутной полуторки довезти нас до Валдая.

Валдай — город военный

Валдай был довольно шумным военным городом. Кажется, многочисленные госпитали составляли в ту пору его жизненную основу: раненые — кто на костылях, кто с подвязанной рукой или перебинтованной головой — шли по улицам не спеша. Останавливались группами по два-три человека, закуривали. Есюду сновали санитарные машины.

Отыскал райком партии. Девушка в фуфайке с противоголозом через плечо рассказала, как найти партизанскую опергруппу. Начальник опергруппы старший батальонный комиссар Гордин, бывший лектор обкома партии Поликарпов и другие встретили хорошо. Партизаны, обслуживающие опергруппу, накормили, в крышке от котелка поднесли вина, уложили в маленьком закутке спать.

Маленький домик у озера на Народной улице был обнесен плотным забором. Это надежно отделяло его обитателей от городского шума и госпитальной сутолоки. Тут сходились пути всех партизанских отрядов Северо-Западного фронта, тут встречались командиры, которые в те дни формировали в Валдае свои отряды и готовились к переброске в немецкий тыл.

Когда, вволю отоспавшись, я вылез из своего закутка, Поликарпов представил меня секретарю обкома партии К. И. Домокуровой. Она знала меня по довоенной работе, расспрашивала о том, как живет народ в оккупированных районах.

В полдень они пригласили меня с собой в райкомовскую столовую. Пообедали. Пришло время рассчитываться и, к своему немалому удивлению, я обнаружил в кармане лишь три немецкие оккупационные марки, случайно сохранившиеся еще с прошлого года.

К. Д. Карицкий беседует с новым пополнением.
Фото В. Капустина.

Юный партизан Витя Шилов.
Фото В. Капустина.

Начальник политотдела бригады И. И. Исаков.
Фото В. Капустина.

Командир Пятой Ленинградской партизанской бригады
Герой Советского Союза К. Д. Карицкий.
Фото В. Капустина.

Комиссар Пятой Ленинградской партизанской бригады
Герой Советского Союза И. И. Сергунин.

Фото В. Капустина.

Слева направо: бывший секретарь Поддорского райкома ВКП(б) Г. П. Ермаков; начальник штаба Пятой Ленинградской партизанской бригады Т. А. Новиков; командир партизанского полка Герой Советского Союза В. В. Егоров.

Фото В. Капустина.

Слева направо: командир партизанского полка Герой Советского Союза А. Ф. Тараканов; командир партизанского полка С. Н. Чебыкин; председатель Стругокрасненской чрезвычайной тройки Н. А. Сергачев.

Фото В. Капустина.

Член Уторгощеской чрезвычайной тройки секретарь райкома ВЛКСМ А. П. Седюгина.

Начальник особого отдела бригады И. В. Авдзейко (слева) и чекист А. П. Еремеев.

А наших, советских денег не было, мы отвыкли от них. И при отлете из Поддоря, и здесь, в опергруппе, никто не напомнил мне, что в советском тылу нужны деньги.

Видя мое замешательство, Поликарпов сказал:

— Ты не беспокойся, не ищи, я заплачу...

— Не ищи... Ему, наверное, и искать нечего, — заметила Клавдия Ивановна. — Надо, товарищ Поликарпов, выписать ему денег.

Выдали деньги, выписали продовольственный аттестат, а самое главное — снабдили меня документами, о чем я, признаться, также не думал. Восемь с лишним месяцев жил без всяких документов и свикся с таким «беспаспортным» положением.

Удостоверение о том, что я за личность и куда следую, было напечатано на бланке Валдайского райкома и подписано секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) Домокуровой. Подпись ее скрепляла печать опять же Валдайского райкома. Я и не мог представить себе тогда, сколько это доставит хлопот и мне, и тому, кто будет проверять этот «уникальный» документ.

Внушительная почта опергруппы в адрес партизанского штаба, огромное количество личных писем товарищей родным и знакомым в Ленинград, кое-какие посылочки — все это не вместились в один вещевой мешок. Пришлось до отказа загрузить полевую сумку.

Там же я бережно хранил письмо ленинградцам, ради чего и была предпринята эта поездка.

Бесчисленное множество ленинградских адресов в записной книжке, устные наказы, инструкции, советы, предостережения забивали и без того забитую голову.

Наконец все готово. Сели с Гординым в обшарпанную эмку и в вечерних сумерках тронулись в Едрово, где базировался авиационный полк Рассказова, обслуживавший партизан.

Ленинград... Не терпелось узнать, как-то там обстояли дела? Говорили, что фронт в черте города. Два-три ленинградца, встретившиеся в Валдае, сдержанно и скупно рассказывали, как туго приходится горожанам, как они эвакуировались по ледовой трассе. И верилось и не верилось!.. Ленинград был городом моей юности и зрелости. Там знаком каждый уголок. И трудно было представить себе противотанковые надолбы на улицах, истощенных от недоедания людей, артиллерийские обстрелы и воздушные налеты фашистских пиратов.

...Мысленно представляю себе: вот лечу в Хвойную. Там с распростертыми объятиями встречает меня секретарь райкома партии Зверев. Вот занимаю место в московском «дугласе». Летим над разводьями еще не освободившейся ото льда Ладоги. И тут, как в сказке, Ленинград...

Радужные мечты были прерваны внезапно. Резко затормозила машина. Приглушенный синеватый свет автомобильных фар чуть-чуть приоткрывал участок дороги, с трудом можно было рассмотреть, что мы в деревне. Вокруг кромешная тьма, ни огонька. Все словно вымерло.

— В чем дело? — резко спросил Гордин шофера.

— В чем, в чем... Дальше не поеду, — отвечал тот.

— Как это не поедешь?

— Так, не поеду — и все.

— Ты что, в трибунал захотел? — вскипел Гордин. Я услышал, как он расстегнул кобуру пистолета. —

Ты в трибунал захотел? Или тебя на месте прикончить?

— Кончайте, сдавайте в трибунал — все равно жизни не будет.

— Да ты скажи, в чем дело-то? — продолжал допрос Гордин.

— Кошка дорогу перебежала... Перед самым носом, проклятая!

Парень почти плакал. Смешно было и грустно. Гордин вышел из машины. Я, удобно примостившись на заднем сиденье, раскрыл дверцу, выжидая, как развернутся события.

— Понимаете, — говорит Гордин, — наш старый шофер заболел. Пришлось взять вот этого. И вот вам, пожалуйста, выкидывает штучки. Понимаете?

Я все отлично понимал: и кошку, и необстрелянного парня откуда-то из лесной Вологодчины, и с детства жившую в сознании парня недобрую примету. В ночной тишине, как назло, гудел одинокий «юнкерс», не на шутку тревожа и без того взбаламученную кошкой душу шофера. Где-то вдалеке, видимо наугад, бесцельно, бросил фугаску немец. Фашисты иногда, не разгрузившись по цели, делали это на обратном пути.

— Вот видите?! — как бы обрадовался парень, услышав в разрыве подтверждение святости кошачьей приметы.

— Давай, не дури, — уже спокойно сказал Гордин. — Кошка, кошка... Какое тебе дело до той дохлой кошки? Поехали без разговоров.

— Поехали. Только пути не будет, — изрек шофер и включил мотор.

Быстро проскочили остаток дороги до какой-то небольшой деревушки, от которой осталось два дома. В крыльцо одного из них и уперлась наша эмка.

Вошли в дом. Щурясь от яркого света карбидной лампы, рассмотрел большую комнату с койками около стен, со столом посередине, заваленным картами и планшетами летчиков. Это был штаб полка Рассказова. Трое или четверо сидели вокруг стола и что-то сверяли по карте. На койках спали люди, укрывшись теплыми бушлатами.

Из короткого разговора Гордина с начальством выяснилось, что есть приказ о переброске какого-то партизана в Хвойную, но для этого придется доехать до третьей эскадрильи, это тут, рукой подать, только поле перепрыгнуть.

Чтобы не плутать в ночи, дали провожатого, рослого молодого лейтенанта.

Едва успели мы выйти на крыльцо, как метрах в двухстах снова ударила бомба.

— Балуется, черт его дерит, — сказал лейтенант. — Цели не видит, но знает, что где-то здесь полевые аэродромы. Вот и сует время от времени по одной — по две фугаски. Днем-то зенитчики с ними не церемонятся...

Шофера в машине не оказалось.

— Опять, подлец, в штаны напустил, — догадался Гордин.

Лейтенант промолчал. Гордин окликнул исчезнувшего беднягу раз — ни звука, окликнул погромче. Посигналил. Откуда-то из кустов выполз к машине еще не оправившийся от испуга парень.

— Поехали! — приказал Гордин, забираясь на заднее сиденье. Спереди сел лейтенант. Он показывал дорогу.

Не доехав с полкилометра до третьей эскадрильи, шофер угодил в глубокую канаву, и никакие наши старания не помогли выручить машину. Оставив шо-

фера среди безлюдного поля, мы пешим ходом добрались до расположения нужной нам эскадрильи. Лейтенант нашел командира, передал ему приказ доставить меня в Хвойную.

Попрощались мы с Гординым. Он еще раз наскоро повторил необходимые напутствия и на полуторке уехал с лейтенантом в обратный путь, когда на востоке уже заалела заря.

У летчиков

Летчики — сплошь молодежь, но ребята бывалые. Каждый из них уже не раз летал в немецкий тыл. На гимнастерках поблескивали боевые ордена.

В предутренние часы машины возвращались из полетов. Возбужденные, уставшие, но не унывающие парни заходили в столовую, брали положенные завтраки и, конечно, положенные «сто грамм», громко делились впечатлениями. Слышались непривычные словечки: «загнулся», «прыгнул», «шагнул», «упал». Все было более или менее понятно, кроме смысла короткого слова «упал». Оказалось, «упал» — это приземлился.

В знакомствах прошел день. С моей отправкой что-то не вытанцовывалось. Прибывший к концу дня из штаба полка товарищ сказал, что я полечу не из третьей, а из четвертой эскадрильи. Он на автомашине доставит меня туда. Поехали.

В четвертой эскадрилье ночь выдалась беспокойная. Не успел уснуть на широкой скамье тут же в штабе, как началась какая-то беготня, кто-то куда-то спешил. Санитарка вытащила из-под моей скамьи медицинскую сумку и на вопрос: что случилось? — пробурчала что-то невнятное и выскочила на улицу.

Скоро все разъяснилось. Самолет, который должен

был доставить на линию фронта кровь и врача, не смог после взлета набрать высоту, задел шасси за провода и, перевернувшись, ударился о землю. Колбы с кровью — вдребезги. Летчик и врач получили ранения, но остались живы.

Невольно лезут мысли о том, что и тебе предстоит тут же подниматься в воздух и, может быть, тоже куврыкаться...

13 мая, четыре часа утра. В штабе появился летчик Сабуров. Я уже накануне вечером познакомился с ним. Спокойный, коренастый детина, он быстро получил от начштаба задание и коротко бросил:

— Пошли!

Обогнули небольшое поле. В кустах стояли замаскированные ветвями самолеты. Упрятал меня Сабуров в кабину хлипкого СУ и с места повел машину на вспаханную с осени, но так и не засеянную площадку. Никаких взлетных дорожек, никаких сигнальных флажков, словно на худую телегу сели и заковыляли по кочкам. Газ, еще раз газ. Машина оторвалась от земли и легла на курс.

Шли бреющим полетом над лесами, полями, над просыпающимися деревнями. Кое-где были видны дымки из печных труб. Женщина развешивала на веревке белье. Она смотрела в нашу сторону и, наверное, думала: «Опять топает кукурузник. Почту тащит».

А Сабуров вел машину дальше. Изредка через пергородку он, улыбаясь, поглядывал на меня: «Как дела, дружище?» Я кивал ему в ответ, что означало: «Все в порядке».

Перед Хвойной встретила нас сплошная полоса дождя. Но «кукурузнику» все нипочем — пыхтит и пыхтит. Показался Хвойнинский аэродром. Сабуров «упал» где-то посередине. Тотчас к нему подбежал

один из дежурных по аэродрому, и между ними началась перебранка, смысла которой сразу не уловишь. Я попрощался с Сабуровым и под проливным дождем пошел к кромке аэродрома, где виднелись выстроившиеся в ряд землянки.

Связался по телефону с секретарем райкома партии Зверевым. Вскоре он приехал на эмке, повез меня в штаб ОСАГ (особая авиагруппа, обслуживавшая Ленинград). Там мы узнали, что самолет на Ленинград должен быть через час-два, что мест на него нет, но как-нибудь меня пристроят, раз такое дело.

Ленинград начинается

Не знаю, для кого как, а для меня тогда Ленинград начинался с Хвойной. Тут все было пронизано жизнью города, раскинувшегося на берегах Невы. В управлении ОСАГ, в столовой, на аэродроме—всюду слышалось: «Ленинград». И это не потому, что в Хвойной было полно ленинградцев. Жизнь непокоренного города жила вся страна и, конечно, в первую очередь люди, которые близко соприкасались с кольцом блокады.

За полчаса до отлета мы были уже на аэродроме. Дождь, по всему было видно, зарядил надолго. На небе никакого просвета.

— Скажите, может погода задержать самолет? — робко осведомился я у дежурного.

— Может, конечно, но вряд ли...

Пришлось ждать. Шофер райкомовской машины попросил меня свезти две буханки хлеба в Ленинград.

— Матери, понимаете? Там, на Старо-Невском, живет у меня старушка мать. Одна-одинешенька в квартире. Если жива, будьте добры, передайте.

Он уже подготовил две буханки. Мог ли я ему отказать, хотя и был порядочно нагружен?

Я взял мешок, адрес, сказал, что найду старушку, передам и хлеб, и привет от сына.

В сизой дымке дождя показался самолет. Приземлившись, он развернулся на взлетной полосе. Дежурный по аэродрому о чем-то поговорил с командиром корабля. Тот оглядел меня с ног до головы и показал на трап — дескать, давай влезай, да побыстрее.

Самолет был загружен какими-то ящиками. Много людей. Половина — штатские, судя по всему — мастеровые. Оказалось, что это плотники, каменщики, штукатуры.

Значит, Ленинград не только воюет, раз понадобились люди самых мирных профессий.

Пассажиры удивленно поглядывали на мои мешки, на шинель без знаков различия, вероятно, думали: «Кто такой, что за гусь? Самолет перегружен, а его сажают. И где он тут пристроится?»

Командир экипажа влез в кабину вслед за мной.

— У вас документы есть, товарищ? — спросил он меня.

Я впервые подал ему свое райкомовское удостоверение. Летчик внимательно прочитал бумагу, сложил ее вчетверо и возвратил.

— Полезайте на эти ящики, — сказал он тоном приказа.

Забрался я на ящики, уложенные в два ряда в узком проходе между сиденьями. Кто-то подал мне мешки и сострил:

— Плацкарта для лежания, с удобствами...

Шли низко. Дождь прекратился. От мокрых полей, от низин и болот над близким лесом поднимался туман. Чувствовалось, что самолет набирает высоту, ухо-

дит от тумана. Почти надо мной в прозрачном колпаке — пулемет на турели, около него — стрелок.

Под Волховстроем сели.

— Будем ждать прикрытия, — сообщил командир. — Можно выйти из машины, поразмяться...

Я, по правде говоря, не очень представлял себе, что такое воздушное «прикрытие». Догадывался лишь, зная о наземном прикрытии при выходе из боя.

Разминались в пустом аэродромном сарае, разминались и час, и два. Холодный весенний ветер не давал сидеть. Прикрытия все еще не было. Выглянуло из-за туч неяркое вечернее солнце.

Внезапно над аэродромом появились наши истребители. Летчики заспешили к машине. Мы — вслед. В открытых иллюминаторах справа и слева появились еще два ручных пулемета. В воздухе — три истребителя.

Полетели над Ладожским озером. С бреющего полета отчетливо видна каждая мелочь. Лед уже изъеден разводьями. Вытаяли бревна, бочки, доски.

Может быть, это и есть бывшая «дорога жизни»?

Полет через Ладогу занял очень немного времени. Вот и Смольнинский аэродром, Ленинград. Все устремились к одинокому домику на краю летного поля. Там, у домика, много автомашин. Кто-то зычно кричал: «Строительная бригада, ко мне!» Кто-то встречал родных с «Большой земли».

Меня никто не звал и никто не искал. Спросил у двух-трех шоферов: «Не из Смольного ли?» Отвечали: «Нет, не из Смольного». Подхватил я на плечи свои пожитки и пошел в дом. В комнате ни скамейки, ни стула. Сел в угол, достал оставшийся бутерброд —

подарок валдайских летчиков, подкрепился. За барьером сидела девушка в летной форме. С ней «точил ляды» молодой парень. На меня они не обращали ни малейшего внимания.

— Ты чего здесь болтаешься? — спросила девушка своего собеседника.

— Да какой-то партизан должен прилететь. Но, видимо, не прилетел, поеду домой.

Я быстро подошел к парню, чтобы узнать, какого партизана он ждет. Парень назвал мою фамилию.

— Так это я и есть! Вот мое удостоверение.

Парень, оказавшийся шофером, прочитал удостоверение, принял позу начальника и стал отчитывать меня за то, что я не нашел его раньше. И вообще, на чем я прилетел, когда он всех пассажиров последнего самолета лично встретил и лично осмотрел, и где до сих пор пропадал — ведь на улице уже темно.

Я что-то бормотал в ответ а, сам думал: «Лично встретил, лично осмотрел... Смазливую мордашку в летной фуражке ты лично осматривал...»

Поехали. Шофер был совсем не таким, каким представился сначала. Вовсе не заносчивый, простой. Пока добирались до города, он все вводил меня в курс дела. Узнав, что я почти год не был в Ленинграде, принялся рассказывать о жизни в городе. Сам он в Ленинграде с первого дня войны. Родом из-под Луги. Отец и мать у немцев. А он здесь один, живет в общежитии, перенес самую трудную пору. Был ранен, лежал в госпитале. А теперь трудится в гараже Смольного.

Рассказ шофера оборвался у шлагбаума. КПП — контрольно-пропускной пункт. Война есть война. Город, тем более осажденный врагом, должен быть на крепком замке. Двое военных открыли дверцы машины с двух сторон одновременно. Посветив фонариком

и на задние сиденья, начали проверять документы. Долго крутил лейтенант мое удостоверение, рассматривал и штамп, и печать, и подпись. Спросил, нет ли у меня еще какого-либо документа. Я ответил, что кроме продуктового аттестата больше ничего нет.

— Покажите аттестат.

Показал. Там не было ни слова о том, что я партизан, но стоял номер воинской части, который был присвоен опергруппе партизанского штаба. Это, видимо, навело лейтенанта на какие-то размышления. Он ушел в будку. Звонил куда-то по телефону. Наконец вышел, возвратил мне удостоверение, аттестат и отпустил с миром.

На пути от аэродрома до города такие проверки учинялись раз пять, и всякий раз приходилось вспоминать товарищей, вооруживших меня по меньшей мере странным удостоверением. В довершение ко всему контролеров сбивала с толку моя экипировка. При посадке в самолет в Хвойной и при перелете через кольцо блокады я старательно скрывал под шинелью свой немецкий френч с мутно поблескивающими пуговицами. Но на одном из КПП, забыв о предосторожности, распахнул шинель, извлекая из кармана свои документы. Красноармеец осветил меня фонариком. И, конечно, немецкий френч не ускользнул от него. Тут проверка была особенно тщательной, и держали нас с полчаса. Выручил шофер со своими смольнинскими документами.

Здравствуй, мой город!

Ленинград, 13 мая 1942 года... Весенняя ночь еще только-только опустилась на землю. Но пустынные улицы великого города, население которого когда-то

превышало число живущих в соседней Финляндии — в целом государстве. В ночной тишине гулко отбивали шаг матросские патрули. Вокруг — ни одной светящейся точки. Где-то гремела артиллерия. Сквозь стекло кабины пытался разглядеть Смольный, но ничего не увидел.

К Смольному подъехали со стороны бывшего Дома крестьянина. Еще раз проверка. Там, в военном общении, уже знали, что должен прибыть партизанский посланец. Сразу же определили меня в комнату на первом этаже. Три койки были заняты командирами, четвертая — моя.

Сейчас трудно себе представить, что чувствует человек, впервые за восемь месяцев раздевшийся до нижнего белья, ощутивший прохладу чистых простыней, мягкую подушку под головой, а поверх себя добротное суконное одеяло. Я тогда испытал неземное блаженство и в то же время безотчетную тревогу: что же такое война в огромном городе? Войну в лесу — знаю, в деревне — знаю, в чистом поле — знаю. А вот в городе...

Четко отстукивал радиометром.

Уже через силу я отвечал на расспросы о том, кто, откуда, какими судьбами... Страшная усталость, дорожные тревоги и волнения скосили наповал.

Встал на другое утро позже всех.

— Ну и здоров, партизан, спать! — сказал, надевая гимнастерку, старший политрук. — Помните, как ночью мы вас будили?

— Нет, не помню, — честно признался я.

— Ночью трижды была воздушная тревога. Первый раз вы, вскочив, уселись на койку. Я поднял вас на ноги, а вы, как куль с овсом, упали на кровать. Мы ничего не могли поделать, ушли в убежище, оставив

вас в комнате. Второй и третий раз и не пытались будить. Так-то вот. Отоспались?

— Да, отоспался. Не видел ни одного сна.

— А тут уже приходили по вашу душу...

После первого блокадного завтрака в буфете общежития я пошел к дежурному. У него в комнате ожидал меня посыльный от руководителя партизанского штаба секретаря обкома партии М. Н. Никитина. Посыльный повел меня по Смольному. Коридоры, коридоры, бесконечные лестницы. Запомнить эти переходы не было никакой возможности, пока не очутились мы на третьем этаже на лестнице главного входа. Тут уж место было знакомое с довоенной поры. Непривычным казалось лишь такое обилие военных, какого ни в какие времена в Смольном не приходилось видеть.

Кабинет М. Н. Никитина. Обстоятельная беседа о партизанских делах. Примерно час спустя Михаил Никитич подошел к стене, открыл сейф:

— Давай-ка письмо спрячем понадежнее...

Письмо и квитанции о сдаче продуктов, собранных крестьянами для ленинградцев, были укрыты в сейф.

Из разговора с Никитиным я узнал, что в Смольном — штаб фронта. Обком партии перемещен на улицу Восстания в бывшую обкомовскую гостиницу, а штаб партизанского движения расположен на улице Декабристов в здании института физкультуры имени Лесгафта. На вопросы Михаила Никитича о том, как долетел, как встретили и хорошо ли поселился, я высказал обдуманную еще с утра просьбу:

— Нельзя ли мне поселиться где-нибудь в партизанском штабе? Может быть, знакомых встречу. И еще: нельзя ли мне выдать пропуск или документ, удостоверяющий, кто я такой?

Показал ему валдайское удостоверение, не упомянув о том, сколько оно доставило хлопот.

— Это, пожалуй, правильно, — сказал Никитин. — Правда, ты часто будешь нужен в Смольном, но доберешься, в штабе есть машина. Пропуск получишь в комендатуре.

Я получил пропуск на право передвижения по Ленинграду и документ на право входа в Смольный. Явился товарищ из партизанского штаба и проводил меня на улицу Декабристов.

Первым начальником, которого я встретил в штабе на улице Декабристов, был командир комендантского взвода Виноградов.

— Пополнение? — спросил он.

— Да, — отвечаю, — пополнение.

— Откуда?

— Из Валдая, — почему-то схитрил я.

Он повел меня на чердак, показал в одном углу железные складные койки, в другом — видавшие виды матрацы и подушки.

— Забирай комплект и пошли со мной.

Обосновался я в огромном физкультурном зале на четвертом этаже. Коек двадцать расставлены рядами. В пирамиде у входа — винтовки. В помещении — человек пять-шесть. Кто чинит белье, кто читает, а некоторые отдыхают. На новичка не обратили почти никакого внимания. Мало ли их бывает тут! Я заметил, что по упитанности «старожилы» меня не перещеголяли.

Сбросил шинель и в своем немисливо пестром полунемецком одеянии с пистолетом на боку пошел в другой корпус отыскивать канцелярию штаба. Туда вызвал меня начальник отдела снабжения Михайлов. Он зачислил на довольствие в столовую, сказал, чтобы

каждое утро в девять ноль-ноль я был в штабе у Матвеева.

Бывший работник обкома партии, а теперь начальник отдела кадров штаба П. Г. Матвеев, бледный, осунувшийся, принял приветливо, как старого знакомого. Человек он спокойный, немного медлительный в разговоре, но мягкий, душевный и внимательный. Приказания отдавал, не повышая голоса, и во взгляде, в тоне приказа звучали как бы нотки просьбы. Невольно подумалось: как он может управлять этим полувоенным — полугражданским учреждением? Ведь тут трудится не один десяток душ, через отдел кадров проходят сотни и сотни людей.

При более близком знакомстве оказалось, что Матвеев — как раз на месте. И душевная мягкость несколько не мешала ему в обращении с подчиненными, в поддержании порядка, должного для блокадного города.

Узнав, что кроме служебных пакетов для штаба, направленных из Валдая, у меня в мешке и в сумке есть десятка два личных писем, Матвеев помог мне составить наиболее разумный маршрут по городу.

— Машина у нас одна. Вернее, машин несколько, но туго с горючим. Поэтому сегодня мы дадим вам эмку, но не больше чем на полтора часа. Не управитесь — остальное развезете завтра. После обеда поедете...

Имя им — ленинградцы

Первым делом надо было передать хлеб матери хвойнинского шофера на Старо-Невском. При выезде из ворот штаба открылась необычная картина: на середине улицы Декабристов у прорванной водопроводной

трубы, откуда фонтанчиком била вода, женщина полоскала белье.

К половине мая главные улицы города уже были почти освобождены от следов блокадной зимы. Только в глухих переулках еще чернели оттаявшие снежные сугробы, жители долбили их лопатами, раскидывали обледенелые комья под лучи весеннего солнца. Но посреди людной улицы полоскать белье!..

Хлебный паек к тому времени прибавили. Но люди были еще страшно истощены. Многие с желто-синими лицами брели даже по той стороне улицы, где специальные надписи на стенах предупреждали об особой опасности при артиллерийском обстреле.

Обстрелы вспыхивали довольно часто и в разных концах города. Комендантские патрули, бойцы противоздушной обороны, дворники загоняли прохожих под ворота, во дворы. Однако где тут! Еще на улице рвутся снаряды, а народ уже движется по тротуарам.

Но в этом не было обреченности смертников. Нет. Просто каждый чуть-чуть очерствел, продубился, привык. Столько страшного было вокруг, что страх в душе отступил. Горе и смерть люди видели своими глазами сотни раз.

Вот и Старо-Невский. Нашел дом, отыскал нужную парадную. Шагнул в темный тамбур и наступил на что-то, как показалось, живое. Посветил под ноги фонариком-жужжалкой. Поперек двери лицом вниз лежал человек. Приподнял, осветил лицо. Мужчина средних лет. Мертвый.

На темных лестницах с трудом разыскал квартиру, начал стучать. В ответ ни звука. Ни звука на темной лестнице, ни звука в соседних квартирах. Какая-то жуткая тишина.

Стучу настойчивее. Никаких признаков жизни. На-

конец приоткрылась дверь соседней квартиры, и женский голос тихо спросил, кого мне надо. Я назвал фамилию старушки, сказал, что привез привет и подарок от сына.

— А вы сильнее стучите, — посоветовала соседка. — К ней никто не ходит, и она никому не открывает...

Должна же она мне открыть. Пустил в ход каблук и снова кулаки. Гудит дверь. Прислушался. За дверью кто-то стоит, слышу даже дыхание.

— Откройте, бабушка! Я весточку от сына привез. Спустила дверь на цепочку. Долго и тяжело дышала.

— От сына? — с трудом спросила старуха.

— Да, да, от сына, из Хвойной, — обрадованно заговорил я. — Сын вот записку прислал и немного хлеба. Он жив и здоров, — старался я выложить все, что могло бы растопить замерзшее сердце матери.

— От сына? От Васи? Господи!

А дверь не открывает. Я просунул в щель записку. Но буханки хлеба — «кирпичики», хотя и блокадного образца, в щель не пролезали. Старался и так и сяк, ничего не выходит. Может быть, разрезать на куски?

То ли моя напористость, то ли хлебный дух возымел действие, но цепочка была сброшена, и дверь приоткрылась настолько, чтобы пропустить хлеб. Приняв посылку, женщина поблагодарила, спросила, кто я такой, справилась о том, как живет ее Вася там, за линией блокады. Я все описал в лучшем свете. Перед тем как уйти, спросил:

— А что же это мертвого, который лежит в парадной, не убирают?

— В парадной? — переспросила она. — Так уберут, наверное. Дворнику бы надо сказать...

Распрощавшись, я спустился вниз, с трудом отыскал во дворе женщину, называющуюся дворником, рассказал ей о трупе, — и ни мало ее не удивил:

— Вот придет с работы Иван и уберем...

Тоже, видимо, привыкла к смерти, которая в дни блокады сопровождала ее на каждом шагу.

Отпущенное мне время минуло, надо было вернуть машину, и мы поехали на улицу Декабристов, в штаб. Остальные поручения решил выполнить без машины, чтобы не создавать товарищам лишних трудностей.

В мае уже действовали семь трамвайных маршрутов, можно было кое-куда доехать. Да и пешие переходы не пугали. Компанию иногда составлял мне лесгафтовец Петя, работавший кладовщиком вещевого склада тут же во дворе штаба.

Что отравляло мне настроение, так это проклятый немецкий мундир — зеленый, с мутными шершавыми пуговицами. Ходить в шинели было уже жарко, а мундир мозолил всем глаза. Не спасала и пилотка со звездочкой. И что думали партизанские интенданты? Неужели не знали, как ненавистна людям немецкая форма? Ходил скрепя сердце. Переносил пристальные взгляды, обращенные на мою персону, и в трамвае, и на улице, и в Смольном, и при любой проверке документов.

Был в Новом переулке, недалеко от «Астории», там до войны жила сестра жены с семьей. И опять лишь после настойчивого стука дверь открыла незнакомая женщина.

— Кто-то умер, а другие уехали, — сказала она.

— А дети, где дети?

— Не знаю. Наверно, уехали.

Ничего толком не выяснил. Ясно, что в квартире моих родственников живут другие люди. Их загнала

сюда война. Она перепутала квартиры в городе, забросала ленинградцев по всей стране, оторвала детей от родителей, превратила цветущих недавно женщин и мужчин, юношей и девушек в стариков и старух.

Как-то вечером, прихватив десяток сухарей, пошли с Петром на канал Грибоедова. Там жила сестра поддорского начальника милиции Костина. До войны я ее видел, знал.

Во дворе большого дома сидели на скамейке две женщины. Подошли к ним.

— Не поможете ли нам найти Костину?

— Я — Костина, — ответила одна из них.

— Нет, нам нужна Аля Костина...

— Так я Аля и есть... Да что. вы, не узнали меня? Ведь я же вас хорошо знаю.

И она назвала мою фамилию, кто я такой и откуда. Год с небольшим тому назад это была веселая и жизнерадостная девятнадцатилетняя девушка, спортсменка и плясунья. Как изменила вражеская блокада облик людей!

Ранним утром 15 мая я решил пешком добраться до Смольного. Погода была прекрасная. Не по-ленинградски щедрое солнце радовало душу. Вдруг очередной обстрел Невского. Но нет паники. Одни укрываются под воротами, другие просто прислоняются к стенам домов, а третьи... третьи, как шли, так и идут.

У Мытнинского рынка на Советском проспекте, в других местах попадались странные, на первый взгляд, процессии. За подводой с грузом, покрытым брезентом, гуськом двигаются люди, человек сорок-пятьдесят. Лошадь бредет тихо, не спеша шагают мужчины, женщины. Это очередь, сопровождающая воз хлеба от пекарни до магазина.

На Советском проспекте возвышался скелет сгоревшего большого дома, в котором до войны размещалась, кажется, Академия легкой промышленности. Говорили, в этом доме в первые месяцы войны был госпиталь. Зверская бомбежка похоронила под сводами здания сотни жизней. Горели и рушились перекрытия. На подоконниках первого этажа виден оплывший от огня бетон. Даже камень плакал в часы этой страшной трагедии.

Над Смольным, над тенистым когда-то сквером распростерлась камуфляжная сетка. Девушки в военном вели, словно любимых под руки, огромные серебристые азростаты воздушного заграждения.

...Живет город, сжатый кольцом блокады, живет в этот ясный утренний час весны 1942 года, в меру сил умытый и в меру сил причесанный. Есть разрушения, но нет хаоса. Есть напряжение, есть полуголодные люди, но нет отчаяния. Все пронизано единой целью борьбы с осатаневшим от злобы врагом.

Мне показывали листовку Гитлера, сброшенную на Ленинград осенью 1941 года:

«Если вы думаете, что сможете защитить Ленинград, вы ошибаетесь. Мы сравнием Ленинград с землей, а Кронштадт — с водой».

И не сравнивали ни с землей, ни с водой. Непрístupно стоит Ленинград, не сдвинута с места его надежная охрана — Кронштадтская крепость.

На приеме у А. А. Жданова

В то утро, 15 мая, в Смольном меня уже разыскивали. Не успел появиться в приемной М. Н. Никитина, как очутился в его кабинете. Через несколько минут

назначен прием у А. А. Жданова. Вручил мне М. Н. Никитин письмо, которое было укрыто в сейфе, внимательно оглядел меня, и мы пошли.

И опять — лесенки, лесенки, узкие переходы. Приемная А. А. Жданова. Плечистый и рослый полковой комиссар, взглянув на нас, спросил:

— Готов к докладу?

— Готов, — ответил я довольно бодро.

— Прощу!

Он открыл дверь, и мы вошли в просторную светлую комнату с окнами, выходящими на Неву. В углу — письменный стол и столик с телефонами. Жданов разговаривал по телефону. Очки в металлической оправе подняты на лоб. Одет в зеленоватый френч без знаков различия. Повернувшись к нам, он кивнул головой. Закончив разговор, положил трубку на рычаг и вышел к нам из-за стола, поздоровался.

— Проходите, садитесь, — попросил он.

Доклад мой не отличался особой военной четкостью, однако был предельно краток. Я сказал, что трудящиеся трех освобожденных от захватчиков районов Ленинградской области — Поддорского, Молвотицкого и Залучского — обратились к ленинградцам с письмом, в котором выражают свое восхищение стойкостью и мужеством тружеников города Ленинграда и посылают им немного продуктов.

Жданов стоя внимательно выслушал, на бледном лице его мелькнула добрая улыбка.

— Хорошо, очень хорошо, что рабочие Ленинграда, воины и крестьяне едины в своих делах и мыслях.

Он подозвал меня и Никитина к большой карте, попросил показать, где действовали наши партизаны. Подробно расспрашивал о настроениях людей, жив-

ших на оккупированной врагом территории, о политической работе среди населения.

Я, конечно, понимал, что на этот прием не с неба свалился. А. А. Жданов безусловно знал, с кем говорит. Но когда я краем глаза заметил на его столе нашу газету «Большевицкое знамя», как-то стало чуть-чуть не по себе. Почему у секретаря ЦК, члена Военного совета появился этот неказистый на вид листок? Разглядел я и то, что какая-то заметка обведена красным карандашом. Что скажет Жданов о газете, одобрит или отвергнет? Такие мысли волновали душу. Да разве и могли не волновать?

От Жданова не ускользнул мой пристальный взгляд. Он подошел к столу, взял тоненькую стопку газет и сказал, обращаясь к Никитину:

— Надо, Михаил Никитич, чтобы везде, во всех районах выходили такие газеты. Это — сильное противоядие против фашистской пропаганды. Как редактор думает, сможем мы этого добиться?

— Конечно, сможем, Андрей Александрович, — ответил я.

Он продолжал расспрашивать о вооружении отряда, о том, как осваивают партизаны трофейное оружие. Вскользь взглянув на мой френч, заметил, что взятое у врага в бою добро надо использовать.

— Люди, живущие далеко от Ленинграда, не всё знают о том, как живет город, — заметил я. — Но знают, что действовала проложенная через Ладогу ледовая трасса, что все ленинградцы, несмотря на тяжелейшие испытания, героически борются с врагом. Мы, партизаны, разоблачаем гитлеровскую брехню о падении Ленинграда.

— Возвратитесь к себе, расскажите, как живет Ленинград, — посоветовал Андрей Александрович. —

А вы, Михаил Никитич, покажите ему город. Как можно шире расскажите о том, как ленинградцы живут, как они вместе со всей страной превратили город в неприступную крепость.

Не скрывайте трудностей, — продолжал А. А. Жданов. — Но разве не показательно, что в огромном городе, над которым витала и сейчас витает голодная смерть, не было ни одного случая ограбления продуктового магазина! Вы говорите, что люди там, в тылу врага, знали о ледовой дороге через Ладожское озеро. Но, видимо, тоже не всё знали.

Жданов подошел к этажерке, взял толстый альбом и положил его на стол. Листая его, он показывал фотографии людей, обслуживавших трассу, называл их фамилии, не читая текстов, рассказывал о героических подвигах шоферов, водивших груженые машины, как катера, по воде, выступавшей в колеях, о мужественных санитарках, сутками живших на льду, но не покидавших посты, о славных летчиках, охранявших с воздуха «дорогу жизни».

— А как с весенним севом в освобожденных районах? Есть чем пахать и сеять? — спросил Жданов.

Я сказал, что колхозники имеют семена, упрятанные в лесах от гитлеровцев. Есть немного лошадей, плугов, борон.

— Использовать все возможности, всё, что можно, надо засеять. Следует так вести дело, чтобы освобожденный от оккупации народ сам себя прокормил и кое-что дал армии. Так и передайте колхозникам. А партизаны теперь люди обстрелянные, опытные. Они продолжают борьбу в тылу врага. Ведь еще сколько нашей земли он топчет! Перед партизанами стоят три главные задачи. Первая — шире развертывать борьбу в оккупированных городах и рабочих поселках.

выводить из строя предприятия, электростанции, железнодорожные узлы. Вторая — пускать вражеские поезда под откос, разрушать пути. Каждый сброшенный под откос поезд, который направляется врагом к фронту, равен выигрышу крупного сражения. И третья задача — глубокая разведка тылов противника, разведка, которая не всегда доступна армии, но зато доступна партизанам и людям, которые крепко с ними связаны. Так и скажите партизанам.

— Все передам в точности, Андрей Александрович.

— А еще передайте спасибо от ленинградцев за письмо и подарок. Перед отъездом прошу зайти ко мне, напишу несколько слов колхозникам.

Прощались, он пожелал успехов в борьбе, проводил до двери.

Перед отъездом мне не удалось встретиться с А. А. Ждановым — ему помешали военные дела. А явившийся в партизанский штаб посыльный передал, что Андрей Александрович еще раз просит передать партизанам и колхозникам то, о чем он говорил со мной при встрече.

И снова встречи

М. Н. Никитин принял все меры к тому, чтобы оставшееся до отъезда время было использовано на мое ознакомление с Ленинградом и ленинградцами.

Наконец выбросил ненавистный немецкий мундир и надел нашу, советскую гимнастерку! Свободнее дышится, легче ходится. Немного угнетает то обстоятельство, что поселили меня в том же общежитии института имени Лесгафта, но в отдельной комнате, и, что особенно смущает, приставили молодого парня для того, чтобы он убирал комнату, заботился о моих

обедах и ужинах. Неужели я сам не в силах прибрать свое жилье? Пробовал протестовать. Сказали, что парень не помешает, наоборот, вдвоем веселее жить.

Поглядел я на этого юношу. Тощий, в чем только душа держится. С первого дня войны в Ленинграде. Отец — на фронте. Мать погибла. Больше в семье никого нет. Отощал страшно. И вечно голоден. Даже на ночь брал в постель большой сухарь и грыз его, не уставая.

Недели две спустя после моего отъезда он ушел с отрядом в тыл врага.

В штабе передали приказ Никитина, чтобы я выступил по радио.

Огромный дом Ленинградского радио кипел как муравейник. Всюду сновали люди, озабоченные и деловые, а некоторые даже веселые. Чувствовалось, что тут и в суровые дни блокады не замерла жизнь.

Мое выступление записали на пленку. После выяснилось, что диктор, представляя меня слушателям, сказала не так, как было принято тогда: «у микрофона товарищ А.», а полностью назвала фамилию, чем вызвала небольшой переполох у начальства Радиодома. Но ничего недопустимого в этом откровении диктора не было.

Радиовыступления, как обычно в ту пору, заканчивались призывом сделать 1942 год годом нашей победы. При чтении текста я оговорился и назвал вместо 1942-го 1943 год, что опять привело в смущение работников радио. Пришлось записываться повторно. Ни я, ни радисты не могли тогда себе представить, что даже не в 1943-м, а только в сорок пятом добудет Родина желанную победу.

А пока немцы методично и неистово вели артиллерийские обстрелы города. В Доме радио мне рассказали, что недавно снаряд угодил в трамвайный вагон. А накануне артобстрелу подвергся дом, где размещался детский сад, и после обстрела во двор вынесли больше двух десятков детских трупиков. Матери не в силах были плакать, настолько ожесточились их сердца.

На другой день предстояла беседа с работниками редакции «Ленинградской правды».

На Фонтанке 57 жизнь тоже шла своим чередом. Ни бомбежки, ни частые обстрелы, ни голодная и холодная блокада не в силах были остановить выпуск газеты. Правда, резко изменились даже хорошо знакомые в прошлом лица Васи Грудина, Зины Артемьевой и других. На всех лежала печать голодной зимы.

У большинства кончился рабочий день, собрались в одной из комнат. У многих с собой были какие-то узелки, бидончики. Догадался, что это крохотный запас еды для домашних, а может быть, и для себя на черный день.

Неимоверные трудности испытывали ленинградские рабочие. Нечеловечески тяжел был труд воинов. Но не меньше невзгод перенесли и газетчики, связанные неумолимым графиком выпуска каждого номера, непрерывной и неизбежной редакционной суетой, постоянными командировками на линию фронта и по городу.

Газета, так же как и радио с его неутихающим метрономом, — первый признак жизни города. И «Ленинградская правда» выходила изо дня в день. нередко печатала даже специальные выпуски для населения оккупированных районов области.

Беседа в редакции затянулась. И когда выдавшая виды редакционная эмка затормозила у ворот штаба на улице Декабристов, был уже поздний час. Улицы снова были пустынные. И снова отсчитывали время удары метронома.

Каждая, даже самая мимолетная, встреча с ленинградцами поражала: насколько сильны духом люди легендарного города!

Однажды командир комендантского взвода Виноградов дал мне два билета на спортивный вечер в Доме Красной Армии и охотно согласился составить компанию. Выступали спортсмены — мастера и перворазрядники. Выступали изумительно. Забылись и обстрелы, и голод, и вообще блокада. Обо всем этом напомнила очередная тревога.

Такое же впечатление неистребимого оптимизма ленинградцев произвели и незабываемые встречи с художниками. Серов, Серебряный, скульптор Пинчук и некоторые другие работали в особняке на улице Герцена. Там же в мастерских они и жили. За ширмочками — железные койки, на столиках, под столиками — посуда: тарелки, чашки, ложки. Эта домашняя утварь как бы дополняла обычный «художественный» беспорядок мастерской. Холсты, подрамники, палитры... И тут же котелок со вчерашней кашей.

Все работали много и плодотворно, стремясь запечатлеть образ воюющего непокоренного народа.

Мастерская Владимира Александровича Серова ничем особым не выделялась. Кажется, лишь хозяин ее держался бодрее других.

В. А. Серов или накануне войны, или в первые ее месяцы закончил большой портрет молодой женщины.

Я залюбовался картиной. Из мечтательного состояния вывели скрип двери, шаркающие шаги и приглушенный старческий голос:

— Ничего, Володенька, я мешать не буду, я посижу и уйду...

Старик, известный скульптор, приплелся навестить своего собрата. Он развернул бережно зажатый под мышкой легкий складной стульчик и сел, тяжело дыша.

— Не поднимались бы на второй этаж, я бы вышел к вам, — сказал Владимир Александрович.

— Ничего, ничего, Володенька. Хочется подышать запахом твоей мастерской... А знаешь, Володя, — встрепенулся старик, — Машенька в скверике у Адмиралтейства нашла чудесные корешки. Прекраснейший суп получается!

«Прекраснейший суп» из корешков какой-то травы стал изысканным блюдом на столе человека, который всю жизнь отдал искусству...

Много военных приходило на улицу Декабристов, 35. Знакомых и незнакомых. Командиров и политработников. Кадровых и год назад призванных в армию. Были среди них и мои старые знакомые — гатчинцы. Всех их интересовала обстановка в немецком тылу. Все, что связано с диверсиями, засадами, налетами, с политической работой среди партизан и мирных жителей.

Я понимал, конечно, что эти люди готовятся стать партизанами.

Кое-кто из участников этих встреч уже в 1942—1943 годах командовал отрядами, а затем и бригадами.

Домой, в отряд!

Надо было и мне готовиться к отъезду. Две недели промелькнули незаметно. Не столь уж и велик срок, чтобы все увидеть и все узнать. Ни на минуту не покидала мысль, что поездка в Ленинград — награда, что я один за всех товарищей своих должен слиться сердцем с ленинградцами и почувствовать жизнь города. Две недели я делил с ними блокадный хлеб, учился у них великому мужеству и стойкости. Я знал, что скажу, когда вернусь: великий город на Неве борется и неприступен для врага. В арсенале Ленинграда не только оружие, но и ни с чем не сравнимая духовная сила людей, выстоявших в смертном бою с врагом и лишениями.

Из коротких радиogramм, получаемых изредка в партизанском штабе, я знал, что наш отряд стоит у линии фронта в расположении занимавших оборону частей Красной Армии — 25-й стрелковой бригады и знаменитой Панфиловской дивизии. За чередой многих дел отряд не выходил из головы: как они там живут? Выпускается ли газета?

И, как поется в песне, «были сборы недолги...» Приготовил неизменный вещево́й мешок, не раз проверил подаренный мне автомат, запас патронов, карты, компас и часы. Вместе со мной шли две подпольные партийные группы — Сысоева и Ревякина — новгородская и псковская. Наш отряд должен был перевести их через линию Северо-Западного фронта. Народ подобрался хороший. Отлично вооружены, у каждой группы две рации. Всего набралось двадцать пять человек.

Как и следовало ожидать, о переброске нас из Ленинграда на «Большую землю» самолетами не могло

быть и речи. Продолжалась эвакуация истощенных голодом людей, главным образом детей и престарелых. Каждый рейс самолета через Ладогу был дорог.

К тому времени Ладога вскрылась, и знаменитая ледовая трасса прекратила свое существование. Враг ликовал. Генерал Кюхлер хвастал, что «отныне даже птица не сможет пролететь через кольцо блокады, установленное нашими войсками». Но советские самолеты шли с успехом через блокаду и тогда, когда действовала ледовая дорога, и тогда, когда ее не стало. В конце мая открылась через Ладогу летняя навигация. Мечте гитлеровцев не суждено было сбыться.

Нам предстояло перебраться через Ладогу с караваном буксиров. 27 мая вечером двинулись в путь на станцию Ладожское озеро, чтобы к утру быть в Кобоне, а там поездом до Тихвина и дальше на автомашине к линии фронта через Боровичи, Валдай, Торопец и Осташков. До Ладоги провожал нас П. Г. Матвеев.

Вот и остался позади Ленинград, город, ставший символом мужества и железной выдержки, бесстрашия и отваги каждого ленинградца! Ибо перед выпавшими на их долю испытаниями были все равны — рабочие и ученые, солдаты и артисты, дворники и художники, руководители и рядовые.

Люди веками путешествовали в Мекку, ходили за тридевять земель поклониться «святым местам»... Хотелось крикнуть на весь мир: «Придите в город Великого Ленина, на священные, омытые кровью площади и проспекты, придите на гранитные набережные Невы, к домам, израненным бомбами и снарядами, поклонитесь им земным поклоном! Поклонитесь ленинградцам, смертью смерть поправшим, их стойкости, их солдатской честности!»

До свидания, Ленинград!

НА ЗЕМЛЕ, БОЯМИ ОПАЛЕННОЙ

Поединок с немецкими минерами

Весной 1942 года Поддорский отряд разделился на два. Первым командовал заведующий военным отделом райкома партии Павел Николаев.

По согласованию со штабом 25-й стрелковой бригады, который располагался в деревне Головенька, отряд Николаева зарылся в землю в непосредственной близости к линии фронта, недалеко от деревни Хлебодово. Его задача — держать открытыми «ворота»:

обеспечивать переход через немецкие укрепления наших людей с той стороны, переправлять в тыл врага новые партизанские отряды, сформированные в прифронтной полосе, а также в Валдае, в Хвойной и других местах. «Проводники» — так их звали в штабе стрелковой бригады.

Надо сказать, работа только с виду казалась не сложной. Кроме мелких стычек с вражеской разведкой, отряд Николаева вел непрерывную, не утихающую ни на одну ночь борьбу с саперами противника.

Линия фронта в районе Поддоря проходила по речке Редье. На сплошную цепь вдоль фронта у немцев не хватало солдат. Недостаток живой силы они возмещали минами, различными хитрыми ловушками. Партизаны ночью искусно вели разминирование переходов через Редью, а днем немцы восстанавливали минные заграждения. И так каждые сутки.

Из всех друзей-товарищей особенно запомнился Вася Кожевников — бывший главный агроном райземотдела. Военная судьба его не жаловала. В первые дни войны он был в составе Молвотицкого отряда и попал в плен. Находчивый и решительный, Кожевников сумел при отправке в глубокий немецкий тыл бежать, но вновь был пойман. И вновь бежал, ходил по Поддорскому району, пока не нашел Поддорский отряд.

Несмотря на свою мирную профессию агронома, Кожевников стал прекрасным минером. С помощью армейских саперов он хорошо изучил подрывное дело, мог и ставить, и обезвреживать мины самых различных систем.

Кожевников и стал главным «техноруком» на операциях, когда прокладывались коридоры через минные поля на берегах Редьи. Он прекрасно ориентиро-

вался на минном поле. Его не пугали и заряды, поставленные «на натяжку». Одним словом, это был замечательный партизанский сапер, сохранивший жизнь десяткам и даже сотням людей.

Второй отряд, под командованием Л. Т. Костина, в мае двинулся в район Белебелки в Партизанский край. Комиссаром его назначили третьего секретаря Поддорского райкома партии Петра Андреевича Дуранина. Невысокий ростом, подтянутый, всегда спокойный, Дуранин был сугубо гражданским человеком и военному делу обучился только в отряде.

Первые недели отряд Костина и Дуранина довольно успешно вел бои. Вот одно из донесений П. А. Дуранина первому секретарю райкома Г. П. Ермакову:

«Добрый день, Григорий Павлович! Привет всем товарищам. Прошу принять меры к снабжению нашего отряда боеприпасами, обувью, махоркой. Кроме того, очень нужны медикаменты. Боевые операции проходят хорошо. Пустили под откос бронепоезд и два железнодорожных эшелона. При налетах на полустанок и деревню Красный Сос уничтожили 8 офицеров и вывели из строя более 300 солдат. Мы ни одной серьезной потери в боях пока не имели. Живем неплохо и настроение бодрое. Крепко жму руку. С комприветом П. Дуранин».

Донесение комиссара отряда похоже на частную дружескую записку, но в нем выражена натура Дуранина. О себе — в общем плане: «живем неплохо», все заботы об отряде. Ни слова о том, что на территории Партизанского края в те дни уже шли кровопролитные бои, что гитлеровцы вынуждены были снять с фронта большие силы, придать им технику, в частности авиацию, и бросить против непокорного партизанского «пяточка».

В бою Дуранин не знал, что такое командный пункт. Он всегда был в центре боя и по-своему, по-дуранински, без крика и шума, руководил наступлением или обороной.

Петр Андреевич погиб в Дедовичах. Бой уже затих. Но на окраине поселка в одной из картофельных ям, оборудованной под дот, сидел фашист и изредка постреливал. Дуранин, движимый стремлением добыть «языка», приблизился к амбразуре дота и приказал немцу бросить оружие. Тот дал очередь из пулемета...

Хлеб взят в боях

Центр Поддорского района отселили от линии фронта на пятнадцать-двадцать километров за реку Ловать. Здесь действовали райком и райисполком, почта, небольшая больница. Население прифронтовой полосы провело весенний сев. Конечно, не без трудностей и не без жертв. Поля изо дня в день обстреливались гитлеровцами и из-за линии фронта, и с воздуха.

Вокруг продолжались бои. Немецкие транспортные «юнкерсы» непрерывно пересекали территорию района, подбрасывая подкрепления окруженной под Демянском 16-й армии. Вооруженные пулеметами, они шли на небольшой высоте и поливали свинцовым дождем все живое. То и дело занимались пожары. Люди с рассвета и дотемна были настороже.

Но земля-кормилица словно магнитом притягивала к себе крестьянина.

Более чем полгода жизни при оккупантах не могли не сказаться на хозяйстве. Однако колхозы не только не рассыпались и не превратились в «общинные дворы», на что рассчитывали и к чему призывали немцы,

а, наоборот, отличались особой сплоченностью колхозников. Они, грубо говоря, плевали на фашистские «памятки», объявлявшие всем и вся, что «завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией». Новоявленные немецкие «собственники» только силой оружия, плеткой и виселицей вырывали у крестьян колхозное добро.

Плюнули колхозники и на широко разрекламированный пресловутый «земельный закон» фашистского министра Розенберга. Народ спаял свою жизнь с колхозным строем, чего не дано было понять ни рядовым немецким солдатам, ни офицерам, ни главарям фашистской Германии.

Как только появилась возможность, люди взялись за обработку полей в невероятно трудных условиях, под носом у врага.

Урожай в тот год, как и накануне войны, выдался отличный. Уборку проводили в ночную пору с помощью красноармейцев и партизан. К утру обычно на поле не оставалось ни одного снопа, — все успевали отвезти в лес и уже там обмолачивали. Запаслись люди хлебом. Много зерна отгрузили для Красной Армии.

Сохранилась записка в райком партии от председателя сельсовета Брускова: «Акты есть, а фактов нету. Будем пахать хоть палками и боронить своим горбом. Брусков». Это значит: акты об изъятии немцами лошадей составлены, а лошадей-то нет. И люди впрягались в плуги, в бороны, но землю не бросали не обсеменной.

Вдвойне дороже для каждого пахаря был хлеб, добытый таким трудом.

Так жили в ту военную годину. Ловили каждое сообщение с фронта, каждую весточку о том, ведутся

ли бои местного значения или наши части, продвинувшись вперед, освободили какой-то город, населенный пункт.

С великой радостью встречено было сообщение о том, что Верховный Совет СССР ратифицировал договор между СССР и Великобританией о союзе против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе, заключенный 26 мая 1942 года в Лондоне. Все ждали открытия второго фронта. И долго ждали... Но на второй фронт, как на бога, надейся, а сам не плошай. Это-то наши люди хорошо знали.

После моего возвращения из Ленинграда Г. П. Ермаков, К. П. Мирошниченко, И. И. Ходаков, я и другие партийные и советские работники на десятках собраний рассказывали населению и партизанам о жизни Ленинграда, о трудностях и лишениях, о мужестве и стойкости ленинградцев. Выпустили специальный номер газеты с материалами о Ленинграде. Часть тиража этого номера направили в соседние Белебелковский и Холмовский районы, где еще хозяйничали фашисты.

Снова в немецкий тыл

Осенью 1942 года решением Ленинградского обкома ВКП(б) в дополнение к созданным ранее подпольным партийным группам в тылу врага формировались подпольные партийные центры. Каждый из них должен был обслуживать два-три смежных района и являлся, по существу, межрайкомом партии.

Меня радиোগраммой вызвали в Боровичи к начальнику партизанского штаба М. Н. Никитину.

Боровичи. Город захвачен военными. Заняты под жилье не только гостиница и общежития, но и почти

все учреждения. Нас поселили в помещении народного суда. Тесно, но жить можно.

Домик, где жил Никитин, располагался на тихой городской окраине. Там и собрались все двенадцать человек, кого судьба свела в Лужском подпольном партийном центре.

Руководитель центра — первый секретарь Уторгошского райкома партии Г. А. Рябков. Заместитель его — первый секретарь Лужского райкома партии И. Д. Дмитриев. В состав центра входили: И. М. Карлов — секретарь Пожеревицкого райкома, Н. А. Сергачев — секретарь Белебелковского райкома, чекист майор А. А. Михайлов, инструктор обкома комсомола В. Г. Утина, лужский партизан, в прошлом землеустроитель В. П. Сабуров, разведчики Анатолий Дмитриев и Валерий Гутаренко, радисты Валя Толкушин и Лева Магарам и редактор газеты Абрамов.

Место действия партийного центра — Лужский. Плюсский и Уторгошский районы. Время и способ перехода через линию фронта должны были определить представители партизанского штаба на Волховском фронте П. Р. Швердалкин и Е. Н. Атрощенко.

При всем уважении к Михаилу Никитичу Никитину мы в душе не были согласны с его утверждением о том, что партийному центру не придется вести бои, что его цель — только работа среди мирного населения оккупированных районов.

Как же можно действовать в тылу врага, передвигаться по оккупированной территории и избегать боев, больших или малых — все равно? Как можно обойтись без неизбежных стычек с карателями?

Люди, зачисленные в партийный центр, в большинстве своем уже обстрелянные, уже хватившие «партизанских щей». Они понимали, что война есть

война. И воюя, а не спасаясь от врага, надо всегда быть готовым к бою. Очевидно, понимал это и Никитин. Поэтому его успокоительные слова звучали весьма неубедительно, и мы им не придали особого значения, тем более, что он тут же перевел разговор на вооружение, обмундирование, создание запасных баз и надежной агентуры из местного населения.

Оставалось некоторое время на подготовку и даже на то, чтобы кое-кто мог повидаться с семьями, если они жили не так уж далеко. Место окончательных приготовлений — поселок Хвойная, где расположена была самая крупная партизанская база с продуктовыми, оружейными складами, госпиталем, приданной штабу авиацией.

Решено было перебрасывать нашу группу через фронт на самолетах. Вопрос в том, куда перебрасывать? Тут мнения расходились. Назывались Янцевские хутора в Лядском районе, другие места поближе к району действия партцентра. Шли споры, каким образом перебрасывать: с парашютами или с посадкой самолетов?

Пока обсуждалась техника перехода линии фронта, я получил походную типографию, не имевшую ничего общего с оборудованием, на котором мы работали раньше.

В деревянном чемодане средних размеров, окрашенном в стальную цвет, помещены вдвинутые одна в другую две кассы со шрифтом. Ячейки настолько малы, что буквы из них можно доставать лишь пинцетом. Одну из касс, ту, что побольше, закрывает фанерная доска с алюминиевым печатным станочком. На крышке другой кассы, той, что поменьше, — валики для краски, зубная щетка для смывки шрифта, шило. А выше малой кассы — ящик с банкой краски, не-

большой запас бумаги. В собранном виде получалось что-то вроде усеченной пирамиды.

— Гармошка! — метко назвал эту типографию Иван Михайлович Карлов. — Хватишь ты с ней горячего до слез...

Каждый, осмотрев это пирамидальное сооружение, понимал, что «музыка» не из легких. Ведь типография без бумаги весила два пуда. Такая добавка к оружию, вещевым мешкам, боеприпасам, рациям, питанию для раций, лыжам и всему прочему кое-что значила. Но, как говорят, не столь уж важно быстро богатеть — можно и раньше выбежать. Подумали и решили, что два пуда — не такой уж огромный вес, чтобы не одолеть. Типографию понесем по очереди все, кроме радистов.

В последние дни декабря переехали из Хвойной в местечко Александровку — недалеко от Большой Вишеры, — поближе к фронту. Все еще неизвестно, пойдем ли мы на сброс или с посадкой. На всякий случай на аэродроме около Александровки изучаем устройство парашюта и постигаем технику прыжка с У-2.

Александровка — большая деревня. Жители ее были эвакуированы в глубокий тыл. Пусто. В одном конце поселилась группа прожектористов аэродрома и команда девушек, работавших на очистке летного поля. Наша «братия» и группа С. М. Беляева — Новгородский партийный центр — заняли два добротных пятистенных дома один против другого. Неподалеку обосновалась Волосовско-Кингисеппская группа Н. А. Николаева (по кличке Артем) и А. А. Ингинена (по кличке Любимый). Образовался маленький партизанский городок. Как говорил Гутаренко, «кумпания невеличка, но гарна».

Бывая на аэродроме, мы часто заглядывали в землянки летчиков и наземного состава. Обжитое жилье. Чистенькие койки, стулья, столы. Есть клуб, демонстрируются фильмы. Есть, понятно, кухня и столовая, санпункт. Живут отлично. Но мы прекрасно знали, что такое прифронтовой аэродром и с каким риском связаны полеты в немецкий тыл. Эта авначасть обслуживала партизан. Летчики относились к нам заботливо, были гостеприимны и предупредительны.

Ночь под Новый, 1943 год. Иван Дмитриевич Дмитриев с попутным самолетом улетел в Хвойную. Для нас деятельный и хозяйственный Володя Сабуров организовал ужин в Александровке. Были на столе аппетитные куски колбасы, сыр, сухие фрукты и по чарке виноградного вина. Думали-гадали, что нам год грядущий сулит, пели. Григорий Александрович Рябков читал стихи смоленских поэтов. Родом он смоленский, потому лучшими поэтами считал выходцев из Смоленска. Исаковский преподносился самым крупным планом, вслед за ним шел Твардовский.

...Подгонка лыж. Многокилометровые походы вокруг аэродрома. Первые листовки — результат опробования «гармошки».

А погода установилась нелетная — ночью и днем земля покрыта дымкой. Да и все еще неизвестно — куда лететь? П. Р. Шевердалкин и Г. А. Рябков по долгу сидели над картами, определяя возможные места посадки самолетов.

Наконец-то выяснилось, что мы летим с посадкой.

Сабуров занимался конструкцией лыжных саней, чтобы на них первое время можно было перевозить груз до базы, существующей пока в нашем воображении. Сани должны быть разборными, но прочными. И Сабуров мудрил. Снабженческие дела он передал

Ивану Михайловичу Карлову. И все сразу почувствовали крепкую руку Карлова — этот не распустит пшено по ветру.

Иван Карлов и Гутаренко

Чудесный товарищ Иван Михайлович. Экономный, рачительный, делал все обстоятельно, подумав. Под его неусыпным оком проверены и еще раз уложены мешки. Зная, что сахару у нас не густо, он перед чаепитием прежде всего осведомлялся: «А сколько человек будут пить чай?» Потом отсчитывал каждому положенное количество кусочков сахару.

Карлов вечно что-нибудь «терял» и что-нибудь «искал». Искал палатку, искал фуфайку, рукавицы, шарф. Ходил по избе и спрашивал:

— Ребята, где моя фуфайка? Только что была фуфайка и нету. Ну и народ!

Находил фуфайку, и вдруг обнаруживалось, что пропали рукавицы...

Кажется, он вообще-то ничего не терял, каждая вещь лежала у него на своем месте. А бесконечные поиски, видимо, привычка.

Чтобы оттянуть чаепитие до установленного часа и не поддаться требованиям алчущих и жаждущих, Карлов мог по полтора часа кипятить самовар и при этом поминутно вопрошать:

— Где вода? Где щепки? Где спички? Дайте сапог, чтобы раздуть самовар. Да дайте же кто-нибудь спички! Ну и народ!

А у самого в кармане до полдесятка коробок спичек, кроме святого НЗ — коробки, обернутой в резину.

Вечерами, в ожидании вестей с аэродрома, Иван Михайлович любил вспоминать о том, как он был вто-

рым номером у знаменитого пулеметчика, теперь Героя Советского Союза М. С. Харченко. Рассказывал он не спеша, обстоятельно, операцию за операцией. Сердился, когда изредка дополняли его Рябков и Сергачев, которые тоже воевали в Партизанском крае.

Частенько донимал Ивана Михайловича Валерий Гутаренко. Он ставил ему «шпильки».

— Иван Михайлович, — говорил Гутаренко, — разве ты не знаешь, что бережливость, доведенная до крайности, самая отвратительная скупость? Ты, Иван Михайлович, скупой рыцарь.

Карлов не вступал с Гутаренко в пререкания. Он лишь презрительно поглядывал на него и иногда бросал:

— Посмотрим, посмотрим, какой ты рыцарь. Думаешь, «капусту» на шапку прицепил, баки отпустил, так ты и гроза? Дешево, милок, стоит эта бутафория.

Живой и подвижной Гутаренко тренировался на проводника. Надо отдать должное — он хорошо владел лыжами, точно ходил по азимуту. В карте разбирался лучше многих, обучал нас способам ориентировки на местности.

Но любил парень прихвастнуть, «залить пушку», как не раз замечал Карлов. «Заливал» он, что называется, не без ума.

Еще в Хвойной каждый из нас заполнял для штаба специальные анкеты: кто, откуда родом, где жил и работал до войны, где воевал, чем награжден, где семья?

И. Д. Дмитриев к тому времени был награжден орденом Ленина. На гимнастерках Г. А. Рябкова и Н. А. Сергачева поблескивали ордена Красного Знамени. Сабуров носил орден Красной Звезды.

Валерия, видимо, это волновало, он не хотел оста-

ваться в числе прочих, ничем пока не награжденных. И вот, когда все сгрудились вокруг большого стола, склонившись над анкетами, Гутаренко, дойдя до соответствующей графы, как бы в глубоком раздумье произнес:

— А что, писать или не писать о том, что я награжден орденом Ленина и орденом Красной Звезды?

— А почему же не писать? — ответил ему Сергачев.

— Так ордена я не успел получить! Они — в штабе флота.

— Но коли ты знаешь, что награжден, почему же не писать?

— Запишу, так и быть, — сказал Гутаренко.

Никому и в голову тогда не пришло, что Валерий был в Ленинграде не день и не два, почему же ему не вручили наград?

Так Гутаренко стал «орденоносцем», хотя, как выяснилось позднее, не имел ни одной награды. В ту минуту им руководило тщеславие, присущая ему противная привычка «пустить пыль в глаза». И в некотором недоверии к Гутаренко Иван Михайлович был прав.

Но в те студеные январские дни всех заботило лишь одно: как перебраться в немецкий тыл и как там обжиться?

Полет через фронт

В первую же летную ночь, 7 января, выбросили парашютную группу Беляева. Приземлились они благополучно.

Скоро настал и наш черед. Вылет назначили на 14 января. Днем снова приходили Шевердалкин и Атрощенко. Сводки Совинформбюро, передаваемые по

радио, не содержали ничего существенного. Швердалкин и Атрощенко говорили, что назревают большие события, что уже начались бои, цель которых прорвать блокаду Ленинграда.

Их бы устами да мед пить!

Нам предстояло лететь вместе с волосовской группой Артема (Н. А. Николаева). Место посадки — небольшое озеро Мочалище на границе трех районов: Лужского, Оредежского и Гатчинского. Оттуда каждая группа должна двигаться в свой район. А пока все двадцать пять человек вместе. Вооружили нас автоматами и пистолетами, выдали гранаты, запас патронов, немного мин.

Не могло не вызывать тревоги то обстоятельство, что озеро и его окрестности не разведаны. Задумано так, что первым самолетом полетит комсомолец Попов из волосовской группы. Он прыгнет с парашютом на Мочалище, осмотрится и даст условный сигнал летчику. Тот сразу же ложится на обратный курс. И после приземления его на Александровском аэродроме начнется погрузка и переброска всех остальных. Таков был план. Но как он осуществится?

Ночь выдалась морозная. В белесом небе словно начищенная луна. Ни облачка. Притихла опушенная инеем березовая роща, где хозяйничало БАО и не спал в этот поздний час экономный Дмитрий Власов — партизанский хозяин продуктового склада и виночерпий. Только вино у него жиденькое, словно подслащенная водица. Отведав «водицы», кто-то из ребят пробасил:

— И не мог ты запасти чего-нибудь поувесистей?

В ожидании нудно тянулось время. В голову лезли всякие мысли, не относящиеся к тому, что предстояло делать через час, через два.

Пришел подполковник Атрощенко. Осведомился, как настроение. Обратил внимание на мою черную сборчатую добротную порховскую шубу до пят.

— Э-е, друг, ты в этой шубе пропадешь! Или просто бросишь ее. Ведь такая махина, такая тяжесть! О чем же ты раньше думал?

Раньше, раньше... По правде сказать, мне давно советовали обменять эту «буржуйскую» мирных времен шубу на обычный армейский полушубок. Но какой-то засевший в груди бес цепко удерживал от обмена. Была ли то жадность, а может быть, стремление сохранить память о днях минувших...

— Надо что-то предпринять, — продолжал Атрощенко. — Вот что, бери мой полушубок. А я надену твою шубу.

Он быстро отстегнул ремень, сбросил полушубок с пушистым воротником. Снял и я с плеч свою «трофею», примерил полушубок. Он словно и сшит был на меня. Теплый, новый, белый, еще ничем не измазанный. По плечу пришлась подполковнику и моя шуба.

Так на ходу состоялся обмен, который вызвал заметное оживление среди ребят. Пошли шуточные поздравления, не обошлось без предложений о том, что надо бы столь дружеский обмен «спрыснуть». Невозмутимым оставался только Митя Власов. Он из-под очков без тени улыбки посматривал на нас и, очевидно, ждал какого-то приказа начальства.

Приказание последовало, и каждый из нас прицепил к ремню две фляжки розовой бурды, именуемой вином.

— Это вам на первые дни после удачного приземления, — сказал Шевердалкин.

И опять потянулись минуты ожидания. Наконец вбежавший в землянку дежурный сообщил, что пилот,

улетевший с разведчиком Поповым, возвратился. Выскочили на поле. Летчик рассказал, что слетал хорошо, парня сбросил на озеро, сделал два круга, получил сигнал: «Все в порядке». Никакой активности немцев вокруг незаметно. На линии фронта постреливали, но не сильно.

С первым звеном поднялись в воздух шестеро, сейчас уже трудно вспомнить, кто именно. Кажется, были там Любимый, Толя Дмитриев, Гутаренко. Каждый из них захватил сверх своей поклажи по два фонаря «летучая мышь» и картонные, свернутые магазинным кульком, колпаки для них.

В кабину У-2 садились по двое, так что не разгуляешься. Мне выпал жребий лететь вместе с Николаем Александровичем Сергачевым. До войны мы работали с ним в соседних районах, но не знали друг друга. Познакомились в Боровичах, а в Хвойной уже жили, как говорят, душа в душу. Спокойный, уравновешенный, рассудительный, он при моей вспыльчивости был надежным противовесом. Умел Сергачев усмирять любые страсти и споры. Добрый по натуре, Николай Александрович всегда готов был поделиться последним куском, с искренним уважением относился к товарищам и никогда не выпячивал свою персону на первый план, всегда держался в тени.

И вот мы с ним в одной кабине самолета. Одеты оба, как и все прочие, очень плотно: нательное и теплое белье, шерстяные свитера, фуфайки, полушубки. Поверх всего — маскировочный халат. Шапка-ушанка прихвачена резинкой. Автоматы, гранаты, полевые сумки, вещевые мешки — все с нами.

А время не ждало, надо было поторапливаться. Провожающие и ждущие своей очереди ребята с трудом втиснули нас в кабину. Трещала фанера. Когда

Лужский подпольный партийный центр. Слева направо сидят: И. Карлов, А. Михайлов, Г. Рябков (руководитель центра), В. Толкушин; стоят: Л. Магарам, Н. Сергачев, В. Гутаренко, В. Сабуров, И. Дмитриев, М. Абрамов, В. Утина.

Партизаны ведут бой на шоссе Луга—Псков.
Фото В. Капустина.

Партизанская пушка. Командир орудия И. Рашев (справа).
Фото В. Капустина.

Партизанская разведка.
Фото М. Трахмана.

Разведчики
полка Егорова.

Фото
В. Капустина.

Разрушение ли-
нии связи врага.
1943 г.

Фото
В. Капустина.

Связь прервется
надолго.

*Фото
В. Капустина.*

Переправа через реку Шелонь. 1943 г.
Фото В. Капустина.

летчик стал уже на взлетной полосе проверять рули, оказалось, что я прижал ногой какой-то тросик. Пришлось еще сжаться. Коля сидел чуть-чуть боком. Лицом в его спину примостился я, упершись правым коленом в сиденье. Левая нога вытянута вдоль фюзеляжа.

Вообще-то никакие неудобства не смущали. Но примерно через полчаса полета стали затекать ноги. Защитный козырек самолета не спасал от встречного ветра: мы были немного выше его. Капюшон маскировочного халата сорвало у меня с головы сразу же после взлета, и надеть его не было никакой возможности. Было холодно, но выручала хорошо подвязанная теплая шапка.

Линия фронта. Вокруг беззвучно вспыхивали разрывы зенитных снарядов. Крутые «горки» и стремительные провалы сменяли друг друга. Наконец машина выбралась из-под обстрела и пошла ровно. Внизу белел снег, темнели леса. Казалось, будто вымерло все вокруг и мы несемся в пустыне под оглушительный стрекот мотора.

Самолет сделал круг над Мочалищем. На снегу отчетливо был виден треугольник, обозначенный фонарями. Только мы сели, прибежали те, кто приземлился раньше. Ноги мои отказывались служить. Из кабины меня вытащили на снег. Минута-другая — и я пошел. Вручили нам с Колей фонари, вместе с другими мы должны были при появлении нашего самолета снять с фонарей картонные колпаки, а при посадке опустить их, прикрыть огни.

Прием самолетов шел в ускоренном темпе. Несколько раз на площадке оказывалось по два, а однажды даже три самолета. Ни ругани, ни шума. Все делалось тихо и на редкость организованно. Одни принимали

самолеты, другие оттаскивали в прибрежные кусты груз. Сабуров с товарищами уже собирал лыжные сани.

Вывел было нас из равновесия один случай. Уже отчетливо был слышен гул самолета. Товарищи открыли фонари. И тут над нашей площадкой на небольшой высоте пронесся фашистский бомбардировщик, зловеще черный и стремительный. Заметил или не заметил немец наши сигнальные знаки?

Вслед летели действительно наши самолеты, и прием людей, лыж, продуктов продолжался. Последними приземлились радисты с типографией, рациями и батареями.

Прыгнувший первым комсомолец Попов уже успел с небольшой группой разведчиков осмотреть озеро Мочалище, установил, что километрах в трех от него — на озере Стречно — расположен большой немецкий аэродром. Туда-то и шел бомбардировщик, который мы приняли за свой самолет. Соседство не из приятных. Не много радостей сулила и близость станции Челово. Она километрах в пяти-шести от Мочалища.

Наша площадка приняла в ту ночь двадцать девять самолетов. Машин было, конечно, меньше. Но они сумели обернуться по два-три раза. Перевезли в общей сложности двадцать пять человек, много продуктов, лыж, боеприпасов. Понятно, что немцы не могли не засечь столь высокой активности нашей авиации на одном и том же участке фронта в одну и ту же ночь.

Стычки с врагом

Еще до рассвета мы погрузили на самодельные сани продукты и на лыжах тронулись в путь, стремясь уйти подальше от того места, где приземлились. Сум-

ки с радиопитанием и типография «гармошка» переходили с плеч на плечи. И не счесть было проклятий, отпущенных по адресу этого груза...

Километрах в трех от берега озера укрыли в кустах под снегом мешок муки, мешок пшена, два десятка пар сапог. Наступила небольшая оттепель. Идти трудно, особенно тому, кто пробивает след. А идти надо, так как уже утром после посадки каратели обнюхали Мочалище и его окрестности. Если не запутать следы, могут «сесть на хвост» и тогда только успевай отбиваться.

Четверо суток колесили по лесам. В каждой деревне полно немцев. Фронтные листовки, которые мы захватили с собой, удавалось лишь затолкнуть куда-нибудь под застреху или разбросать на огородах. Даже при малейшем ночном шорохе фашисты и их пособники открывали огонь.

19 января остановились на дневку в сосновом бору. Подморозило. Примерно за километр-полтора до места дневки Володя Сабуров, тащивший два мешка — один с продуктами и второй с боеприпасами — прикопал продукты в снег недалеко от лыжни. С места, где обосновались, Володя, сбросив полушубок, налегке пошел за продуктовым мешком. Через некоторое время слышались автоматные очереди.

К вечеру И. Д. Дмитриев, А. А. Ингинен, В. М. Прохоров установили, что Сабуров убит и раздет. Каратели, видимо, побоялись идти по нашему следу и вступить в бой. Они отошли в сторону Мочалища.

Обстановка складывалась неблагоприятно. К концу января продукты были на исходе.

21 января в районе станции Мшинская пересекли железную дорогу между двумя немецкими постами. За триста метров до дороги, когда разведка ушла к

железнодорожной линии, в кустах почти все уснули, кто сидя в глубоком снегу, кто лежа на боку, но не сбрасывая лыж. Уснули, несмотря на строжайшее предупреждение Рябкова. Измотались.

Переход железной дороги обошелся без выстрела.

Утром на маленьком островке среди болота нас все же настигли каратели. Легко одетые, на лыжах, они без всяких предосторожностей пересекали болото. Наши двадцать четыре автомата заставили их залечь, беспорядочно отстреливаясь. Мы отошли на соседний остров.

Каратели начали преследование. На кромке острова снова завязался бой. Лезли каратели нахально, намереваясь окружить нашу группу. Укрывшись за выворотками (упавшие деревья, выворотившие корни с землей), они вели обстрел. Расположившись полукругом, мы не давали им возможности продвигаться вглубь острова.

Исход боя решил Анатолий Дмитриев. Он бросил в цепь карателей две гранаты, одну за другой. Каратели поспешно отступили, прихватив убитых и раненых. На месте боя остались две пары лыж.

У нас был ранен в руку Рябков.

Снова на марше. Перешли через речку. На ее берегу — большой склад березовых дров, заготовленных еще до войны и уложенных в высокие штабеля. Склад примыкал к лесу. Укрытие хорошее, место для обороны — лучше не сыщешь. Решили провести здесь ночь, обсушиться, отдохнуть. Разожгли два небольших костра.

Пошли в ход остатки продуктов, хотя каждый старался хоть что-нибудь сэкономить. Жаль было муку и крупу, что оставили на берегу Мочалища.

Последние сухари

Сергачев, Анатолий Дмитриев и Гутаренко в ночь на 29 января сходили в маленькую деревню Лединки. Из мужчин там — один староста. Всех трудоспособных немцы угнали на расчистку дорог. Вокруг расположены немецкие гарнизоны. Затерявшейся в лесу деревни Лединки фашисты боялись, хотя ежедневно и наведывались сюда, забирали все: хлеб, скот, картофель, теплую одежду и обувь.

Крупный немецкий гарнизон расквартирован на станции Молосковицы. В других деревнях небольшие гарнизоны и вооруженные группы полицейских.

Самое примечательное, что староста деревни Лединки охотно рассказывал об обстановке, о немецких порядках, о том, как немцы организовали охрану деревень, и даже о том, что в окрестных лесах есть большой, в несколько сот человек, партизанский отряд. Это, конечно, наш отряд, состоящий пока из двадцати четырех бойцов и командиров, умноженный в несколько раз народной молвой.

— А сам-то ты почему верно служишь захватчикам? — спросил у старосты Сергачев.

— Да как вам сказать насчет верности, — отвечал староста, озираясь на притихших женщин. — Верности, можно сказать, никакой. Ведь «сила ломит и солонушку», — что мы можем поделаться?

— Так вот, — продолжал Сергачев, — эти советские листовки раздашь народу и в своей, и в соседней деревнях. Расскажешь, что Красная Армия начала наступление под Ленинградом, бьет немца у Сталинграда, освобождает города и села Северного Кавказа, скоро придет сюда...

— Что вы, что вы! — испуганно заговорил старо-

ста. — Меня повесят. Повесят — и слова сказать не дадут!

— Если дашь в обиду хоть одну семью, даже одного человека из своей деревни, если будешь лизать зады у фашистов, мы тебя повесим. Понял?

Собравшиеся в избе женщины о чем-то тревожно зашептались. Наконец одна из них от самой двери проговорила:

— Староста у нас — дай бог каждому, не продажный. Да мы и не скажем никому, что вы у нас были... А за новости о нашей Красной Армии спасибо. Ведь мужья, сыновья и братья там...

— Насчет того, что мы у вас были, можете говорить. И так немцы знают, что мы были, есть и будем. А вы дружнее держитесь, не давайте немцам ни крошки, вредите им, чем можете.

Понимал Сергачев, что маленькая деревенька вряд ли сможет много навредить немцам. Но деревенька-то советская, и люди советские. Пусть они запуганы гитлеровцами, но в душе каждого теплится искра надежды. Надо раздувать эту искру до пожара.

Раздувать... Для этого фашистской нечисти надо было противопоставить нашу силу. А ее пока мало. Пока мешал нам даже «культурный» лес, которым лесоводы гордились до войны. Лесные дачи разбиты на кварталы. Аккуратные, прямые, как стрелы, просеки широко использовались немцами для прочесывания местности. По просекам проложены контрольные лыжни, проверяемые почти ежедневно. Пересечь такую лыжню — значило дать след и адрес карателям. Но «не так страшен черт, как его малюют». При всех трудностях находились «окна», через которые мы общались с народом. И деревня Лединка — одно из таких «окон».

Жители Лединки дали партизанам немного хлеба, муки, картофеля, дали из последнего, хотя наши и не настаивали на этом, видя, как народ обобран фашистами.

Через пятнадцать дней походов по вражескому тылу вещевые мешки были опорожнены. Рябков разделал свои последние сухари. Бережно собраны и съедены сухарные крошки. Случайно натолкнулись на место недавней партизанской стоянки. Кто-то нашел две конские головы и две или три конские ноги, закопанные в снег. находка тут же пошла в дело.

Каратели не давали передышки. Стычки почти ежедневно. Экономили патроны. Трудно. До истощения, конечно, еще далеко, можно жить старым жировым запасом. Но голод все равно не тетка. Люди осунулись, постарели. Реже и реже мелькала на лицах улыбка.

Долго носили двухпудовую типографию. Волосовцы тоже с трудом тащили свою «гармошку». Наконец силы иссякли. «Гармошки» пришлось схоронить в глубоком овраге. Редактор волосовской группы Н. В. Сошин и я оставались без «орудий производства», так и не успев их использовать.

В Первой бригаде

1 февраля наша разведка встретилась с разведкой Первой бригады. О существовании этой бригады наш командир Рябков да и другие товарищи знали. Мы представляли себе, что бригада — это, значит, нечто внушительное, и, откровенно говоря, на это рассчитывали. Ведь за две недели пребывания в немецком

тылу. тем более в районах, расположенных в относительной близости от фронта, пришлось убедиться, что действия небольшой, пусть даже и подвижной группы, сильно ограничены. Наличие в каждой деревне вражеских гарнизонов и карателей, а также полицейских, на вербованных из всякого рода подонков, связывает маленькую группу партизан, почти не дает ей возможности общаться с народом. Такие деревни, как Лединка, были очень редким исключением.

Кроме того, немецко-фашистские захватчики широко использовали там против партизан хорошо натренированных лыжников, кстати не боявшихся ни леса, ни ночного боя.

Волосовская группа Артема и Любимого рано или поздно должна была отделиться от нас и следовать в определенные ей районы. Нас оставалось одиннадцать человек.

Вот и думалось, что опора на Первую бригаду даст нам возможность шире развернуть работу среди населения, во много раз усилить разведку. Правда, и до этого наши радисты Толкушин и Магарам работали напряженно, разведанные передавались в штаб не менее трех раз в неделю. Но делалось в этом отношении далеко не все.

Так думалось, когда шли на соединение с Первой бригадой.

Встретили нас командир бригады Кириллов и комиссар Кондратьев. Командовали они остатками бригады, в составе которой тогда было около сорока раненых. Никаких боевых действий не вели. Бригада подвергалась непрерывным налетам карателей, которые стремились добить ее окончательно. На людей нельзя было смотреть без содрогания: голодные, многие без оружия, они походили на затравленных зайцев.

Рябков, Дмитриев, Николаев и Ингинен поступили, как и следовало поступить коммунистам, партийным работникам. Двадцать четыре автоматчика, составлявших два партийных центра, присоединились к бригаде, взяли на себя основную тяжесть и в боях с карателями, и в разведке, и в охране лагеря. Человек двадцать бригадных бойцов, вооруженных винтовками и одним ручным пулеметом, вместе с нами составляли уже порядочную силу.

10 февраля самолет сбросил на болото несколько гондол с боеприпасами, табаком, солью и небольшим количеством продуктов. За ночь все это успели подобрать. А наутро, как и следовало ожидать, явились каратели. С рассветом мы залегли на кромке бора, примыкавшего к болоту. Ждать пришлось недолго. На дороге, ведущей через болото, вскоре появилась вражеская разведка, а на противоположном берегу сосредоточилось довольно крупное подразделение немцев.

Фашисты, знавшие, с кем они в этих местах до сих пор имели дело, двигались беспечно, буквально вслед за разведкой. Мы подпустили их близко, настолько близко, что отчетливо видны были потные лица, можно было убедиться, что все каратели вооружены автоматами. Разведчики, одетые в маскировочные халаты, шли на лыжах, остальные человек полтора — в пешем строю.

Встречный дружный огонь нашей засады для немцев оказался настолько неожиданным, что они растерялись. Почти все разведчики, достигшие нашей обороны, в первые же минуты боя были убиты. Остальные тоже несли потери и отстреливались в явном замешательстве, больше стараясь оттащить в свою сторону раненых и убитых.

Когда каратели уже отступили, из леса, где они сосредоточивались, ударил миномет. Бил он главным образом по нашему единственному пулемету. Пулеметчик был убит. Мы передвинули пулемет на другое место на случай, если немцы повторят наскок. Однако скоро миномет замолчал, и каратели отступили.

Послав через болото разведку и оставив засаду, начштаба Сойкин отвел нас в лагерь, где уже все были в сборе. Вечером надо было уходить.

В этом и последующих боях Сойкин показал себя человеком, более или менее знающим военное дело. Это радовало. Но он наделен был такими причудами, которые не могли не коробить души. Барский, подчеркнуто начальственный тон в разговоре, полная нетерпимость даже к малейшим и совсем безобидным возражениям, ложная, искусственная внушительность суждений делали его неприятным для окружающих и смешным.

В походе Сойкин кроме пистолета и планшетки ничего не носил. За него отдувался «денщик» Иван Калинин, именуемый связным. Он вечно был навьючен, как верблюд, тащил и свой, и сойкинские вещевые мешки, автомат, и две сумки с НЗ, боеприпасы, планшетки. Одетый в старомодное демисезонное пальто, он выглядел туристом поневоле, обливался потом и при всей своей выносливости выбивался из сил. Смотреть на него было и смешно, и грустно.

Такое отношение начальника штаба бригады к Калинин и другим товарищам усиливало чувство неприязни к нему. Думалось: где вырос этот молодой барчук?

— Ничего, мы ему пообломаем зубы, — пообещал Дмитриев. — Я поговорю с комиссаром Кондратьевым...

Кондратьев за время наших совместных походов

ничем особенным себя не проявил. Глядя на него со стороны, можно было судить, что он устал, измотан, не ищет даже повода к тому, чтобы в какой-то мере проявить права и власть комиссара.

Командир бригады Кириллов выглядел человеком безвольным и не очень одаренным, хотя и с налетом некоей напыщенности. Неизвестно, как он довел бригаду до состояния полной небоеспособности. Неразгаданными оставались и его дальнейшие планы.

Рябков с согласия Кириллова и Кондратьева отобрал из бригады человек шесть крепких ребят и заметно усилил нашу разведку. Она уже могла и расширить наблюдение за противником, и смелее вторгаться в небольшие села, и при необходимости принять бой. Участились разведдонесения в штаб. Быстро пошли в ход листовки, доставленные нам с последним самолетом.

Однако трудностей не убыло. Обобранным до нитки и запуганным расправами фашистов население не в силах было прокормить нас. Преследования, налеты, организуемые карателями, не прекращались. Большое количество раненых, правда, ходячих, сильно затрудняло передвижение бригады. Давало себя знать постоянное недоедание.

Странички из дневника

В ту пору в моем дневнике появлялись время от времени лишь короткие записи.

19 февраля. Третий день «на пище святого Антония».

20 февраля. Разведчики принесли из деревни немного ржи. Разделили. Ваня Карлов верен себе. Он

по-прежнему спрашивает: «Сколько пясточек (горстей) ржи надо бросить в котелок, чтобы получилась каша?»

23 февраля. День Красной Армии. Ночью приняли с самолета долгожданный груз. Гондолы с сухарями угодили в незамерзающее топкое болото, промокли. Табак тоже. Но все до крошки подобрали и перенесли за два километра в лагерь. Разделили. Поели. От сухарей — страшная изжога.

24 февраля. Мы с Сосиным и Поповым в секрете. Замаскировались. Вдали хорошо просматривается редкий болотистый бор. Тропа, идущая в лагерь, под обстрелом. Позиция удачная. Уже несколько суток идет мокрый снег пополам с дождем. Полушубки — хоть выжимай. Ночи сырые.

Метрах в пятистах от нас показалась группа людей. Знали, что разведчик Иванов с ребятами ушел в деревню. Но он ли идет? Ушли пятеро, а тут людей больше. В чем дело? Наверное, немцы. Хотя и вчерело, но они вполне могли, попав на наш след, пожаловать в лагерь. Изготовились. Попов побежал в лагерь, чтобы предупредить. Вот группа уже приблизилась метров на сто — сто пятьдесят. Впереди идет Иванов, идет не спеша, за плечом винтовка. Следующий за ним ведет лошадь. Становится более или менее ясно: возвращаются наши, прихватили лошадь. Все-таки — пища. Но что за посторонние идут с Ивановым?

И тут я узнал среди спутников Иванова Женю Павассара — старого гатчинского друга. Окликнуть? Нельзя. Секрет есть секрет. Дождались смены.

25 февраля. Проговорили с Павассаром почти всю ночь. Он комиссар испанского отряда. С ним пришел командир испанского отряда Франциско Гульзен и еще четверо испанцев.

Отряд был сформирован из юношей-испанцев. Дети

республиканской Испании выросли и возмужали на советской земле и теперь сражались с фашизмом за свою вторую родину.

Испанцы за короткий срок пустили под откос двадцать эшелонов врага, не потеряв при этом ни одного человека. И почти всех, в том числе и радистов, потеряли на заготовках продуктов по деревням. Те, кто пришли к нам, — это все, что осталось от большого отряда.

27 февраля. Я не знал, что по-латышски или по-эстонски «павассар» значит весна. Видимо, отсюда и фамилия Евгения — Павассар. Родители его происходили откуда-то из Прибалтики. Женя — светловолосый, коренастый — полная противоположность Гульену — тонкому, высокому, с черными как смоль волосами.

Павассар — весна. Скорее бы наступала весна! Где ты, мечта всех партизан, — чернотроп? Чтобы шел — и никакого следа...

28 февраля. У Павассара день рождения. Пошли с ним к ручью, который уже начинал журчать по-весеннему, образовав во льду промоины. Женя достал из кармана два больших сухаря, полуобглоданную баранью кость и две парафиновые горелки в баночках. Из этого парафина ребята с помощью парашютной тряпки ловко выжимали жалкие граммы спирта. Павассар добыл таким путем грамм двадцать. Развели водой, выпили по глотку, пососали баранью кость, погрызли сухарей.

Это у Павассара были последние запасы. С потерей радистов они потеряли, понятно, и связь со штабом. Их искали. Было и нам задание — найти отряд Гульена. Искали, но безуспешно. И вот Иванов натолкнулся на них в районе деревни Дубровицы.

2 марта. Конина, как ни экономно ее расходовали, кончилась. Осталось немного ржи. Рябков сидит у пня и обухом топора дробит в тряпке рожь. Дмитриев с Сергачевым лежат около костра и строят планы будущих квартир. Вполне серьезно рассуждают, словно с войной уже покончено, им предоставлено право выбирать, сколько занять комнат, какую завести обстановку... Даже зло берет. Иван Дмитриевич говорит: «Ты, Миша, не сердись. Мечтая, мы отдыхаем». Может быть, и так.

6 марта. Вспоминаются слова Никитина: «Вам не придется воевать...» Умный человек, он, наверное, говорил, сам себе не веря. Находиться у врага в тылу и не воевать! Он, конечно, понимал не хуже любого из нас, что здесь каждый шаг — война: провел с крестьянами беседу — война; разбросал по деревьям листовки — война; попросил хлеба или картошки, чтобы не умереть с голоду, — опять война.

Все наши так называемые мирные средства борьбы наносят урон врагу. В непосредственной близости от Ленинграда фашисты хитро расставили свои сети, наводнили каждый населенный пункт карателями. Выход тут один: фашистской силе надо противопоставить нашу силу.

Вчера на наш лагерь, где мы встретились с Павасаром и Гульеном, напал большой отряд карателей. Отходя, мы несколько раз занимали оборону, но все неудачно. Открытые болота с редкими лесистыми островками давали карателям возможность окружить нас. Сковывают руки раненые. Дает знать себя истощение. Одним словом, гнали нас километров пятнадцать.

В этот день кое-кто из нас проклинал и партизанских интендантов. Кто-то из них на хвойнинской базе додумался послать нам тонкие, изящные беговые лы-

жи. Наступил неаккуратно такой лыжей на пень или корень — и она пополам. На первом или втором переходе все беговые лыжи вышли из строя. А снег — до пояса. Далеко ли оторвешься от хорошо тренированных, откормленных лыжников-карателей, идущих без груза, налегке!

Лыжа у меня лопнула перед тем, как выйти на болото, поросшее редкими сосенками. Впереди — высота, огибающая болото. Но добраться до нее трудно. Фашисты дышат в спину. Они уже почти не стреляют. Они жаждут живых трофеев, ловят. Вот уже по спине, полущубку скребут каратели, пытаюсь ухватить за воротник. В какой-то миг Янковский (из Первой бригады) пригнул мою голову к земле, повалил на снег, а сам ударил из автомата. Я увидел только ноги преследователей и дал по ним несколько очередей. Оставшиеся в живых каратели отскочили и залегли. В тот же момент наши заняли оборону на высоте по краю болота и открыли огонь. Группа из семи-восьми человек начала обход карателей справа. Они не выдержали: под огнем подобрали раненых и убитых, уволокли их на санитарных «лодочках». Все же одного убитого забыли вместе с ручным пулеметом. По документам это был парень из Новосибирска. Как этот сибиряк стал предателем и дошел до того, что стрелял по своим? Об этом документы ничего не рассказывали. Судя по следам отступления, убитых и раненых у карателей было много.

Наши потери: убиты двое, ранены четверо. Самое страшное в том, что радиста одной из разведгрупп, заброшенной к нам за неделю перед этим, каратели взяли живым вместе с рацией.

Командир бригады Кириллов и комиссар Кондратьев пропали, исчезли. Самые тщательные поиски на

всем пути от прежнего лагеря и до последнего места боя не дали результатов.

Недосчитались мы в этот день и Павассара с Гульеном. В последней стычке с карателями они прикрывали отход. И тоже исчезли.

Таким был полный драматизма день 5 марта 1943 года. Моего спасителя Янковского я не забуду никогда.

Испанские парни

Как бы в память о встрече с Гульеном и Павассаром, остались в бригаде четверо испанцев — молодых чернобровых ребят с горящими огнем черными глазами. Они сразу потянулись к Рябкову и Дмитриеву. На первой же остановке испанцы расположились у рябковского костра, каждый из них с готовностью выполнял любое приказание, подчеркивая свое беспредельное доверие нашим командирам.

7 марта. Разведчик Анисимов принес очень печальную весть. Карлова, Михайлова и Иванова, которые 2 марта ушли с листовками в деревню, кто-то предал. Их выпустили из деревни, а километрах в трех от нее, в лесу, окружили и убили.

Глухой ночью на берегу лесного озера, покрытого ярим весенним льдом, я обошел костры. Измотанные беспокойными переходами, голодные люди не упали духом, однако и не выказывали особой бодрости. Большая часть без лыж. Много раненых.

Пожалуй, собраннее всех выглядели испанцы. На обросших лицах мелькают улыбки — признак спокойствия. Донимает их только холод. Южане, даже тепло одетые, они трудно переносят нашу зиму, да еще такую, когда полсуток мороз, а полсуток слякоть. Они

жмутся к костру, держа руки прямо над раскаленными углями.

Среди испанцев заметно выделяется Андрес Руис, если я правильно записал его фамилию. Он бойчее всех говорит по-русски. Широкоплечий, коренастый, подтянутый, Андрес и физически сильнее других. Чувствуется, что остальные признают его за старшего.

Андрес из Астурии, сын шахтера. Родители погибли в боях с франкистами. Он ребенком был увезен во Францию вместе с такими же сиротами. Из французского лагеря ребята были доставлены в Советский Союз. Перед войной Андрес работал на заводе.

Нашествие гитлеровцев обожгло израненные сердца испанских ребят. Под руководством капитана Франциско Гульена они организовали испанский партизанский отряд.

Андрес Руис долго глядит в огонь, вспоминая что-то свое, о чем-то мечтая.

— Сначала не хотели верить, что мы способны побороть трудности партизанской жизни, — говорит Андрес. — По пять раз на день спрашивали: не раскаиваемся ли, не придем ли в отчаяние при встрече с лишениями в тылу у немцев? Не раскаиваемся и не придем в отчаяние! — отвечали мы.

Полузакрыв темные, как ночь, глаза, Руис тихо и доверительно, почти шепотом произносит:

— На бой с фашистами за Советскую Родину и за нашу родную Испанию благословляла нас Пассионария, наша неистовая Долорес. Она поцеловала каждого из нас, как своего родного сына...

Я вполголоса прочел Андресу «Гренаду» Светлова. Андрес, оказывается, знал из нее лишь одну строку: «Гренада, Гренада, Гренада моя!» Эти слова он повторял за мной, словно священную клятву.

Опять мелькают дни

11 марта. Рябков и Дмитриев сочли своим партийным долгом принять командование всей нашей группой. Это обрадовало каждого бойца бывшей Первой бригады, особенно раненых, для которых Рябков и Дмитриев заказали штабу самолет с посадкой на озеро.

Группа наших ушла в деревню Пустынька. Ребята захватили с собой листовки с сообщениями Совинформбюро и записанные на слух по радию последние известия.

С утра вместе с Валерием Гутаренко мы в охране. Мой пост на кромке небольшого болота. Тишина. Подтаивает снег. Идет весна. Это бодрит, хотя в желудке крохотный кусочек конины и полкружки ржи.

Мудра природа и все творения ее. Каждая птаха чувствует весну. Больше того, каким-то неведомым путем птица знает, когда ей никто не грозит. Вот лежу я в густой еловой пивке. Где-то позади чуть-чуть слышна жизнь лагеря. А так — ни звука. Вдруг что-то затрепыхалось по соседству. Глянул и обмер: прямо над головой на раскидистой березе уселись три тетерева. Охорашиваются, посматривают по сторонам, словно дразнят: «А ну, попробуй, возьми». Не возьмешь. Автоматная очередь наделала бы беды. Сидят себе птицы и в ус не дуют... А под ложечкой сосет...

13 марта. Вчера вечером по следам наших ребят в деревню Пустынька пришли каратели. Надолго ли они обосновались там? Народ запуган. Разговаривают оглядываясь. Продуктами помогают тайком друг от друга.

Нужна встряска, да такая, чтобы загудело все вокруг. Для этого необходима сила.

Самолета для раненых все нет и нет.

15 марта. Каратели почтили своим посещением наш старый лагерь у лесного озера. Посещение это было обставлено всяческой бутафорией — стрельбой из автоматов, пулеметными очередями, залпами из минометов по окружающему лесу.

В ночь с 14 на 15 марта немцы в деревне Пустынька пытались принять наш самолет, даже костры на поле разложили. Но они не знали условного сигнала. Поэтому самолет, сделав над деревней круг, ушел. К нам ли он был послан — неизвестно. Обычного в таких случаях предупреждения не было.

20 марта. Самолета нет. Раненые приуныли. Всеми силами стараемся подбодрить их чем можем. Во многом выручает неистовый оптимизм Ивана Дмитриевича Дмитриева. Он еще способен и на шутки-прибаутки.

В любом случае сейчас нам не нужен бой, чтобы не увеличивать и без того большого количества раненых. Пока спасает весенний наст: пройдешь — и следа не оставишь. Сухая ольха позволяет жечь совершенно бездымные небольшие костры.

За пятнадцать дней после того памятного боя (5 марта) произошли невероятные события. Немцы, видимо, сломали попавшего в плен радиста разведгруппы. Судя по всему, он давал радиogramмы в штаб от имени Рябкова и Дмитриева.

Как бы там ни было, а получение радиogramм от Рябкова и Дмитриева из двух разных источников навело работников штаба на размышления. Нам пока явно не верят. Запросили первоначальный состав партийной группы. Передали. Тогда запрашивают: «Где живет сейчас жена Рябкова и как ее фамилия?» Передали: «Живет там-то, фамилия ее Никитенкова».

Так передали сведения почти о всех членах партийной группы, у которых жены носят иные, чем мужья, фамилии. Все в точности передали. Ждем, что будет дальше. А голод донимает.

24 марта. Пришла, наконец, радиограмма предупреждающая, что ночью будет самолет, но не с посадкой, а только на сброс груза.

25 марта. Груз приняли километрах в двух от лагеря. До утра перетасили к кострам много продуктов и пар двадцать сапог.

Уже на восходе солнца меня и радиста Валю Толкушина командир послал еще раз на место, где самолет сбросил гондолы, помочь находившимся там ребятам забрать остаток пшена и перенести в лагерь. Я освободил свой вещевой мешок, выбросив оттуда все до ниточки. Оставил у костра выданные мне сапоги и даже полевую сумку. Толкушин, не дождавшись меня, ушел вперед.

Налегке по насту я зашагал к поляне, где ждали три-четыре бойца с остатками пшена. Отойдя с километр, услышал пулеметные и автоматные очереди в районе лагеря. Сомнений нет — это налетели каратели.

Зная направление возможного отхода, я подался метров на пятьдесят от тропы вправо и укрылся за густым ельником. Слышу, что по тропе, по которой мы ночью шагали с продуктами, уже бегут немцы, кричат и стреляют. Они скрылись в лесу, и скоро в лагере стрельба поутихла, а на поляне, куда я шел, вспыхнула с новой силой.

Наши, конечно, отошли. А что делать мне? Остался один. Без полевой сумки, без карт и без сапог, а главное — без крошки продуктов. Правда, со мной безотказный автомат с запасным диском, пистолет с пол-

ной обоймой патронов. На самую верхнюю петлю ворота гимнастерки пристегнуты кнсет, который я у костра успел набить махоркой, и постоянный спутник — компас.

Знал, что отходить наши должны были строго на запад. Но кто знает, как у них сложились обстоятельства после стычки с фашистами? Однако не сидеть же на месте! Идти! Идти на запад!

Иван Калинин

Осторожно продвинулся по лесу метров на двести. Прислушался. В соседнем молодом ельнике чуть слышно треснула ветка. Кто-то тихо шел мне наперерез. Затаился. Слышу тяжелые шаги по хрустящему насту. Кто-то один. Еще несколько шагов навстречу неизвестному. Когда я увидел сквозь ветки елок, что по лесу, крадучись, шагает Иван Калинин — ординарец капитана Сойкина, навьюченный как верблюд, отлегло от сердца. Подпустил его шага на четыре и тихо окликнул:

— Ваня!

Иван испуганно огляделся по сторонам, ничего, видимо, не замечая. С него, как всегда, градом лился пот. И смех и грех смотреть на этого безответного перед начальством и безвольного человека. Два тяжелых вещевых мешка гнут его в три погибели.

— Ваня, это я...

Он одним рывком сбросил на снег мешки.

Иван поведал обо всем, что произошло в лагере после моего ухода.

Немцы подошли со стороны реки Луги. Постовой просмотрел. Метров за пятьдесят до костров каратели открыли огонь. Судя по всему, они не столько рассчи-

тывали на уничтожение партизан, сколько на то, чтобы поживиться трофеями. И поживились. Много рыбы, крупы, муки, консервов, сапог наши не успели распределить по вещевым мешкам. На это добро и набросились шакалы. Часть их побежала на площадку, где принимали самолеты. Они не могли не заметить протоптанную нами за ночь тропу. Партизаны отошли. Калинин замешкался с заранее набитыми мешками — своим и сойкинским.

И вот он передо мной, как конь перед травой, испуганный, измученный тяжелой ношей, с глазами навывкате. Показал весьма приблизительно, куда наши ушли. Выходит — на запад, как и было условлено.

— Давай, Иван, мне один мешок, ведь у меня же никакой поклажи нет. Я помогу тебе нести. И будем искать своих.

Калинин подумал минуту, соображая, потом согласился:

— Вот возьми мешок командира. Только не бросай, а то мне попадет.

Он, конечно, боялся не того, что я брошу мешок, а не стащу ли я из мешка что-нибудь съестное.

В 10 часов утра вышли к большому болоту. Следов не видно. Отошли метров на пятьдесят от берега. Издалека нас обстреляли из пулемета. Значит, каратели где-то тут. Пошли лесом по кромке болота и через километр-полтора напали на след. Даже на твердом насте хорошо были видны отпечатки каблуков: многие надели новые сапоги. Скоро след вывел опять на то же болото. Нам сейчас идти в открытую по болоту безрассудно. Надо ждать вечера.

В мешках у Ивана набито много всяческого добра, но не оказалось ни одного сухаря. Он угостил меня

салом и бисквитным печеньем. Все равно, чтобы утолить голод, поел печенья с салом. Противно. Тэшнит. А время тянется томительно и нудно. Иван сопит и молчит. Невесело. Как-то хотелось растормошить Калинина.

— Иван, значит, немцы знали о самолете, коли засветло пришли в лагерь?

— Выходит — знали.

— А откуда знали?

— Да черт их ведает, откуда.

— Ну, а Сойкин почему же тебя бросил?

— Не знаю.

«Знаю», «не знаю», «не ведаю» — эти односложные ответы Калинина еще больше наводят тоску. Лучше молчать — легче будет. И родятся же на свет такие люди-чурки: толкни его туда, толкни сюда, ему наплевать.

С закатом солнца пошли по следу. Километрах в пяти нас остановил часовой. Свои! Рябков, Дмитриев, Сергачев встретили радостно, так встречают тех, на которых уже не рассчитывали. Спросы-расспросы. Оказывается, мою полевую сумку забросили в кусты. Хорошо, что не оставили рацию Вали Толкушина. Он, видимо, погиб там, на поляне, где ждали нас товарищи. Они тоже пропали бесследно.

Рябков распорядился, чтобы все, в том числе и капитан Сойкин со своим Иваном, выдали мне понемногу продуктов. Ваня сделал это как великое одолжение — отсыпал десяток ложек ячменной крупы. Мешок мой не пуст, но и не грузен. А на валенки глаза бы не глядели: от бывших «заколенников» остались рожки да ножки — голенища уже давно подрезаются на заплаты.

Остров спасения

30 марта. Весна! Скоро — чернотроп. А пока кругом вода. Бегут ручьи, подточены снизу снежные сугробы, наступишь на снег — и по пояс. Разливаются болота. Мои злосчастные валенки превратились в подобие дамских бот, а при провале остаются в снегу или в воде. На одной из остановок нашел у кого-то конец парашютной стропы, прорезал в голенищах дырки и привязал свои валенки через плечи, как ребенку подвязывают на шею варежки, чтобы он их не потерял. Это изобретение чуть-чуть спасает.

Ранним утром встретили отряд Сергеева, вернее, остатки отряда: их неподалеку немцы разбили. С ними — три моряка, оставшиеся при каких-то сложных обстоятельствах от своего отряда. Среди балтийцев выделяется Дима. Парень — косая сажень в плечах. Веселый, жизнерадостный.

И опять опустел вещевой мешок. Не только у меня — у всех уже несколько дней нет никаких продуктов. Группа наших товарищей ходила в деревню Элемно. Но там расквартирован большой отряд карателей. Вернулись несолоно хлебавши.

Сегодня обосновались на лесистом островке огромного болота Басач. Половодье. Ближайший берег — в полукилometре. В желудке — пустота. Во рту — противно. Березовый сок еще не тронулся. Слабость. Но надо идти на пост. Охрана лагеря — закон, хотя немцы в болото пока не суются, лишь изредка стреляют с берега, бьют «в белый свет, как в копеечку».

С 24 марта — впроголодь. С 28 марта вообще, как говорят, «на колуне». Тошнота. Володя Лильбок опух. Я сказал ему об этом. Он ответил мне: «Ты сам опух».

Погода в конце марта отличалась исключительной неустойчивостью: ночами шли дожди, землю завлакивали туманы. Погода нелетная даже для военного времени. И помощь нам с воздуха откладывалась с ночи на ночь. Вскоре около сотни человек оказались на грани гибели. Попытки заготовить что-либо в окрестных деревнях ни к чему, кроме потерь, не привели.

Рябков и Дмитриев далеки были от отчаяния. Однако и спокойно спать не будешь, если на твоей совести судьба десятков людей да и у самого в желудке пустота.

Тогда Рябков дал примерно такую радиограмму: «Погода нелетная, но немцы летают. Неужели среди наших летчиков не найдется хотя бы одного, кто, рискуя жизнью, попытался бы спасти сотню советских партизан? Прошу прочесть это личному составу эскадрильи. Рябков».

Год спустя, когда мы уже вышли в Ленинград, начальник отдела кадров Ленинградского штаба П. Г. Матвеев рассказал о событии, связанном с этой радиограммой.

— Я в те дни был в Хвойной, в эскадрилье, обслуживавшей партизан. Заместитель командира эскадрильи Легостин собрал личный состав и зачитал радиограмму Рябкова. Тишина. Коптит на столе лампа. Легостин замер в ожидании. Секунда, другая, наконец порывисто поднимается летчик Александров и говорит: «Товарищ заместитель командира, разрешите мне лететь к Рябкову». За ним встают второй, третий, и так — каждый. Легостин отдает приказ: «Летчик Александров, разрешаю вам вылет. Штурманом буду я».

Тогда, в болоте, мы не знали обо всем этом, как не знали и фамилий своих спасителей. Зато знали, что

Рябков получил долгожданную радиogramму: «Ждите сегодня». Устанавливались время и сигналы.

2 апреля ночью мы приняли с самолета четыре гондолы. Получили продукты: сало, пшено, муку, немного сухарей. Рябков приказал выдать наиболее истощенным по дополнительному куску сала. Он зорко следил за тем, чтобы не наедались сразу. Когда я ночью незаметно подсунул в костер котелок, чтобы сварить второй раз суп, он пнул мой котелок ногой.

— Подохнуть хочешь?

Все же двое из бригады умерли в страшных муках, видимо, от заворота кишок.

Самолет, у которого под плоскостями кассеты, бросает груз прямо на костры, но берет он только четыре гондолы. Рябков добился, чтобы в штабе его хорошо поняли, уяснили, в каком положении люди. Поняли и уяснили. В ночь на 3 апреля послали «дуглас» — это одиннадцать гондол. Правда, самолет разбросал груз по болоту, однако к утру все собрали. Есть сапоги! Валенки мои, привязанные на стропе, в эту ночь отслужили последнюю службу.

А кругом — вода, вода... Болото Босач — как море, только волны нет. Остров, на котором волей судеб мы приткнулись, назвали островом «Спасения».

Почти три месяца провели мы на этот раз в немецком тылу. И все это время — непрерывные бои с карателями. Кое-кто заметно опустился, поник. Да и все мы оборвались, отрасли бороды, загрязнились. Появились вши. Это не повышает настроения. Ни смешка, ни улыбки, — постные лица, невеселые разговоры.

Надо встряхнуться, отбросить прочь все, что омрачает сознание, что хоть в какой-то мере принижает

человеческое достоинство. Настроение для солдата — второе оружие.

Для начала по примеру Анатолия Дмитриева, парня крепкого и выносливого, все до одного сняли бороды и побрились. Из двойных парашютов соорудили пять шалашей, замаскировали их как могли ветвями, деревьями. Посередине такого шалаша — камелек, по бокам — места для отдыха. Тепло и от дождя защита, пусть и не вполне надежная.

Объявили беспощадную войну паразитам. Правда, скоро от них не избавишься. Все же каждый тщательно протер тело теплой водой. Постирали белье, гимнастерки. Одним словом, привели себя в порядок, насколько это было возможно. И свет вроде стал милее.

С последним самолетом нам сбросили несколько кип листовок «Итоги зимней кампании Красной Армии». Сообщались данные за время с 10 ноября 1942 года по 31 марта 1943 года — за четыре месяца и двадцать дней.

Советские войска ведут наступательные бои. Освобождена от немецких захватчиков территория в 480 тысяч квадратных километров. Очищены от гитлеровцев Воронежская и Сталинградская области, Ставропольский край, почти целиком Краснодарский край, а также Ростовская и Курская области.

Хорошо!

Советскими войсками захвачены огромные трофеи, 343 525 вражеских солдат и офицеров взято в плен, а 850 тысяч убито. Очень хорошо!

Когда глянешь на общую картину войны, отступают на десятый план и кажутся мелкими наши местные неудачи, тускнеют лишения и трудности. Они ничто в сравнении с грандиозной битвой, которую ведет страна на всех фронтах.

Разведчики унесли листовки через болото в деревни или, по крайней мере, поближе к деревням.

На днях они добыли данные об экономике двух колхозов Сабицкого сельсовета — «Элемно» и «Крестьянский труд». Люди ограблены немцами почти дочи́ста. В «Крестьянском труде» из двадцати трех лошадей осталось три, а из пятидесяти двух личных коров колхозников — одна.

Невзирая на истошные призывы гитлеровцев, на их земельные законы, инструкции и приказы, мужик не пашет и не сеет. Засеяна лишь десятая часть того, что сеялось до войны. Дома уничтожены, народ ютится в землянках.

Наш лагерь продолжал жить строгой, размеренной жизнью. Уходила и возвращалась разведка, круглые сутки несла вахту охрана. Работали радисты. Пользуясь относительным затишьем, которое было вызвано половодьем, свободные от дежурств и разведки люди приводили в порядок одежду, некоторые даже обстригали шерсть на полушубках, чтобы превратить их в легкие плащи, годные для носки в теплую погоду.

В меню этих апрельских дней, как и обычно, преобладала «заваруха». Это — жидкая мучная каша, заваренная на крутом кипятке. Готовится она очень быстро. Поэтому, когда есть мука, каждый предпочитал «заваруху» многим другим блюдам.

Смешно говорить о меню и о блюдах, но пока имелись продукты, партизаны один перед другим щеголяли искусством приготовить такое, чтобы у соседа глаза на лоб полезли: какие-то немислимые рагу из соленой баранины, пшеничную кашу с салом, присыпанную сахарной крошкой, просто кашу, просто сало, заливное мучной подболткой.

— Ты, друг, еще не жарил автоматные патроны,

заправленные патронами из ТТ? — сострил Володя Лильбок, глядя, как Гутаренко глубокомысленно «сочинял» свой обед.

На острове «Спасения» как-то сами собой образовались группы вокруг общих котлов. Это были преимущественно «двойки» и «тройки».

— Кончился период единоличного хозяйствования! — шутил Рябков.

Через несколько дней после того, как Кириллов и Кондратьев исчезли, поступил приказ штаба о том, что руководство бригадой отныне возложено на Рябкова и Дмитриева, хотя фактически они уже с 5 марта руководили людьми, объединяя не только наш партийный центр, группу бойцов Первой бригады, но и ребят из испанского отряда, отряда Сергеева, отряда моряков. Вполне боеспособных в общей сложности было человек пятьдесят, около тридцати — небоеспособных.

Капитана Сойкина вновь назначили начальником штаба бригады. Он и его небольшое окружение были страшно недовольны этим. Сойкин спал и видел себя в роли командира. Иван Калинин — ординарец Сойкина — вел себя как чеховская «Душечка»: «Нас недооценили», «Нас Никитин рассердил», «Мы все равно уйдем отсюда».

Сойкин, пользуясь тем, что ему был подчинен один из радистов, дал радиogramму Никитину, предъявив какие-то свои требования. Никитин на следующий же день ответил Сойкину: «Научитесь выполнять приказы и подчиняться командирам». Коротко и ясно!

Официальное вступление Рябкова и Дмитриева в командование бригадой всеми нами было встречено с одобрением. Сразу же усилилась разведка, заметно подтянулась дисциплина. Хотя на такого, как радист

бывшей Первой бригады Иннокентий, или, как его звали все, Инка, кажется, не действовали ни грозы, ни молнии.

Инка — личность весьма интересная. Рабочий парень, ленинградец. Но не собранный, вялый. Наверное, сделала его таким обстановка, в которой очутилась Первая бригада. Стал, например, он однажды передавать в штаб радиogramму размером в 79 групп. Когда отстукал 60 групп, сварилась каша. Инка, не моргнув глазом, бросил ключ, прервал передачу и принялся за обед. Командир нервничал, спрашивал Инку, как понять такое его поведение? Инка, прихлебывая кашу, спокойно отвечал:

— Не могу же я допустить, чтобы каша пригорела.

Все думали, что крутой характером Рябков тут же изотрет Инку в порошок. Но Рябков, преодолевая раздражение, сдержался, приказал немедленно восстановить связь и передать конец радиogramмы. Однако сделать это не так-то просто. Вторично радиogramму передал Лева Магарам.

„Заготовки“ в ночь под пасху

22 апреля штаб сообщил, что к нам в бригаду забрасывают отряд А. Ф. Тараканова. Пока выброшена группа в шестнадцать человек во главе с комиссаром отряда Н. А. Волобуевым.

Какими соображениями руководствовался Волобуев, трудно сказать. Видимо, он стремился к полной автономии. Во всяком случае, скорой встречи с нами он не искал, хотя сбрасывали группу на наши координаты. Понадобились огромные усилия, чтобы установить с Волобуевым связь. После приземления они собрались километрах в трех от бригады за болотом,

А в те сутки случилось «ЧП».

25 апреля, под пасху, большая группа наших бойцов направилась в деревню Захонская горка. Смелые моряки и с ними еще два-три человека пошли в разведку, оставив группу в полукилометре от деревни. Ночь—хоть глаз выколи. Осторожно, почти на ощупь, вошла разведка в Захонскую горку. Вокруг—ни души, село словно вымерло. Вдруг с какой-то вышки полоснула пулеметная очередь, затрещали выстрелы в другом конце села. Сомнений нет—деревню охраняют полицаи или каратели. Моряк Дима дал приказ разведке отходить.

За деревней в кустах подсчитали состав группы и не нашли одного парнишку. Был он родом из Тихвина. Больше о нем никто ничего не знал. Не знали, как и с кем он попал в Первую бригаду. Тихий, незаметный. И вот пропал. Настигла ли его шальная пуля или схватили каратели—поди гадай.

Группа, отойдя к болоту, послала с рассветом разведку на поиски. Искали до вечера, но парень как в воду канул. Возвратились в лагерь на остров «Спасения» мокрые, голодные, злые, с пустыми мешками.

Вот так потерять человека в тылу врага—дело серьезное. Тем более сейчас, когда немцы прекрасно осведомлены о нашем местопребывании. И вода в болоте понемногу идет на убыль, открывая путь карателям.

И тут еще Волобуев со своими шестнадцатью хорошо вооруженными, сытыми, здоровыми бойцами что-то мудрит.

Рябков принял единственно правильное решение—немедленно пригласить Волобуева на личную встречу.

Поздним вечером Суворов и я пересекли болото и вышли в расположение волобуевской группы.

Переданный нами приказ о явке Волобуев воспринял довольно равнодушно, лежа у костра. Он прямо не отказывался от встречи, но ссылаясь на то, что сегодня уже поздно, можно это сделать и завтра. Все же Суворов настоял, чтобы Волобуев выполнил распоряжение командира бригады, в состав которой он послан из советского тыла.

Высокий, плечистый, чисто выбритый, внешне Волобуев казался военным. Бездействующая левая рука на черной повязке. Он встал, ловко закинул автомат на правое плечо, позвал своего ординарца Колю, и мы тронулись в обратный путь. Через час с небольшим были в нашем лагере. Рябков и Дмитриев разъяснили Волобуеву обстановку, поставив его в рамки, определенные приказом штаба.

Оказалось, что Волобуев вовсе и не военный. Он — металлург, работал на одном из ленинградских заводов. В партизанских отрядах — с 1941 года. Руку потерял в боях в Партизанском крае. Лежал в советском тылу в госпитале. Но человек он смелый, упрямый, командование штаба, чтобы его снова бросили в немецкий тыл, сможет воевать и одной рукой. Его назначили комиссаром отряда Алексея Тараканова. И вот он с половиной отряда здесь, а Тараканов с остальными должен на днях прилететь.

Решено, не медля ни одного часа, сниматься всем нашим лагерем и перебазироваться в лагерь Волобуева.

Они опоздали

Ночью 27 апреля разразилась первая весенняя гроза. Молнии полосовали небо, долго слышались раскаты грома. Наконец хлынул ливень, продолжавшийся

больше часа. Обещанные штабом на эту ночь самолеты не прилетели.

Часа в три утра врассыпную, чтобы не проторить на берегу тропу, мы двинулись через болото и, по возможности запутав следы, пошли в лагерь группы Волобуева. Свои палатки из парашютов оставили в неприкосновенности. Даже в камельках еще тлели угли.

Километра через полтора над нами появился самолет. Он явно искал наши сигналы. Рябков распорядился немедленно присесть всей цепи. Он, Дмитриев и кто-то еще засветили карманные фонари, образовав треугольник — условленную на эту ночь фигуру.

Сделав небольшой круг, летчик убедился, что хотя и опоздал из-за грозы, но прилетел по адресу. Тут же над нами вспыхнули еле различимые в темноте четыре купола парашютов. А через две-три минуты мы приняли троих бойцов из отряда Тараканова. Четвертый приземлился вне поля зрения. Найти его не удалось. Видимо, он принял нас за немцев и самостоятельно пошел на поиски.

Еще не успели ребята подобрать парашюты, как прилетел второй самолет. Снова — условный сигнал фонариками. Этот сбросил на парашютах четыре гондолы с продуктами и боеприпасами. Время очень дорого, скоро рассвет. Поэтому груз быстро разобрали по мешкам и — в путь.

Днем, когда мы были уже у Волобуева, в нашем старом лагере на острове «Спасения» поднялась оглушительная стрельба. Били автоматы и пулеметы, рвались гранаты. Ветер доносил победные крики карателей. Но они опоздали — пришли к пустым палаткам и полуостывшим кострам.

Еще многокилометровый марш по болоту, переправа через коварную реку Саба. Она шириной не больше

четырёх-пяти метров, но разлилась по лесистым лугам километра на два.

Переправлялись, как говорил И. Д. Дмитриев, всеми доступными средствами. Кто-то соорудил небольшой плот из трех бревен. На нем переправили раненых и вещевые мешки. Немного выше по течению нашли поваленную через реку березу. Многим этот мостик помог перебраться через русло. Большинство же взяло водную преграду вплавь. А лугами, конечно, все брели по пояс в затопленных травах.

На сопках у озера Сяберо

Скоро 1 Мая, праздник. Настроение приподнятое. У нас более восьмидесяти боеспособных ребят. Это — немалая сила. Да и Тараканов с половиной отряда вот-вот прилетит. Можно воевать, можно шире поставить разведку и смелее заходить в деревни. Кроме того, настал долгожданный чернотроп.

1 мая ночью, когда мы остановились километрах в двух-трех от деревни Сяберо почти на берегу одноименного озера, прилетел «дуглас», привез много продуктов и боеприпасы. Летчики, чтобы приветствовать партизан, кроме обычных заходов на костры сделали над лагерем еще два круга, последний — с зажженными бортовыми огнями. Знай, мол, наших и не грусти...

Первомайский привет уважаемых и храбрых летчиков мог нам дорого обойтись. Самолет летел не только над лагерем, но и над соседней деревней Сяберо, где, по данным разведки, был расквартирован крупный отряд карателей. Поэтому командование бригады приняло необходимые меры. Фашистам надо было дать по зубам, показать, что партизаны не лыком шиты.

Ночью на берегу озера против деревни выставили сильную засаду с двумя ручными пулеметами. Ее на всякий случай прикрывала вторая такая же засада, расположенная между лагерем и берегом. Было усилено круговое охранение лагеря, а для всех, кто способен стрелять, распределены точки обороны. С левого фланга нас прикрывала река.

Часов в шесть утра немцы бесшумно начали переправу на наш берег на десятке лодок. Подпустив их поближе, засада открыла огонь. Пулеметы работали безотказно. Три лодки вскоре пошли ко дну, а остальные повернули обратно. Около полусотни гитлеровцев было уничтожено.

Это было нашим праздничным первомайским салютом.

Огонь немецких минометов по нашему берегу не причинил никакого вреда. У нас в итоге этой стычки легко ранен в шею Степанов — партизан, с которым я начинал войну еще в Поддорском отряде в августе 1941 года.

Как и следовало предполагать, каратели не оставили надежды разгромить партизан.

Возвратилась группа разведки. Выяснено, что каратели идут по нашим следам со стороны острова «Спасения». «Несолоно похлебавши» там, они переправились в лагерь, где мы соединились с отрядом Волобуева, дошли до реки Саба, но не решились переправляться. Теперь надо ждать натиска со стороны деревни Сяbero. Колхозницы, которых разведчики встретили уже после боя, подтвердили, что немцы готовят карательную экспедицию. Пусть готовят!

3 мая — в походе. На одной из лесных дорог наша разведка столкнулась с отрядом карателей. Дорога шла по глубокой впадине между двумя довольно

После боя. В походе.
Фото В. Капустина.

«Рельсовая война». К. Д. Карицкий и А. Ф. Тараканов у взорванного железнодорожного пути.
Фото В. Капустина.

Командир отряда Ф. Н. Кирдянкин вручает именное оружие
отличившимся партизанам.

Фото В. Капустина.

Партизанские радисты Л. Миронов (слева) и Л. Магарам.
Фото В. Капустина.

У партизанского шалаша.
Фото В. Капустина.

Члены партизанской семьи синоптик В. Н. Сварчевский, кино-
оператор В. К. Короткин и фотокорреспондент ЛенТАСС
партизан В. И. Капустин.

Фото В. Капустина.

Это знамя взвезется в крупном немецком гарнизоне в поселке Уторгош 7 ноября 1943 г. Заместитель комиссара бригады по комсомолу Егор Бабенко снаряжает в опасный путь комсомолок-подпольщиц.

Фото В. Капустина.

Партизанская типография. М. Г. Абрамов (справа)
и Е. П. Чехонцева.
Фото В. Капустина.

Настоящая правда! Пришла партизанская газета.
Фото В. Канурина.

большими холмами. Мы быстро заняли оборону по лесной стороне дороги. Немцы бросились за противоположный холм. Завязался бой. Дима-моряк дважды выскакивал на дорогу и оба раза удачно метал в цепь карателей противотанковые гранаты.

Завербованные фашистами подонки дерутся упорно, даже с ожесточением. Понимают, что им нечего терять, а перед немецким офицерем выслужиться надо.

Во время перестрелки Гладилин, Яцуляк, Санталов зашли карателям с правого фланга и ударили из двух пулеметов. Это и решило исход боя. Бандиты забрали с собой раненых и убитых, подожгли лес, чтобы надежнее скрыться, и ушли.

Мы в этом бою потеряли партизана Ивана Пилюгина, двое — легко ранены.

Так мы встретили первомайские праздники на сопках у озера Сяберо.

Встреча с Таракановым

4 мая по приказу штаба Рябков, Дмитриев и Соин сформировали группу из двадцати пяти человек. В нее вошли раненые, больные и часть женщин, для которых уже были непосильны походы. Эта группа пойдет на запад до площадок, где партизаны принимают «дугласы» с посадкой, а оттуда — в советский тыл.

Группу возглавил хороший и смелый командир Янковский, выделена надежная охрана. С ними отправляется в путь со своей рацией радист Инка. Ведь специалист-то он был отличный. Ушла и Валя Утина — инструктор обкома комсомола. Она у всех забрала письма к родным в советский тыл.

Теперь задача — встретить Тараканова со второй половиной отряда.

Из радиограммы штаба известно, что Тараканов с отрядом сброшен 9 мая. Указан квадрат приземления. Идем навстречу. Пересекаем лесную реку Яню. Но в условленном месте Тараканова не находим. Зато власовцы — тут как тут. На них в тот же день натолкнулась наша разведка.

Отдохнули в овраге до трех часов утра. Отошли обратно за Яню. Без особого труда установили, что на месте, где мы останавливались вчера перед первой переправой, побывали каратели. Они с первых чисел мая всё пытаются наступить нам «на хвост».

Поразмыслив, командование решило, что отряд Тараканова если и пошел на сближение с нами, то форсировать реку еще не успел. Поэтому искать его надо на том берегу. Новые координаты таракановцев пока не установлены, видимо, они еще не связались со штабом. Переправились через Яню в третий раз. О том, чтобы обсушиться, не могло быть и речи. Вперед километров на пять-шесть, а там — дневка.

На этой стоянке получили радиограмму с приказом штаба о том, чтобы Иван Дмитриевич Дмитриев с частью партизан отделился от Рябкова и с особым, известным ему заданием следовал в другой район. Дележ, неизбежные споры, горечь расставания.

Сергачев, Волобуев, Сойкин, балтийцы, я и десятка четыре других остались с Рябковым. Дмитриев попрощался с друзьями и ушел. После Дмитриева и его группу мы не встречали.

На следующий день, 13 мая, напали на след таракановцев. И вот они перед нами, бодрые, веселые, с хлебом-солью.

Рассказали, как приземлились.

Поначалу у них все шло удачно. «Дуглас» легко вышел на цель, люди полетели вниз, вслед им сбросили груз. Пока на земле собирали парашюты, гондолы с продуктами и боеприпасами, Тараканов и прилетевшие с ним представители штаба майор Киянский и бывший председатель Старорусского райисполкома Трусов отошли от места приземления метров на двести пятьдесят — триста, чтобы осмотреться. Перед ними раскинулся сухой, но редкий бор, перемежающийся небольшими гладкими полянками. Взошло солнце. Безоблачное утро, сухое и теплое. Тараканов и его спутники незаметно ушли от основной группы на полкилометра. Тихо. Могучие сосны — вершины в небе — не шелухнутся. Тянет к отдыху, к покою.

Тараканов первым заметил, что на поляну от противоположной кромки бора развернутой цепью выходят люди, вооруженные автоматами, одетые в фуфайки, с пилотками на головах.

«Наши! Свои, свои!» — радостно закричал Тараканов. А те в ответ машут руками, что-то тоже кричат, вроде приветствуют.

Сблизились метров на пятьдесят. И «свои» открыли огонь из автоматов. Бросок назад. У таракановцев — пистолеты и автомат. Отстреливались как могли. А много ли они могли с одним автоматом на троих?

Трусов и Тараканов выскочили к отряду, который уже занял оборону. Стрельба утихла. Киянского нет. Власовцы не приняли боя с отрядом, о существовании которого безусловно знали. Они удовлетвоались тем, что убили Киянского, содрали с гимнастерки офицерские погоны, сняли сапоги, забрали планшетку и ушли.

Таракановцев надо было сбрасывать точно в расположении нашего отряда, на наши костры. Трудно сказать, почему штабисты не уверены были в том, что мы сумеем принять Тараканова. Ведь точно так же поступили они и с группой Волобуева в конце апреля. Там все обошлось хорошо. А на этот раз большая потеря. Могло быть и хуже.

Тараканов с товарищами нарвался на бандитов-provokаторов, с которыми мы встречались еще в 1941 году. Теперь их называли «власовцами».

Власов предал 2-ю ударную армию, стал во главе РОА («Русская освободительная армия»), вербуемой из предателей и главным образом из пленных. На непокорных давили всем: истязанием, шантажом, голодом, страхом перед неминуемой смертью, угрозами.

В составе фашистской армии появились «легионы» и «компании», так называемые «восточные» подразделения. Почему фашисты называли «восточные» подразделения легионами — трудно сказать. Наверное, из-за непостоянства их состава.

«Легионы» и «компании» под командованием немецких офицеров были натравлены на нашего брата — партизана, на мирных советских граждан, подпавших под фашистское иго. В этой своей бандитской деятельности «восточные» подразделения, а по общепринятому названию — власовцы, пользовались грязными услугами верных гитлеровским порядкам старост, бургомистров, полицаев и всяких прочих предателей. Их, продавших за тридцать сребреников душу и тело, было немного. Но они вредили тем злее, чем обреченнее представлялось им будущее.

Вот и преследовали нас по лужским, осьминским и прочим лесам власовские фашистские бандиты, люди без чести и совести, предатели Родины и народа,

направляемые рукой эсэсовцев, гестаповцев, оголтелого фашистского офицера.

В послевоенные годы генерал-лейтенант Курт Типпельскирх, бывший начальник главного разведывательного управления сухопутных сил Германии, в своей книге «История второй мировой войны» писал: «К 1943 году эта организация (власовцы. — М. А.) приобрела большие размеры. Как правило, эти добровольческие подразделения на фронте не использовались, однако в партизанских областях они приносили большую пользу»*.

Вывод главного гитлеровского разведчика о «больших размерах» и «большой пользе» не стоит ломаного гроша.

Не все одного покроя

Трудность для командира состоит в том, чтобы подчинить людей своей воле, заставить действовать сообща, по единому плану. Одному это удастся в большей степени, другому — в меньшей. Но в немецком тылу авторитет командира должен быть непререкаем. Это, конечно, во многом зависит от его личных качеств.

Алексей Федорович Тараканов — бывший председатель колхоза «Победа» Ярославской области. В партизанских отрядах с сентября 1941 года. Невысокий ростом, моложавый, очень подвижный и энергичный, он уже прошел большую партизанскую школу, десятки раз бывал в боях, обстрелян и рассудителен, обладал природным даром вожака.

* К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Изд-во иностранной литературы. 1956, стр. 240.

В его отряде вместе с группой Волобуева было около пятидесяти человек.

Всего в бригаде Рябкова стало больше восьмидесяти бойцов. Это позволило действовать активнее. Ведь и лес шумит дружнее, когда деревьев много.

Но деревья-то разные. Так и люди. С одного маха не определишь, кто на что способен. Познаются они постепенно — в боях, в походах, у костров. И тут тоже не каждый сразу открывает душу.

Вот, например, Дима-морячок. Ходил с нами около двух месяцев, но все еще оставался в какой-то мере загадкой. Молчаливый, всегда сосредоточенный, он на каждый вопрос отвечал не спеша, подумав. Служил на Балтике, вызвался идти в партизанский отряд. Это пока и все, что мы знали о нем. «Остальное, — говорил Дима, — на ваших глазах». Дескать, вы и судите, каков я есть...

Все видели, что Дима трудолюбив, исполнительен, незаменимый разведчик, для которого не существует фразы: «Не выполнил задания, помешало то-то и то-то». Поэтому его и уважали.

Прилетели с Таракановым санитарки Аня и Валя. Аня — бойкая, но немного суматошная, всегда спешит, но далеко не прыгает. В противоположность ей Валя Иванова никогда не спешит, но делает все обстоятельно, с толком. Даже в самые критические моменты она далека от паники. Да и страх чужд ее натуре. Валя начала партизанить где-то на Псковщине вместе с отцом, матерью и сестрой. А потом судьба раскидала их по разным местам.

Был среди таракановцев некто Букин. Послушаешь его, так без Букина партизанское движение давно бы затухло. Он и в том бою был храбрее всех, и в этом всех отчаяннее, и там спас положение, и тут вызволил

из беды отряд. Одним словом, видно — врет, не краснея.

В первой же разведке Букин показал, что храбрый он только на словах. На заготовках продуктов он, правда, проявлял кое-какие способности.

Ребята невзлюбили его с первого дня.

Снова в пути

Несколько суток были в походе. Задача — плотнее вклиниться в Лужский, Плюсский и Уторгошский районы, определенные для работы нашего партийного центра. Там много мирного населения, а немцы разбойничают безнаказанно.

Четыре-пять разведгрупп постоянно находились в деревнях, не занятых немецкими гарнизонами. Весенняя пора позволяла часто встречать на проселках или на полях кое-кого из мирных жителей. Это облегчало разведку и распространение листовок.

22 мая на нас набрел старик из деревни Озерцы Сергеев Митрофан Сергеевич. Рассказал дед, как немцы «чистят» крестьянина. В прошлом году он заплатил сто двадцать рублей денежного налога. Из семнадцати пудов хлеба, который собрал, двенадцать пудов отвез «господину бургомистру» для немцев. С каждой коровы, а их в деревне осталось очень мало, надо сдавать молоко. Есть натуральный налог на овец, коз, кур и другую живность. Мужичу от его нищенского хозяйства остаются рожки да ножки.

— Пока только дым из трубы не обложен, — заключил Митрофан Сергеевич. — Но скоро, наверное, и дым обложат...

У старика неизбывная тоска по колхозам, по старой, довоенной поре.

— Кое-что из артельного — там плуги, бороны, упряжь — прикопаны, авось сохранятся. Только бы скорее все кончилось. Народ воймя воет от немецких порядков.

Ночью мы перешли железную дорогу. Женя Васильев с четырьмя бойцами остался в ближайших кустах для того, чтобы днем понаблюдать за движением, а вечером заминировать железнодорожное полотно. Отряды отошли километров за десять и остановились на дневку недалеко от деревни Дубок.

Немцев в деревне не было. Староста, как только появились партизаны, убежал — совесть не чиста. Поймали власовца, прибывшего на побывку к мамаше в гости. Мальчишка из пленных. Форму РОА напялил и значок на пилотку прицепил, а за душой — пусто.

— Почему пошел на службу к немцам?

— Силой заставили...

— А почему не уйдешь?

Молчит.

Рано утром 25 мая возвратился Женя Васильев. Его постигло несчастье.

Оказывается, немцы охраняют полотно железной дороги, разъезжая по рельсам на специальных велосипедах. Патрули чередуются через каждые 10—15 минут.

Женя подготовил заряд, подполз к полотну и прикопал тол, а положить мину-сюрприз вместо взрывателя не успел — нагрянул патруль. Прикрыв тол песком, он отполз. А чека у мины была уже снята. Проехал патрульный, и Женя пополз обратно. Держа в правой руке сюрпризку (по форме она не больше дамской пудреницы), нечаянно придавил крышечку — раздался взрыв. У Жени оторвало пальцы правой

руки, поранило ногу. Ребята привели его в лагерь. Потерял много крови.

Взялись за дело санитарки Аня и Валя. Прокаленным на огне финским ножом они отрезали пальцы, висевшие на одной коже, остановили кровь, хорошо забинтовали руку. Женя — молодец, боль переносит не пикнув. Только смотрит на нас какими-то очень грустными глазами.

Женю Васильева я знал с 1941 года, когда он, выпускник 10-го класса средней школы, пришел в Поддорский отряд. Теперь этот юноша уже партизан со стажем. И вот такая приключилась беда.

Васильев, конечно, идти не мог. К вечеру смастерили носилки. С наступлением сумерек пошли. Четверо несли раненого, за ними шла смена, каждый тащил два автомата. Двадцать человек — пять строго чередующихся смен. Трудно было особенно при переходе шоссе Луга—Псков, которое строго контролировалось немцами. Трудно в болотах, но терпимо. Женя бодрился, но часто впадал в забытие и стонал.

Когда надо было сделать перевязку, больше всех, конечно, нервничали Аня и Валя. В их сумках не было необходимых медикаментов — через двадцать дней после приземления они почти израсходовали небольшой запас йода. К руке Жени прикладывали листья подорожника, болотные лопухи, широкие «блинчики» озерных лилий: оттягивает жар, притупляет боли.

А тут, как на грех, наступили белые ночи. Это удивительное чудо северной природы для нас превратилось в своеобразную пытку: в такие ночи самолеты не летают через фронт. Даже самые смелые попытки наших летчиков, как правило, заканчивались неудачей. Нас хорошо понимали в штабе, знали, что жизнь

юноши на волоске, что надо помочь нам спасти Васильева. Но белые ночи преграждали легчикам путь.

Без тени ропота или возмущения носили мы Женю по болотам от одной остановки до другой.

Все эти дни широко вели разведку, создавая для этого небольшие подвижные группы.

Староста Пименов

30 мая Сергачев, Славинский и я были в деревне Хвошно. Староста деревни бывший агроном Пименов скрылся. Но когда его семья — жена и две взрослые дочери — убедилась, что мы не провокаторы, пришел к нам. Сергачева здесь помнили по прежней его работе в Лужском райкоме партии.

Пименов — высокий и тощий, с тонкими, как плети, повисшими руками — еще не стар. Взгляд серых глаз настороженный. Узнав Сергачева, он как-то обмяк, как будто даже ростом стал ниже. Повел за дом, на огород, и рассказал о своем житье-бытье.

— Немцы приезжают почти ежедневно, рыскают по деревням, грабят. Люди запуганы. На днях появилась еще одна язва — каратели, одетые под партизан. Пришли ночью в дом учителя, назвали партизанами, попросили поесть. Жена учителя вынесла им буханку хлеба и молока. Они сожрали хлеб и молоко, потом схватили учителя и его жену, скрутили им руки, били... В доме все перевернули вверх дном, забрали ценные вещи. Учителя с женой тут же расстреляли.

— Меня, — продолжает Пименов, — дважды немцы подозревали в содействии партизанам, оба раза скручивали руки и били палками.

Он задрал рубаху и показал исполосованную, в синих полтеках спину.

— Но прямых улик у фашистов не было. В деревне меня почти все считают продажной шкурой, пьяницей и развратником. Ведь для виду я бросил и свою семью, ушел на старости лет из дому и мотаюсь по вдовам. Жена, дочери, конечно, понимают мое положение и терпят...

От него и впрямь пахивало самогоном. А на глазах — слезы.

— Хорошо, — сказал Сергачев, — есть ли у тебя в деревне верные люди, на которых ты в любых условиях можешь положиться?

— Конечно, есть. Иначе я давно пребывал бы на том свете.

— Поставь сейчас на въезде и выезде посты наблюдения. Мы хотим поговорить с народом.

Пименов легко поднялся с бревен, где мы сидели, и огородами пошел вдоль деревни. Не было никакого сомнения, что он, еще в первые дни войны оставленный Рябковым у немцев в тылу, при всех трудностях, связанных с положением немецкого старосты, будет работать на нас.

Из дома вышла старшая дочь Пименова — девушка лет девятнадцати, статная, светловолосая, красивая, одетая в потрепанное ситцевое платьишко. Поздоровавшись, она робко попросила взять ее в партизанский отряд.

— Видите ли, — ответил ей Сергачев, — взять вас в отряд мы могли бы, это не сложное дело. Но думаем, что здесь, в Хвошно, вы для нас нужнее. Да и отца не надо подводить...

Воскресный вечер. Шумлива и говорлива была деревенская улица до войны. В такие праздничные вечера ее населяли озорные и веселые звуки гармоник, песни. Парни и девушки гуляли и плясали. Замерла

сейчас большая деревня. Не только в тупых переулках, но даже на широком хвошновском «проспекте» — ни души. Людям не до гармошек, не до песен.

В одном переулке мы вызвали из избы женщину. Озираясь по сторонам, она спросила, что нам надо.

— Ничего не надо, хозяйка. Мы — партизаны. Расскажи нам, как живет деревня.

— Живет и живет, — нехотя ответила она и замолчала.

— Знаете ли вы, что скоро придет Красная Армия?

В ответ — молчание. Стоило больших усилий разговаривать ее. Она бойко перелезла через плетень, подошла к окну соседнего дома, постучала, вызвала соседку. Видимо, одна разговаривать с нами страшилась.

Соседка, дородная женщина в годах, подобрав руки под передник, несколько минут молча пристально глядела на нас, потом понемногу втянулась в разговор. Вслед за ней подошла дочь Пименова.

— Вот старостина дочка, — сказала первая наша знакомая. — Она девушка грамотная и больше нас знает.

Мы знакомимся с Пименовой, словно впервые ее видим.

Женщины рассказали, что на расположенном в двенадцати километрах от Хвошно аэродроме базируется обычно до тридцати боевых немецких самолетов. Сейчас там идет строительство подземных укрытий. Лугу гитлеровцы непрерывно укрепляют, особенно в сторону Батецкой и Оредежи. Недавно наши разбомбили в Толмачеве лесозавод, не оставив камня на камне. Часто бомбят железнодорожный мост под Лугой.

В Хвошно немцы наведываются три-четыре раза в неделю, как правило, большими отрядами и на автомашинах. Одни ходят по дворам и ловят последних

кур, другие в это время стреляют из пулеметов и автоматов на окраинах деревни по ближайшим кустам. Молодежь в такие часы прячется по хатам, сеновалам, где придется, лишь бы не попадаться на глаза фашистам.

В другом переулке мы снова подошли к одной из хат. Опять на стук вышла женщина, кутаясь в платок. Мы предложили ей листовки, рассказывающие о положении на фронтах. Она отчаянно замахала руками:

— Что вы, что вы, не возьму...

Она еще не верила, что мы партизаны. Так запугали людей не столько немцы, сколько провокаторы. Лишь после довольно долгого разговора, кажется, удалось убедить колхозницу, что она имеет дело с самыми настоящими партизанами. Но листовки она в руки все же не взяла.

— Подбросьте куда-нибудь, потом подберем, — тихо попросила она.

Под соседний раскидистый тополь к самому корню мы положили десятка два листовок, придавили камнем.

Так прошли по деревне из конца в конец. И всюду на первый же стук кто-либо выходил к нам. Оказывается, несмотря на поздний час, деревня не спала. В одном из тупиков незаметно собралось уже около двадцати человек — старики, женщины и даже дети. Самое удивительное, что первые наши знакомые тоже тут.

— Полицаи у нас свои, — доверительно сообщил старик. — Их бояться нечего. Староста, хоть и забулдыжный мужик, но тоже свой. А партизан немчура побаивается. Придут и всё ждут их из лесу, стреляют для острастки, чтобы не подошли к деревне. А вы вон тут как тут...

Люди рады встрече, рады живому слову о Родине, о Красной Армии. Маловато у нас сил. Но ясно, что действовать партизанам надо решительно. На днях от наших мин слетели под откос два вражеских эшелона на Варшавской железной дороге. Эти взрывы эхом отдались по лужским и плюским деревням. Слышали об этом и здесь, в Хвошно.

Из деревни уходили мы после полуночи. Кто-то принес два караваея хлеба, бидончик молока, кусок масла. Мы отказывались брать продукты, но тот же старик настоял:

— Берите, берите, не будет лишним. Приходите и в другой раз, милости просим.

Приходите и в другой раз... После беседы с народом как-то легче становилось на душе. Нет, не удалось фашистам, несмотря на все их ухищрения, придавить советского человека, придушить в нем то, что накоплено в сердце годами жизни. Не удалось и не удастся!

Листовки из-под тополя исчезли, пошли по рукам.

За околицей в кустах встретил нас Пименов.

— Можно заготовить немного мяса, — сказал он. — Ведь овцы, телята у нас есть, народ умеет прятать, не все еще немцы забрали. Приходите, когда понадобится.

Договорились, что Пименов с помощью дочери и других верных людей будет тщательно собирать разведанные, распространять листовки, засылая их и в те места, где стоят немецкие гарнизоны.

Пименов уже приготовил свой план связи.

— Видите эту ригу? Она в ста метрах от деревни, — говорил Пименов, — кругом огорода. Место укромное, незаметное, и подход со стороны леса хороший. Если в деревне будут немцы, под застрехой будет торчать черная тряпка. Ее увидите издали.

Если же в деревне все спокойно, вместо черной тряпки будет торчать белая.

Листовки можно оставлять в щели под нижним венцовым бревном.

План этот нам понравился и был с общего согласия принят. Надо сказать, что выполнялся он безукоризненно.

Иван Кряков из Высокого

Наш лагерь расположился в трех километрах от деревни Высокое, в десяти километрах от шоссе Луга—Псков. Высокое — небольшая деревушка, окруженная лесом и болотами. От нее идет одна дорога на деревню Замощье. Там — шоссе, непрерывное движение немецких автомашин и крупный гарнизон карателей.

Жила в деревне Высокое семья учителя Ивана Ефимовича Крякова. Сколько советских солдат и офицеров прошло через добрые руки этой семьи, выбираясь из окружения в 1941 году! Скольким людям здесь спасена жизнь!

Вся деревня негласно подчинялась Крякову. Ничего не делалось без его ведома. Сюда часто наведывались каратели, но в избах хоть шаром покати — нет ни продуктов, ни одежды. Слились со старожилками и несколько семей, отселенных еще в начале войны изпод Старой Руссы.

В 1942 году Кряков был схвачен гестаповцами и брошен в тюрьму по обвинению в пособничестве партизанам и красноармейцам. Он с содроганием вспоминал, как переводчик каждый вечер открывал двери каземата и называл фамилии узников, вызываемых на допрос. С допроса они, как правило, не возвраща-

лись. Дважды за две недели вызывали и Крякова, нещадно били, пытаясь вырвать признание. Грозили арестом жены, уничтожением детей. И все безуспешно.

Однажды, против обыкновения утром, вызвал его переводчик и передал приказ об освобождении. Не верилось! Не верилось, что смерть отступила. Но это была правда. Многочисленные допросы и вызовы соседей из деревни Высокое подтвердили «полную безупречность» поведения учителя Крякова — большевистского подпольщика.

Бургомистр Замошской волости горой встал в защиту Крякова. «Больной, хилый человек — в чем только душа держится, — говорил он немцам. — Какой он помощник партизанам, того и гляди — ноги с голодухи протянет. Ведь работать он не может!»

Это заявление высокопоставленного чиновника как будто убедило гестаповцев в невинности Крякова. Он получил свободу, хотя после этого не столь уж прочно себя чувствовал. Однако ни он, ни его жена не бросали своего дела — по-прежнему в их руках были партизанские явки. Иван Ефимович оставался одним из самых надежных наших помощников.

5 июня ночью Кряков, вернее, его соседи, истопили для нас две бани.

Баня! Пять месяцев мы не мылись горячей водой. Тело лоснилось от грязи. Первый же пар сбил меня с ног. Выволокли на улицу. Комары быстро привели в чувство. Снова — в парную. А там жарятся на полке Сергачев и другие.

За час соломенными мочалками и горячей водой смыли грязь. В предбанник жекщины уже принесли чистое белье, в большом бидоне — молоко, в скатерть завернут хлеб.

Как в любом деле, у Крякова и на сей раз в задуманной им операции с баней участвовала вся деревня. Начальником охраны сегодня был пятнадцатилетний парнишка Петька. Он, по словам Крякова, всегда умело расставляет мальчишечьи посты, которые зорко стерегут деревню от постороннего глаза, вовремя предупреждают о любой опасности.

— У нас и за банями установлено наблюдение, и дорога на Замошье под надзором, и у болота пост, и на тропе, по которой вы пришли, тоже пост, — немного хвастливо, но со всей серьезностью взрослого говорил Петька.

— Вот поглядите, чего вы, идя в деревню, не заметили.

Петька как-то по-своему свистнул, и из кустов вынырнул вихрастый парень. Замаскировавшись, он охранял тропу в партизанский лагерь.

— Имейте в виду, — солидно заявил Петр, — этот пост постоянный, пока вы живете в нашем лагере.

«Наш лагерь». Ребята гордились тем, что они вместе со взрослыми помогают партизанам.

Спасибо, спасибо вам, хорошие и добрые наши друзья! Не просто друзья, а товарищи по борьбе, известные герои народной войны.

Наши диверсионные группы пустили под откос еще один вражеский эшелон и подорвали на минах три автомашины. Ушли, не понеся потерь.

Разведчики установили длительное наблюдение за Люблинским аэродромом.

Постоянное посещение окружающих деревень укрепляло связи с населением, открывало пути к сердцам честных советских людей, вселяло в них силу и бодрость.

Гитлеровцы и их подручные бесились.

В первых числах июня немцы на тридцати пяти автомашинах с собаками нагрянули в деревню Хвошно. Ни пристрастные допросы старых и малых, ни поиски партизан с собаками ничего им не дали. Взбешенные неудачей, фашисты сожгли Березицкие хутора, расположенные в двух километрах от Хвошно, словно для партизан и не было лучшего пристанища, чем эти полуразвалившиеся сенные сараи и две-три хаты без крыш. Поглубже в лес гитлеровцы сунуться не отважились, убрались восвояси.

Совершенно ясно, что чем выше наша активность, тем больше смелых помощников, а не только сочувствующих. На нашей карте появились первые партизанские села, такие, как Высокое и Хвошно. Количество их росло.

Но на этом пути нам еще пришлось преодолеть немалые трудности. В людских сердцах горела искра надежды на скорую победу. И надо было эту искру раздувать боевыми действиями, настойчивой работой среди населения парализовывать, обезоруживать широко развернутую фашистскую пропаганду.

Данные наблюдений за Люблинским аэродромом передали в штаб. В следующую же ночь наша авиация налетела на аэродром. Сожжено несколько самолетов, разрушены ангары, склады. В бессильной ярости немцы сожгали на аэродром сотни мирных жителей, чтобы быстрее ликвидировать разрушения. Нам это тоже на руку: на аэродроме есть свой глаз.

Фашисты упорно продолжали отбор и отправку в Германию советских людей. Из Большого Замостья увезли десять человек. В некоторых крупных селах действовали специальные «комиссии», которые производили поголовный опрос и «медицинский» осмотр

трудоспособных. При вербовке обещали все блага земные. Но редко кого удавалось гитлеровцам поймать на эту удочку. Народ знал о немецком «рае». Письма с фашистской каторги все чаще попадали в наши села, минуя немецких цензоров.

Семья Арефьевых из деревни Большое Замостье дала знать соседям, что живут они в Германии очень плохо, голодают, терпят всяческие унижения. Сын на непосильной работе получил увечье; если останется жив, будет калекой.

Наш разведчик Роберт Ючайк принес письмо, полученное семьей колхозника Быстрова от сына Николая из Германии. Николаю восемнадцать лет. Работает на шахте. Таких, как он, да и всех других русских, немцы содержат в лагерях, словно военнопленных, за колючей проволокой, без права свободного выхода. Письмо Николая Быстрова полно горя и слез.

«Сегодня — 1 Мая, — писал Николай. — Но праздновать нечем. Вечно полуголодный. Из лагеря никуда не отпускают, мой лагерный номер 215. На шахте принимаю породу. Наворочаешь за смену вагонов — в плечах колет. Спать приходится пять-шесть часов. Дорогой отец, найди способ, опиши, как с фронтом дело, — это моя судьба, все зависит от фронта».

Такие письма тайком от немцев и предателей передавались из семьи в семью, из деревни в деревню.

Наши братья-летчики

10 июня. Вот уже пятнадцать дней мы носим Женю Васильева. Самолета все нет. Плохо чувствует себя Иван Кондратьевич Трусов. Болота и непрерывные походы измотали его вконец.

Женя не сдаётся, хотя рука опухла и посинела. Над ним все время «колдуют» Аня и Валя. В Высоком через Крюковых достали какие-то медикаменты.

13 июня. Получили радиogramму о том, чтобы подготовили площадку для приема самолета.

На большой поляне, окруженной лесом, подобрали место, где мог бы приземлиться самолет. Срубили кое-где кусты, обозначили посадочную полосу. Весь отряд, за исключением двух-трех разведгрупп, — в охране. На лесных дорогах — засады.

В ночь на 14 июня на площадке загорелись костры. Около полуночи прилетел У-2 — партизанский «кормилец». Машина удачно приземлилась. Отважному летчику не помешали и белые ночи, — он сумел прорваться сквозь завесу зенитного огня через линию фронта. Он даже не сообщил нам своей фамилии, просто назвал себя Сергеем. Впоследствии мы узнали, что это был Сергей Гвоздев.

Сергей быстро принял на борт Женю Васильева и Трусова, хорошо взлетел и скоро скрылся за лесом. При прощании Женя плакал.

Мы отошли от площадки километра на полтора, оставив здесь на всякий случай засаду. Сергей говорил нам, что почти одновременно с ним к нам вылетел еще один самолет, но он, видимо, получил повреждение и вернулся.

Распаковали то, что привез Сергей. Под ремень одного из брезентовых мешков кто-то из работников аэродрома подсунул томик стихов К. Симонова. Естественно, что у костра возник разговор о поэзии и о стихах. И тут всех насмешил Сойкин.

— Тихонов? — резко переспросил он Рябкова. —

А когда Тихонову присвоено звание поэта? Горький повыше его был, но и то не получил звания поэта...

Никто Сойкину даже не возразил. Бесплезно. Все смеялись. А он так и не понял, над чем люди смеются. Минуту спустя он запросто перепутал Илью Эренбурга с Розой Люксембург.

Где Сойкин учился? И главное — как учился?

Веселые минутки у костра были прерваны нарастающим гулом нашего самолета, который каждый из партизан безошибочно узнавал по звуку. На поляне вновь загорелись костры. Самолет сделал над поляной несколько кругов и улетел, озадачив встречающих. Значит, летел не к нам.

Обстановка прояснилась лишь через сутки. В следующую ночь в квадрате, где мы принимали первую машину, снова кружил наш самолет, и снова безуспешно мы пытались подать ему сигналы.

Кто это? Наши? Но почему они никак не ответили на сигналы? Радиограммы с предупреждением о встрече самолета не было. На нашу радиограмму о вылете Васильева и Трусова тоже ответа нет.

В лесу взлетали ракеты. Послали разведку. К утру в лагерь возвратились разведчики в сопровождении Сергея Гвоздева, второго летчика Володи и штурмана, назвавшегося Федей. Принесли коробки с аварийным пайком и пулемет, снятый с самолета.

На войне не бывает ничего невероятного. И на этот раз вроде все было просто. В самолете Володи при пересечении линии фронта пробило бензобак. До наших костров он не дотянул километров шесть, вынужден был посадить машину в дремучий лес. С наступлением рассвета Володя не пошел искать нас, полагая, что после приема и отправки самолета Сергея мы уйдем далеко. День он провел на высоченной ели.

Гвоздев благополучно доставил Трусова и Васильева в советский тыл и передал врачам. Он узнал, что Володя потерпел аварию, и если остался жив, то приземлился во вражеском тылу. Надо его искать. На всякий случай между ними была договоренность о ракетах.

Командование разрешило Гвоздеву вылет для поисков. В помощь ему дали штурмана. Но и Сергея постигла неудача: немцы повредили самолет. Он с трудом вышел на наш старый адрес, однако на этот раз, спустя сутки после первого полета, костры на поляне могли оказаться ложными. Зато недалеко вспыхнули условные ракеты. Гвоздев посадил свою машину тоже на лес. Тут вскоре и нашли всех троих наши разведчики.

И вот они перед нами, молодые, симпатичные ребята, те, кому благодарен каждый партизан. О вылете в советский тыл, пока не кончатся белые ночи, и думать нечего. Летчики Володя и Сергей, штурман Федя стали партизанами, с готовностью приняв на себя все тяготы лесного бытия.

А Володя оказался Владимиром Васильевичем Сиротиным, принимавшим участие в январской операции, связанной с переброской нас на озеро Мочалище.

В штаб тут же пошла радиограмма о судьбе летчиков.

Немцы идут

Доставленные двумя самолетами листовки сразу же понесли по деревням. За короткий срок распространили около четырех тысяч экземпляров. Пименов в деревне Хвошно действовал исправно. Большую работу проводил Кряков. Появились наши агенты в

других деревнях. Большинство населения принимало партизан хотя и с опаской, но благожелательно, с радостью брали люди советские листовки. «Спасибо за правдивое русское слово, — заявил нашим разведчикам старик в деревне Вяжищи. — Надоела немецкая брехня, только поганят русский язык».

А поганили фашисты наш язык усиленно. Пропандистский аппарат Геббельса работал вовсю. По селам разбрасывались сотни тысяч листовок, обращенных к населению и партизанам. В городах Пскове и Дно выходили фашистские газеты на русском языке. Заголовки их были рассчитаны на обман народа — «За родину». А в Риге или в каком-то другом прибалтийском городе выходила даже «Правда». Однако гитлеровцы никого не могли обмануть. Наши люди прекрасно умели отличать черное от белого, их никакими сказками и хитрыми приемами не одурачишь.

Во многих деревнях Уторгошского и Лужского районов сменились немецкие гарнизоны. С фронта пришли измочаленные в боях части. Солдаты оборванные и голодные. Они, как дикие звери, набросились на скудные крестьянские пожитки. Забирали все без разбора — овец, кур, коров, молоко, хлеб. Паек им начальство выдавало маленький, говоря: «Подвоз затруднен, ищите на месте». Вот они и искали.

На нашу заставу набрела группа колхозников из деревни Буйно Уторгошского района. Шли они с разрешения немецкого коменданта в соседнее село по случаю какого-то церковного праздника. Порассказали о своем житье-бытье и об обстановке в Уторгошском районе.

В больших деревнях — крупные гарнизоны. В остальных размещены каратели. В отдаленные села — Ляды, Калабуки — немцы приезжали время от

времени, грабили крестьян, старались добыть сведения о партизанах. Станция Уторгош была сильно укреплена.

Рассказали колхозники о том, что в результате крушения поезда, которое произвела наша группа 4 июня, сброшены под откос паровоз и двадцать два вагона с боеприпасами. Мирных жителей немцы к месту катастрофы не подпустили. Движение было приостановлено на сутки.

Немцы предпринимали решительные попытки напасть на партизанский след. Ходили в лес, прочесывали отдельные участки, стреляли по кустам. На шоссе из танкетки обстреляли одну из наших разведгрупп. Но все это не приносило врагу заметных успехов. Ничем не могли похвалиться и власовцы, которые в незанятых гарнизонами деревнях устанавливали засады.

Поляки, чехи, словаки, мобилизованные в немецкую армию и брошенные на Восточный фронт, почти открыто высказывали свое возмущение войной и не желали участвовать в организуемых фашистами карательных операциях.

Старуха, которая шла с группой колхозников на религиозный праздник, при встрече с партизанами не могла сдержать слез.

— Да как вы живете в лесах-то, родные? Да и поглянь-ко, здоровые и веселые... Да как вы питаетесь-то? И немцев-то не боитесь. Ой, надо же! Да помогите вам бог... Была бы помоложе, каждый бы день вам хлебушка носила.

Пошла, крестясь и плача.

Часть четвертая

ИДЕТ ВОЗМЕЗДИЕ

Пятая ленинградская

Вот уже сутки не прекращался теплый июньский дождь. Вокруг буйная зелень. «Быть хорошим хлебам», — говорили крестьяне. Но говорили они это скорее по привычке, вспоминая недавнее прошлое. Нынче и дожди не радовали, не быть нынче хлебам потому, что почти не пахали, не сеяли. Немцы у мужика руки отбили.

С дождями еще больше помолодела природа. Словно в сказочном уборе стоят притихшие березы, дремлют в полном безветрии посеребренные капелью сосны и ели.

Только люди выглядели постаревшими. Поворачиваясь к костру то одним, то другим бэкэм, они сушили одежду. От гимнастерок и брюк шел пар. Но самое плохое — сырые ноги. Ребята уже давно приловчились делать портянки из парашютных полотнищ, каждая по пять метров в длину и почти метр в ширину. Ноге мягко, удобно. Сушить такую портянку проще просто: берись вдвоем за концы, пронеси, не спеша, над костром, две минуты — и портянка сухая, наматывай на ногу и шагай на здоровье.

...Шагать на этот раз пришлось немало и почти без остановок.

Мы получили приказ Никитина идти на соединение с Пятой Ленинградской бригадой Карицкого и Сергунина, которая вступила с юга в пределы Уторгошского района.

Пятая бригада была сформирована в деревне Ровняк Славковского района на Псковщине в феврале 1943 года из разрозненных партизанских отрядов. С боями прошла она на территорию Уторгошского района. Здесь 26 июня и влились в нее отряд Тараканова, Лужский подпольный партийный центр и все, кто собрался вокруг них с марта 1943 года.

Численность бригады составляла около четырехсот человек. Лучшими отрядами командовали Сергей Чебыкин и Владимир Егоров. Наш Тараканов тоже остался командиром отряда. Подпольный партцентр объединился с политотделом бригады, который возглавлял бывший секретарь Оредежского райкома партии Иван Иванович Исаков.

Моя с Сергачевым задача, как сказали комиссар бригады Сергунин и начполитотдела Исаков, состояла в том, чтобы постоянно вести политическую работу в отрядах, устанавливая связи с населением,

организовывать через разведчиков и специальных агентов распространение советских газет и листовок.

Фашисты продолжали заваливать деревни своей макулатурой. В огромных размерах снабжали население продажной псковской газетой «За родину». С четырех страниц большого формата гитлеровцы ежедневно вваливали и клеветали без зазрения совести. Подавляющее большинство советских людей эту брехню не читало. За неимением обоев люди использовали немецкие газеты для оклейки стен.

Во второй половине июня псковская фашистская газета «За родину» и главный гитлеровский рупор «Фелькишер Беобахтер» из номера в номер повели кампанию, рассчитанную на дальнейшее одурачивание немцев у себя в Германии и запугивание советских людей на оккупированной территории. «Секретное оружие Гитлера сокрушит Советы!» — писала «Фелькишер Беобахтер». «Новое секретное оружие фюрера!» — вопила вслед газета «За родину», ежедневно набирая это крупным шрифтом через всю страницу.

С «секретным» оружием все прояснилось в первых числах июня, когда развернулось небывалое сражение на Орловско-Курской дуге. Радио ежедневно приносило вести о кровопролитных боях, в которых участвовали тысячи танков. Немцы пустили свои секретные «тигры» и «пантеры». Однако и они не спасли Гитлера и его армию. По сообщению Совинформбюро, наши войска в районе Курск—Белгород за один день сожгли 400 «тигров» и «пантер». А через день было уничтожено 520 танков, подбито 227 самолетов. 8 июня было уничтожено 304 танка и 161 самолет.

Такого еще не бывало после сталинградских боев. В отрядах и группах ежедневно ранним утром про-

водили политинформации. Успехи Красной Армии партизаны воспринимали как должное, дескать, а как же иначе? Иначе и не должно быть! Каждый уничтоженный немецкий танк — это шаг к победе, это спасенные от гибели советские люди. Но каждая боевая операция партизан здесь, в тылу фашистских захватчиков, каждый отправленный на тот свет фашист — это тоже шаг к победе.

Максимально активизировать боевые действия партизан, усилить диверсии на железных и шоссейных дорогах, всеми силами срывать переброску живой силы и техники фашистов к фронту, помогать этим Красной Армии в ее наступательных боях — таков был приказ командира бригады, и о нем знал каждый партизан.

Даже за короткий срок пребывания в Пятой бригаде мы убедились, что настали иные времена, чем в 1941—1942 годах. Партизанская борьба поднялась на более высокую ступень, стало больше организованности, накопился немалый опыт. Главное — силы уже удесятились. А значит, и размах действий уже не тот, что был у истоков партизанского движения.

Теперь гитлеровцы и власовцы понимали, что против них действуют не одиночные отряды и группы, а довольно крупные партизанские соединения.

Стремясь сковать бригаду и лишить ее оперативно-го простора, немцы вели артиллерийский огонь по предполагаемым местам скопления отрядов. Выпускали они и самолеты, которые вели разведку, обстреливали лес.

На охрану Витебской и Варшавской железных дорог были силой поставлены местные жители, а вдоль полотна расчищены так называемые полосы отчуждения.

Для того чтобы пресечь нам пути общения с населением, уторгошский комендант издал приказ: «С 11 июня населению не выходить из деревень. Все пойманные в лесу будут расстреливаться, как партизаны».

В деревнях усилились немецкие гарнизоны, вооруженные пушками, танкетками и бронемашинами. Фашисты грозились прочесать весь лес от Замощья до Хвошно. В деревню Заклюжье прибыла тысяча немцев специально для борьбы с партизанами. Из деревень Бор, Крепи и других крупные отряды карателей ежедневно уходили в лес на поиски партизан.

«Пусть ходят, пусть „чешут“, они еще „начешутся“», — говорили наши ребята. Все строжайшие меры немцев по борьбе с партизанами помогали им как мертвому припарки. По-прежнему летели под откос поезда. При приближении партизан к железнодорожному полотну «мирная мужицкая охрана» мирно уходила в сторону. Разведгруппы вели мелкие стычки с карателями, ускользя после каждого боя бесследно.

Наши разведчики убили командира немецкого танкового батальона, который расхрабрился и лично повел солдат в пешем строю в лес. С ним полегли полтора десятка фашистов. Туда им и дорога.

Немцы и не предполагали, что Пятой партизанской бригаде определен огромный участок боевой деятельности, включавший в себя Уторгошский, Солецкий, Плюсский, Стругокрасненский, Дновский, восточную часть Порховского и южную часть Лужского районов. Две действующие железные дороги, очень важное для немцев Псковское шоссе, отличные пути между крупными селами — все это ставилось под удары Пятой бригады. Было где развернуться!

А пока бригада накапливала силы, хитро обводя фашистов вокруг пальца.

Комбриг Константин Карицкий

В один из первых дней после соединения с Пятой бригадой подошел к нашему костру комбриг Константин Дионисьевич Карицкий. Присел, завел разговор о том о сем, рассказал, как формировалась бригада, как шла она сюда безлесыми псковскими полями, кто такие Сергей Чебыкин, Володя Егоров, разведчик Дмитрий Соколов. Чувствовалось, что он не только верил этим ребятам, но и любил их.

Беседа незаметно перешла на другие темы и носила характер полной откровенности. Мы рассказали о себе, о своих мытарствах с незадачливым командиром Кирилловым. Оказывается, Карицкий знал его. Знал он по партизанскому краю и Рябкова, и они вспоминали минувшие дни.

И тут опять появился на свет томик К. Симонова «С тобой и без тебя». Карицкий, как и Рябков, любил стихи, с увлечением читал особенно полюбившиеся симоновские строки.

Хороший час, хороший душевный разговор. В нем раскрылась не военная, а чисто человеческая сторона характера командира бригады.

Мы уже со слов комиссара знали, что Карицкий — донбасский металлург, подручный сталевара, что он юношей в 1932 году вступил в партию, добровольцем ушел в ряды Красной Армии и почти десять лет прослужил в погранвойсках. Отличился в войне с белофиннами и награжден орденом Красного Знамени. Партизанскими отрядами командует с 1941 года. С февраля 1943 года подполковник Карицкий — командир Пятой Ленинградской партизанской бригады.

Партизанский комбриг... Конечно, если командир по душе пришелся подчиненным, о нем будут

рассказывать и рассказывать без конца, только слушай. Иные рассказы недалеко от легенд, овеяны особой гордостью: «Вот какой у нас командир!»

Карицким, бесспорно, мог гордиться любой партизан, кому привелось воевать под его началом. У него хорошая военная подготовка. Но дело не только в этом. Карицкий смел, решителен и, что главное, чертовски находчив.

Совсем недавно каратели окружили нас на острове среди болота и начали наступление. Карицкий прежде всего умело организовал круговую оборону, так расставил силы, что каждый шаг карателей стоил им больших потерь.

В разгар боя появились фашистские самолеты. Комбриг быстро распознал замысел немцев и ракетами указал для самолетов цель — цепи наступающих карателей. Немецкие самолеты обрушили бомбовый удар по своим. Стон, крики, ругань... Разрывы бомб смешали ряды фашистов, заставили их в беспорядке отойти за болото. Наши пулеметчики завершили разгром.

Хотя гитлеровцы, отступив, не сняли окружения, надеясь повторить натиск, Карицкий поздним вечером вывел бригаду из вражеского кольца почти без урона и поставил ее километрах в пятнадцати от места боя на очень выгодные позиции.

Партизанскую тактику маневра он применял всегда с далеко идущими целями: уйти из-под удара, чтобы избежать потерь, накопить силы и использовать их с наибольшим уроном для противника. О своих замыслах Карицкий не рассказывал на митингах. Но основная масса партизан понимала его без слов.

В бою Карицкий не клонил головы, под огнем ходил от группы к группе. Может быть, и ни к чему

такая храбрость? Однако партизаны воспринимали ее правильно: «Комбриг—он и есть комбриг. Всегда там, где туго». Они верили в комбрига прочно и безоговорочно. А это многое значит.

Первый партизанский врач

В непрерывных июльских походах бригада начала заметно расти за счет местного населения и частично за счет военнопленных, бежавших из фашистских лагерей. Каждого военнопленного комбриг опрашивал лично и определял в тот или иной отряд, на ту или иную работу.

Пришел из лагеря военнопленных врач-хирург Владимир Львович Ваневский. Судя по внешнему виду, жилось ему там не сладко, хотя последнее время и содержался он не в общем бараке. Ему в порядке исключения разрешено было жить в крестьянской избе по соседству с немецким офицером. Комбриг приказал возвратиться Ваневскому в село, откуда ушел, «спеленать» офицера и притащить его в партизанский лагерь. В помощь ему выделили трех партизан.

Хорошо зная расположение немецких постов, Ваневский и его группа легко проникли в деревню. На осторожный стук в дверь вышла хозяйка избы, узнала Ваневского, справилась, где он сутки пропадал, впустила в хату. Через минуту Ваневский волок офицера к окну, за которым стояли партизаны. Немец оказался много сильнее, кричал, вырывался, повалил стол, стулья. Тут влетел один из партизан. Вдвоем с Ваневским они скрутили немца, засунули кляп в рот и вытолкнули через окно.

Пока выходили из избы, немец сумел выбросить кляп и заорал благим матом. Двое оставшихся на улице

партизан, усмиряя буйный нрав фашиста, имели неосторожность пустить в ход ножи. И это было ошибкой. За околицей села Ваневский едва успел допросить фашиста, хотя и без допроса многое знал. Офицер тут же в кустах умер, сообщив перед смертью, что он третьим из братьев погибает на Восточном фронте.

Так, не выполнив задания, возвратились Ваневский и его группа в лагерь. Непреклонный в своих решениях, комбриг направил эту группу еще раз в соседний немецкий гарнизон с тем же заданием: добыть «языка». Пошли, не говоря ни слова, поймали и доставили на сей раз живого и невредимого обер-лейтенанта.

Владимир Львович Ваневский стал первым и пока единственным дипломированным врачом бригады. Он сразу и горячо взялся за дело. Осмотрел всех раненых, отобрал группу, которая нуждалась в госпитализации. Этих ребят надо было переправить в советский тыл.

Карицкий хорошо знал партизанскую психологию: не так страшна смерть, как ранение, и учитывал это. Партизаны имели возможность сотни раз убедиться, что, как бы трудно ни сложилась обстановка, раненый всегда может рассчитывать на помощь товарищей.

Во второй половине июля и в первых числах августа самолеты уже летали к нам регулярно.

Организовали отправку раненых. Последний самолет взлетел с площадки во время боя с карателями, которые пытались окружить наш аэродром, если можно именовать аэродромом небольшую поляну в лесу. Но надежная охрана помешала гитлеровцам осуществить их намерения, самолет улетел вслед за двумя другими. Раненые были доставлены в советский тыл.

Отправили летчиков Володю, Сергея и Федора. Они

сжились и сдружились с партизанами, постоянно участвовали в боевых операциях. Штурман Федор отпустил себе черные усы. Партизаны даже песенку сочинили: «Отращу я для красы, как у Федьки-штурмана, усы».

Улетел по вызову в Валдай Г. А. Рябков. Распрошались мы и с капитаном Сойкиным.

Комиссар Сергуни

Одной из главных забот командования бригады являлось укрепление в отрядах воинской дисциплины. Состав бойцов далеко не однороден. Были ребята, которые уже длительное время тянули партизанскую лямку, а были и необстрелянные новички, которые боялись каждого куста, были честные и смелые рабочие и колхозные парни, а были и такие, кто пришел в отряд лишь для того, чтобы уберечься от карателей; были искренние и правдивые люди — таких большинство, а были и хвастуны, лгуны, даже мародеры.

Одного мародера, по фамилии Федоров, выловила разведка отряда Чебыкина. Когда-то Федоров был бойцом этого отряда, его помнили многие. Затем он дезертировал. Поймали, привели в отряд. Федоров дал слово служить честно. Партизаны его простили. Но не прошло и месяца, как он снова скрылся. На этот раз Федоров вел разгульную жизнь, грабил население, всюду выдавая себя за представителя партизанского отряда.

И вот его поймали. Бледный, с трясущимися руками стоял он перед строем своих бывших товарищей. Нечего сказать ему в свое оправдание, не о чем просить, — люди, поверившие Федорову раз, больше ему не поверят и больше его не простят.

— Казнить перед строем! — таков единодушный приговор.

Федорова тут же расстреляли.

Конечно, дисциплина не может держаться только на принуждении. Здесь, в фашистском тылу, когда на счету каждый штык, каждый боец, нужны особые, очень гибкие меры воспитания. И тут наряду с комбригом выступал на первый план комиссар бригады Иван Иванович Сергунин.

Сын кузнеца из деревни Виткулово Нижегородской губернии, Сергунин рано окунулся в рабочую жизнь. Еще юношей он принимал участие в строительстве Горьковского автозавода, затем трудился на этом заводе. В 1937 году он вступил в партию и тогда же ушел в армию. Окончил Ленинградское военно-инженерное училище, командовал электротехнической ротой, затем инженерным батальоном. Войну Сергунин встретил на границе — в Литовской ССР.

В июле 1941 года И. И. Сергунин уже был начальником штаба партизанского отряда, несколько месяцев спустя стал командиром отряда. Участвовал в боях против немцев в Партизанском крае, прошел хорошую школу борьбы в тылу врага у прославленных партизанских вожakov Германа, Васильева, Орлова.

Потом Сергунин стал комиссаром нашей бригады. Ему было 27 лет, но выглядел он намного старше. На редкость спокойный, рассудительный, он никогда не повышал голоса, хотя был строг и взыскателен. В боях и между боями держался ровно, уверенно. Никогда не уединялся. Его высокую тонкую фигуру всегда замечал глаз у отрядного костра, в группе разведчиков, у собирающихся в поход подрывников, среди работников политотдела. Сергунин вроде бы никуда не спешил, но никогда не сидел без дела.

Многое сделал комиссар по сколачиванию сил коммунистов и комсомольцев, по отбору политработников отрядов. Их внимание он направлял не только на создание высокой боевой активности, но и на непрерывную, настойчивую работу среди местного населения.

Стараниями комиссара бригады И. И. Сергунина и его помощников были возрождены и вновь созданы подпольные партийные и комсомольские организации в крупных селах, в совхозах. Десятки наших подпольных агентов вели разведку, организовывали диверсии, распространяли советские листовки и газеты.

Катя вступает в борьбу

Пошли мы с Николаем Александровичем Сергачевым и разведчиком Виталием Славинским в деревню Ляды. Это большая деревня, расположенная на тракте, ведущем к станции Уторгош. Надо было разыскать молодую колхозницу Егорову и организовать через нее заброску листовок в поселок Уторгош, где разместился крупный немецкий гарнизон и создан сильный оборонительный узел. Листовки о том, что наши войска овладели городами Орлом и Белгородом, что в Москве по этому поводу прогремели салюты.

Темна августовская ночь. На небе — ни звездочки. Тропа вьется между деревьями через корни, пни, коряги. Только часа через три мы вышли на луга, а затем на поля, окружающие деревню. Подошли к околице. Виталий осторожно пробрался к крайнему дому, расспросил хозяйку об обстановке. Перепуганная ночным безвестным гостем, женщина с трудом совладала с волнением и рассказала, что постоянный гарнизон из Ляд немцами убран, приезжают они сюда через день — через два. Были и в этот вечер, но уехали.

Много труда стоило Славинскому выведать, где живет Катя Егорова, чтобы не подвести ее, не поставить под подозрение. К счастью, мы знали, что в доме Кати и ее матери проживает девушка из Тосно, которую немцы вместе с другими увозили в Германию, но ей удалось бежать из эшелона. Она на правах дальней родственницы прижилась у Егоровых. О ней-то — о беженке из Тосно — и спрашивал Виталий у женщины. Она рассказала, как пройти к дому Егоровых, по каким приметам его разыскать: на отлете — маленькая баня, в огород выдается конюшня, где Егоровы держат лошадь, дальше — хлев, а от соседей слева высится поленница дров.

Огородами мы добрались до нужного дома. На стук Сергачева вышла старушка. Остановившись на пороге, она не впустила его в сени, спрашивала, кто он, откуда и что надо. Сергачев сказал, что по неотложному делу ему нужна Катя, и просил позвать ее.

Катя — молодая женщина лет двадцати — смело переступила через порог, спустилась с крыльца и в упор спросила у Сергачева: «Что вам надо? Я — Катя». Различив в темноте меня и Виталия, Катя без тени испуга заметила: «О, да вас тут много, кто вы такие?»

Не немцев боялась Катя, — она страшилась нарваться на провокаторов, слухи о которых ползли из деревни в деревню, из района в район.

Вначале разговор казался бесплодным. На вопросы Катя отвечала односложно, от содействия партизанам наотрез отказалась. Сергачев пустил в ход один из последних козырей. Он зашел в угол между поленницей и стеной дома, зажег карманный фонарик и, отогнув душегрейку, показал ей привинченный к гимнастерке орден Красного Знамени.

— Веришь, что мы настоящие, а не поддельные партизаны?

Катя колебалась. В ее душе боролись противоречивые чувства. Ей, видимо, очень хотелось верить нам, она, как и другие советские люди, живущие в немецком ярме, истосковалась по светлой и свободной жизни. Она рада была внести свою долю в общенародную борьбу. Но не хотела погибать от руки провокатора. Не хотела губить старуху мать.

Почти час шла беседа. Катя ежилась от волнения, от ночной августовской прохлады. Догадливая мать уже вынесла и накинула на Катини плечи фуфайку. Не проронив ни звука, скрылась в избе.

— Ты, Катя, Рябкова помнишь? — спросил Сергачев.

— Григория Александровича? — с неподдельной живостью отозвалась Катя. — Рябкова помню. Секретарем райкома был. Приезжал к нам...

Это решило исход трудной беседы. Катя Егорова взяла на себя нелегкую обязанность доставлять наши листовки на станцию Уторгош, куда она через день возила молоко на немецкий сливной пункт.

Катя коротко предупредила мать: «Я скоро вернусь», — и пошла с нами огородами за бани в поле, примыкающее к лесу. Вместе с ней мы отыскали их, егоровский, стог сена, под которым будем оставлять листовки.

Здесь же в строго определенном месте Катя должна хоронить короткие донесения нам о том, как идут ее дела, что нового заметила она на железнодорожной станции.

Спрятав под кофту первую небольшую пачку листовок, Катя скрылась в ночной темноте. Завтра еще затемно она поедет в Уторгош.

— Да, сильный человек, — как бы в раздумье заметил Сергачев, когда мы уже вошли в лес.

Не только Сергачева взволновала эта встреча. Действительно, какой незаурядный характер! У Кати Егоровой патриотизм не выставлен, как на витрине. Ее решение пойти на опасный шаг не продиктовано ни страхом, ни показной храбростью. Оно исходит из глубокой внутренней убежденности.

В добрый путь, славная русская женщина Катя!

Небесное происшествие

Усталые возвращались мы в партизанский лагерь. До рассвета оставалось часа два—два с половиной. Не доходя до лагеря, услышали гул наших самолетов. Это сбрасывали нам новое пополнение, оружие и боеприпасы. Но что это? Один из У-2 делает уже не первый круг над сигнальными кострами на небольшой высоте. Временами летчик глушит мотор, и тогда в воздухе отчетливо слышна перебранка.

Дело в том, что в отличие от «дугласа», где помещается не менее семнадцати—девятнадцати человек, и от ПР-5 с кассетами, который перевозит четверых, У-2 берет лишь одного. Парашютист должен уметь вылезть из кабины, стать на плоскость, держась за растяжки, и прыгнуть. Его рука, как правило, соединена резинкой с вытяжным кольцом парашюта. Так что, как бы ни волновался прыгающий, он при отделении от самолета неизбежно раскинет руки и выдернет вытяжное кольцо, раскроет парашют.

Но надо набраться мужества покинуть кабину, сделать два шага с поворотом на нижней плоскости самолета. Тут-то и случаются, правда, редкие, но осечки.

Сейчас из разговора, доносившегося с высоты в сто

пятьдесят — двести метров, мы поняли, что парашютист дрейфит, а летчик нервничает: не тащить же ему «груз» обратно на аэродром. А в кабину с плоскости такой «дядя» может влезть только вниз головой и вверх ногами. Зрелище, как говорят, лучше не придумаешь. Но такое бывало. И на этот раз в воздухе могло произойти нечто подобное.

Впоследствии мы узнали от ребят, которые прибыли в следующую ночь, подробности: парень вылез на плоскость и, не решаясь прыгнуть, уселся там, свесив ноги и держась за растяжки. Летчик прокатил его несколько раз по кругу над кострами, потом сделал то ли крутую «горку», то ли глубокий вираж, и парень, не удержавшись, полетел на землю. Утром его нашли. Ничего. Отделался легким испугом и небольшой царапиной.

Перед рассветом мы грелись около костра, расспрашивали вновь прибывших о новостях. Естественно, среди новых партизан нашлись знакомые. Папиросы, которых мы давно не курили, шли по кругу.

На этот раз в распоряжение Карицкого и Сергунина был сброшен отряд, состоящий в большинстве своем из офицеров Красной Армии. Впервые мы рассматривали офицерские погоны. Выглядят они как-то непривычно. Впрочем, все офицеры тут же у костров сняли погоны. Здесь знаки различия ни к чему.

Начштаба

У ночного костра выяснилась любопытнейшая деталь. Оказалось, что начальник штаба нашей бригады Тимофей Антипович Новиков и есть тот командир 186-го стрелкового полка, в составе которого наш Поддорский отряд был в бою у деревни Жемчугово два

года назад. Новикова тогда и просили поискать в немецком тылу комиссар полка Демьяненко и исполняющий обязанности командира полка капитан Панин.

Тимофей Антипович вспомнил то суровое лето 1941 года. Тяжело раненный, он вынужден был остаться в немецком тылу и долго лечился, надежно оберегаемый сестрами Анной Васильевной Федоровой и ленинградкой Татьяной Васильевной Семкиной — жительницами псковской деревни Новоселицы.

Когда зажили раны, Новиков примкнул к небольшому партизанскому отряду, поначалу вызвав недоверие к себе: как это так, давно идет война, и вдруг является к партизанам майор, не сбросивший ни формы, ни знаков различия, с личным оружием и партибилетом, говорит, что он якобы командовал полком. Тут что-то не то...

Далеко не просто было завоевать доверие. Рядовой партизан Новиков шел на любое задание. После первых же боевых операций в отряде убедились, что Тимофей Антипович действительно человек военный, грамотный, честный и храбрый. Ему приказали руководить боевой группой бывших немецких старост, перешедших к партизанам. С ними он совершил не одну удачную диверсию на железной дороге, показал, на что способен кадровый советский командир, забайкальский казак, участник гражданской войны.

Через короткий срок Т. А. Новиков уже командовал отрядом, а в феврале, при формировании Пятой бригады, назначен ее начальником штаба.

И вот он перед нами, простой и душевный. Окруженный плотным кольцом старых и новых партизан, он рассказывал о своей нелегкой жизни. Человек все может превозмочь, если уверен в себе, если знает, на что идет, чему посвятил свою жизнь.

Добрым молодцам урок

16 августа из штаба Волховского фронта прилетел офицер связи с заданием бригаде: разгромить штаб 16-й немецкой армии, расположенный в санатории «Песочки» Солецкого района. Командовал армией фельдмаршал фон Буш. Нас должна была поддержать авиация, нанеся по «Песочкам» бомбовые удары до того, как мы ворвемся в поселок.

Комиссар Сергунин и начальник штаба бригады Новиков повели нас в этот поход. Отобрано триста человек, в том числе целиком вновь прибывший офицерский отряд, которому предстояло принять первое боевое крещение в тылу врага.

Семидесятикилометровый путь занял около двух суток. Поздним вечером 18 августа мы, разделенные на десятки, были в двадцати метрах от первых домов поселка. Все лишнее оставили в условленном месте. С собой только автоматы, пулеметы и гранаты.

В назначенный час прилетел один У-2, сбросил на «Песочки» две бомбы. Вслед за ним прилетел второй, но охрана немецкого штаба открыла такой зенитный огонь, что летчик освободился от бомб далеко за поселком, чуть-чуть не угодив по нашим цепям, приготовившимся для броска. Отогнали немцы третий и четвертый самолеты. По существу, никакого бомбового удара по штабу фашистской армии не получилось.

У нас как-то не принято говорить о партизанских неудачах. Но ведь они бывали, от них никуда не уйдешь. И далеко не все давалось на «ура», наскоком и единым махом.

Офицер связи настаивал на том, чтобы немедленно совершить налет, невзирая на явно неудачную бомбежку. Он отвергал доводы о том, что армейский штаб

охраняется хорошо вооруженным и довольно крупным подразделением, что отходить придется по открытой местности, что в такой обстановке идти на приступ — значит всем лечь костью. Что это даст?

Сергунин и Новиков благоразумно решили: налета не производить, людьми не рисковать.

Отошли на десять километров, туда, где были оставлены лишние пожитки. Уже следующим ранним утром разведка донесла, что штаб 16-й немецкой армии снялся, фон Буш уже в Сольцах. Напуганный столь нахальным приближением партизан (немцы, понятно, не могли не заметить следов большого количества людей вблизи поселка), фон Буш показывался на улице только под охраной взвода автоматчиков.

На обратном пути Тараканов с небольшой группой партизан пустил под откос поезд на Витебской железной дороге. Другая группа наших автоматчиков разбила разведку отряда карателей, направлявшегося по нашим следам, как всегда, «для уничтожения партизан». После короткого боя с разведкой партизаны продолжали путь, а каратели круто изменили направление, предпочитая не ввязываться в драку.

В этом не совсем удачном походе проявилась новая грань характера комиссара. Влияя на настроения людей, он не всегда применял «лобовые атаки». Иногда Сергунин пускал в ход иное оружие. Вот и на этот раз...

Неудачи обычно в какой-то мере размагничивают людей. А у нас еще вдобавок ко всему не хватало питания, кое-кто в напряженном многокилометровом марше потерял ноги. Настроение далеко не бодрое, особенно у новичков.

Чтобы рассеять налет уныния, поднять душевную настрой полуголодных, уставших и измотанных лю-

дей, комиссар повел разговор, на первый взгляд, о чем-то постороннем, прямо не касающемся его слушателей.

— Вот, — говорил он, — в прошлом году в такой же летний день наш отряд «Грозный» попал в переделку. Ни хлеба, ни боеприпасов, хоть плачь. Немцы заняли все деревни, не давали шагу ступить. В отряде появились сильно истощенные ребята. Что делать? Можно бы отбить у немцев боеприпасы и продукты. Но чем? У нас лишь по десятку патронов на брата.

— И ведь все же нашли выход, — продолжал комиссар. — Случайно встреченного в лесу старика послали в ближайший немецкий гарнизон. Научили его сказать гитлеровцам, что партизаны («скажи — человек тридцать») идут цепочкой вот по этой лесной дороге, нагоните и добейте их, они чуть живы.

А нас было человек сто. Правда, по меньшей мере пятая часть из них не могла биться, люди отощали.

Расположились мы треугольником, острым углом — в глубь леса, а по бокам — засады, для которых собрали все остатки патронов. Одну из засад выдвинули почти к самой деревне на опушку леса.

Немцы попали на эту удочку. Как только старик «под строжайшим секретом» доложил немецкому командиру о партизанах, тот поднял солдат по тревоге, сразу же направил по лесной дороге разведку, а вслед за ней обоз из десятка подвод. Разведку мы пропустили довольно глубоко, дали возможность основным силам немцев втянуться в лес. А потом — ударили. Пока шел бой, самая ближайшая к деревне группа партизан, та, что была оставлена на опушке леса, быстро сняла часовых, ворвалась в деревню, заставив оставшихся там фашистов бежать, почти без боя

захватила немецкий склад и, не теряя времени, подалась в лес к месту сбора отряда.

Наши засады разгромили и обоз вместе с разведкой, взяли много боеприпасов, пару лошадей, три пулемета и ушли. У нас не было убитых. Три человека — легко ранены.

Появились продукты, появилась возможность спасти пятерых партизан, очень истощенных, оставленных нами в болоте на крохотном неприметном островке. Мы их на руках перенесли через болото, перешли с ними даже железную дорогу.

— Верно я говорю? — внезапно обратился Сергунин к лежавшему у костра Лева Миронову — главному радисту бригады.

— Верно, Иван Иванович, — ответил Лева.

— Лева висел тогда на волоске от смерти, истощеннее всех. Он и был в числе спасенных.

— Да-а, были дела, — задумчиво протянул Миронов. Он, очевидно, вспоминал пережитое.

Все поняли рассказ комиссара как «добрым молодцам урок».

Не таким ли был и Дмитрий Фурманов у Василия Ивановича Чапаева?

Лесная типография

Пока мы ходили к «Песочкам», в лагере произошли такие события: разведчик подорвался на своей mine, но остался жив. К нему побежали две санитарки и тоже попали на мины. К группе раненых в прежних боях прибавилось еще трое. Накануне нашего прихода разведка приволокла из деревни Людятино немецкого офицера. Он сидел под сосной, ошалело поглядывал по сторонам, дивясь, видимо, тому, как жи-

вут партизаны, вгоняющие в дрожь фашистских вояк.

Раненых надо было отправлять в советский тыл. Туда же приказано штабом доставить пленного. Когда ему сказали, что он скоро полетит в советский тыл, немец ожил, заулыбался, залепетал: «Нах Москау», «Нах Москау»... Словно, кроме Москвы, ему и лететь некуда.

Через сутки были приняты самолеты, отправлены все раненые. Улетел и пленный, причем до того момента, пока не посадили его в самолет, фашист не верил, что полетит в советский тыл. Он считал, что партизаны, эти страшные лесные люди, фанатики, пустят его в расход. Поэтому при каждом приближении любого партизана немец заискивающе, противно улыбался, показывал нашитую на борт френча яркую ленточку за перезимовку на Восточном фронте: дескать, и мы хлебнули горя. Он не прикасался к нашей партизанской каше. А мы по этому поводу не особенно горевали.

Пленный улетел, о нем и думать забыли. Нас занимали другие заботы.

Красная Армия продолжала наступление, громя фашистские дивизии. Наши союзники Англия и Америка то ли воевали против немцев, то ли нет: вели бои где-то за тридевять земель, в далекой Африке, потом высадились на острове Сицилия. Обещанный ими «второй фронт» не появлялся на свет. Наши партизаны, открывая банку американских консервов, шутили:

— Ну как, откроем «второй фронт»?

Невеселые шутки!

Самолеты, обслуживающие партизан, проторили путь через фронт. Почти каждую ночь они появлялись в расположении бригады, шли главным образом

на сброс груза и реже с посадкой — только в самых неотложных случаях. Бригада непрерывно находилась на марше.

25 августа свершилось то, чего я ждал, на что давно надеялся, — мы получили легкую походную типографию «Лилипут». Она лучше и удобнее прежней партизанской «гармошки». Шрифт, валики, краска помещены в двойном фанерном чемодане с парусиновыми ляжками: удобно носить за плечами. Бумага, конечно, отдельно, но так нарезана, что легко умещается в вещевых мешках.

Новую «диковинку» собрались посмотреть десятки партизан. Но во всей бригаде не было ни одного наборщика, ни одного печатника, вообще никого, кто хотя бы мало-мальски знаком с типографским делом.

Комиссар выделил мне для срочного обучения наборному искусству санитарку Евдокию Чехенцову, бывшую учительницу.

Обучение — не хитрое, то же, что применялось и в 1941 году в Поддорском отряде: умеи держать в руке верстатку, находи оцунью рубчик буквы, с толком пользуйся пробельным материалом, научись плотно выключать каждую строчку. Первое время сам снимал с верстатки набранные строки и выставлял их на миниатюрный угольник.

Под неусыпным оком комиссара дело пошло.

27 августа в лесу недалеко от деревни Оклюжье Плюсского района напечатали первую листовку — обращение к населению Уторгошского, Лужского, Плюсского, Стругокрасненского и Батецкого районов. Она начиналась так: «Русские люди! Слушайте правду об СССР!» Далее рассказывалось о том, что наши войска освободили от немецко-фашистских захватчиков города Орел, Белгород, Мценск, овладели Харьковом и

Партизанские листовки.
Фото В. Капустина.

Русская деревня, подожженная карателями.
Фото фашистского офицера.

К партизанам за спасением.

Фото М. Трагмана.

Партизаны увозят раненых мирных жителей из деревни Видони Новгородской области.
Фото В. Капустина.

Их спасли от угона в Германию партизаны полка Егорова.
Командир полка В. В. Егоров справа.
Фото В. Капустина.

Совещание председателей сельсоветов Стругокрасненского района
Исковской области. С докладом выступает представитель Ле-
нинградского штаба партизанского движения П. Р. Швер-
далкин.

Фото В. Капустина.

Председатель Уторгошской чрезвычайной
тройки В. П. Петров.
Фото В. Капустина.

Стругокрасненская чрезвычайная тройка направляет из вражеского тыла обоз с продовольствием для Красной Армии.
Январь 1943 г.

Фото В. Капустина.

продолжают наступать. «Не давайте немцам хлеба, сена, скота. Наш русский хлеб немецким прихвостням не по зубам», — призывала листовка, подписанная «Красные партизаны».

Напечатали триста экземпляров. Разведчики понесли эту первую в истории бригады листовку по деревням.

Не забыли и о «почтовых ящиках» Пименова, Егоровой и других агентов.

Катя Егорова работала отлично. «Почтовый ящик» под стогом сена действовал безотказно. Уже четырежды произвели обмен. Она всякий раз забирала листовки и оставляла маленькие, написанные печатными буквами записки: «Все в порядке». Сообщала о том, что нового появлялось у немцев на станции Уторгош, что сумела она заметить или о чем рассказали ей сдатчики молока. Катя, не вызывая у немцев никаких подозрений, исправно доставляла листовки, укрывая их в пути под молочными бидонами, а там, на сливном пункте, рассовывала в телеги колхозников.

28 августа мы напечатали вторую листовку. В ней рассказали о том, что нами казнен лесник Павлов, который, являясь немецким шпионом в деревне Малые Березицы, выдавал фашистам советских людей, выслеживал партизан и доносил немцам о их передвижении, а также о тех, кто помогает партизанам.

На следующий день — 29 августа — увидела свет третья за последние три дня листовка, обращенная на этот раз к карателям — солдатам и офицерам РОА. Партизаны призывали карателей подумать о своей незавидной судьбе. «На какого немецкого бога вы надеетесь, прислуживая Гитлеру? — говорилось в листовке. — Ведь отступающим немцам вы нужны, как собаке

пятая нога. Ваши родные, безусловно, проклянут вас. Подумали ли вы об этом, напяливая на себя немецкий мундир?»

Первые три листовки, правда, отпечатанные небольшими тиражами — по триста экземпляров каждая, пошли в села.

Рафаил Высоканов

В ночь с 30 на 31 августа почти вся бригада участвовала в партизанском «концерте» — рвала рельсы и мосты на железной дороге, рушила немецкие линии связи. В эту темную ночь долго гремели взрывы. Крестьяне — «мирные немецкие охранники» железнодорожных путей — всеми силами помогали спиливать столбы телефонно-телеграфных линий, а многие после «концерта» присоединились к партизанам.

Некоторым из партизанских помощников, возвратившимся в деревни, пришлось отвечать перед местными немецкими властями — старостами и полицаями. Предугадывая это, мы в ночь на 31 августа напечатали листовку, предупреждавшую сельских старост, волостных старшин (бургомистров) и полицаяев: всякого старосту, старшину или полицая, который понуждает крестьян к сдаче хлеба, а также к работам на немцев, будем немедленно расстреливать как активного пособника врага.

1 сентября 1943 года в болотистом лесу у деревни Оклюжье, в том же лагере, где несколько дней назад мы начали выпускать листовки, вышел первый номер газеты «партизанских отрядов под командованием К. и С.», что означало — Карицкий и Сергунин. Назвали ее с общего согласия «Партизанская месть». Впервые появилась на свет «фирма» «К. и С.». Этими инициа-

лами мы стали помечать всю нашу печатную продукцию.

Не было крупного шрифта для заголовков газеты, совсем не было линеек. Но дело шло. «Бейте немцев всем, чем можете. Это ускорит нашу победу!» — призывала «Партизанская месть».

Комиссар бригады, заботясь о газете, подобрал в одном из отрядов здорового парня для того, чтобы он носил типографию. Звали этого парня Рафаил Васильевич Высоканов. В немецком плену он работал грузчиком на автомашине. Перед уходом вывел из строя мотор, снял с машины часы и бежал. Скоро нашел партизан.

Родом Высоканов из села Харовщина Вологодской области. Говорит, нажимая на «о» и резко смягчая согласные: «Михаиль Егорьевичь», «Павель Петровичь».

Но — силен! В рваных ватных брюках, в немецких опорках, бывших когда-то сапогами, Рафаил шагает по болоту. Нагрузив на себя типографию и вещевой мешок, с автоматом на шее, он ни на шаг не отстает от колонны и не сгибается.

Ребята спрашивают у этого вологодского силача, которого не сморили ни голодовки, ни немецкие побои:

— Почему тебя, Высоканов, Рафаилом назвали?

— А у нас мода така в деревне. У нас есть пять Рафаилов, окромя меня. Говорят, когда-то был в деревне ссыльный, его звали Рафаил. Хороший был человек, его уважали. Да и имя бабам баско показалось. Вот и пошли на свет Рафаилы...

Братва хохочет. А Рафаил краснеет, опустив глаза в землю. На его широкоскулом лице мелькает едва приметная хитроватая улыбка.

И в походе, и в бою, и на привале все старались оберегать Рафаила с его ценным грузом. Кто-то прозвал его «ходячей типографией», но не зло, в шутку.

Голь на выдумки хитра

Правильно говорят в народе, что «голь на выдумки хитра». В ночном походе, когда кругом не видно ни зги, потерять человека — не диво, тем более в лесу или в кустарниках. Чтобы этого не случилось и человек не потерял цепочку и впереди идущего товарища, каждому на спину на вещевой мешок прикалывалась белая парашютная тряпочка. Она в темноте хорошо видна.

В одну из августовских темных ночей мы на болоте принимали груз, который сбрасывали с самолетов. Цепочкой, один за другим, ходили партизаны от лагеря до болота, где полчаса назад горели сигнальные костры, и обратно. Чтобы не сбиться с пути, придумали простой способ: разрезали парашютные стропы на метровые-полутораметровые куски, подожгли концы и разбросали по кустам, по веткам деревьев вдоль тропы. Стropы тлеют, горят, как светляки, их хорошо видно метров за пять. Так и ходили от светлячка к светлячку.

Синоптики

В те дни нам сбросили группу разведчиков. Вместе с ними прилетели ученый синоптик Виктор Николаевич Сварчевский и фотокорреспондент ТАСС Владимир Илларионович Капустин. Сварчевский, не имея абсолютно никакой парашютной подготовки, приземлился на пятнадцатиметровую осину с роскошной кро-

ной, но совершенно гладким стволом. Пока ребята выручали его с верхотурья, Сварчевский потерял пистолет, чем был немало огорчен. Надо думать, что новенький ТТ подобрал кто-то из спасателей. Но кто? Поди узнай! А может быть, его втоптали в болото.

Человеку, который впервые оказался в тылу врага, конечно, трудно было сразу привыкнуть и к порядкам, установленным неписаными партизанскими законами, и к необходимости очень тщательной маскировки.

Так было и с Виктором Сварчевским. Он порой полным голосом окликал кого-либо, пронзительно, со свистом, кашлял, не прикрывая рта. За все это виновато принимал строгие внушения старых вояк, причем учить его находилось много охотников, и настолько ретивых, что комиссару приходилось брать Сварчевского под свою защиту.

Дело еще и в том, что не все партизаны на первых порах понимали, с какой целью заброшен к нам синоптик. Фотограф — это понятно. А «угадыватель» погоды? Между тем синоптическая служба в тылу врага имела огромное значение для боевых операций Красной Армии, для авиации да и других родов войск. Кроме того, командование фронта и штаб партизанского движения смотрели далеко вперед.

Надо сказать, что Виктор Николаевич Сварчевский хорошо выполнил задание. Он создал во вражеском тылу более десяти групп синоптиков, предварительно научив их самым простейшим способам наблюдения за погодой. Это были местные комсомолки-десятиклассницы. Они жили, как правило, у себя дома, сводки погоды систематически передавались по радио в советский тыл.

Ответ фашистскому холоду

6 сентября бригада впервые открыто вошла в деревню Киевец Уторгошского района. В ее составе было тогда около шестисот человек. Все население высыпало на улицу. Встречали радушно. Партизаны поселились в домах. Вечером топились все бани. Ведь не мылись с 5 июня, три месяца.

Начштаба Новиков организовал круговую оборону. Несколько групп партизан пошли в разведку. Продолжали свое дело диверсионные отряды подрывников.

Партизанская типография разместилась в добротной крестьянской избе. Хозяйка — колхозница, муж — в армии, сын — семнадцатилетний парень — собирался вступить в партизанский отряд. Мать и плакала, и радовалась: солдат вырос. Кормила нас, как на курорте. Мне и Рафаилу Высоканову дала по паре чистого холщового белья.

Деревня была наводнена фашистской «литературой». Всюду немецкие листовки, плакаты, журнал «Путь крестьянина», газета «За родину». Все это шло у крестьян главным образом на хозяйственные нужды и на раскурку. Однако кое-что и читалось — не без этого. Тем более, что фашистские газетчики из кожи лезли вон, стараясь завлечь читателя. «За родину» публиковала, например, эпизоды из жизни Льва Николаевича Толстого. Она же длительное время печатала отрывки из автобиографической повести Федора Ивановича Шаляпина под яркой «шапкой» — «С песней по России».

До глубины души возмущала бесстыдная спекуляция именами, дорогими каждому советскому человеку.

Подонки общества пытались заставить служить се-

бе таких титанов, как Толстой и Шаляпин! Но всякий мало-мальски грамотный человек видел, что фашистская пропаганда творчества великих людей России шита белыми нитками.

Встретили мы здесь и свои листовки и газеты. Они бережно хранились крестьянами в укромных местах.

Во время короткого отдыха бригады в деревне Киевец типография работала в полную силу. Чехенцова уже достаточно освоилась с обязанностями наборщицы и печатницы. В пополнение наших «штатов» комиссар направил к нам лужскую учительницу Зою Алексееву.

Зоя рассказала, что в расположение одного из крупных аэродромов в Лужском районе, кажется в Люблино, немцы согнали сотни учительниц и медичек. Создали лагерь рабынь, поселив их в наскоро сколоченных бараках. С рассвета и до позднего вечера они, подгоняемые надсмотрщиками, до изнеможения работали на аэродроме, на строительстве укреплений.

Возглавлял этот лагерь онемечившийся русский предатель из белоэмигрантов, прозванный лагерниками «папа-крестный». Бил он наших женщин и девушек нещадно. Ударит наотмашь в ухо, — из другого кровь брызнет.

Вот от «папы-крестного» и бежала в числе прочих Зоя Алексеева.

Постоянно просматривая псковскую фашистскую газету «За родину», мы видели, что почти в каждом ее номере три-четыре колонки занимает статья некоего Игоря Свободина, назойливо пропагандирующего гитлеровские порядки, поносящего на чем свет стоит все советское. В Киевце попал в руки свежий номер газеты. В нем была опубликована очередная — тридцать шестая — «беседа» Игоря Свободина под

крикливым заголовком «Герои и бандиты». Автор распинаясь на все лады, сиюсь докаать, что такие, как он, мерзавцы, — истинные герои современности, а мы, партизаны, — бандиты.

Возникла мысль ответить Игорю Свободину. Ответ был готов в тот же день. Письмо начиналось так: «Бандиту пера, пресмыкающемуся животному, фашистскому блюдолизу, мастеру по производству тумана, так называемому Игорю Свободину. Получили мы твою тридцать шестую «беседу», сукин сын...»

Не особенно стесняясь в выражениях и не утруждая себя изяществом стиля, мы дали продажной шкуре отповедь.

Комиссар бригады Сергунин не только одобрил замысел, но и приказал до того, как приступить к печати, пустить листовку по отрядам и группам, пусть партизаны послушают, обсудят.

Пошли по отрядам.

...В тени деревьев небольшого садика сидели, лежали партизаны. Комиссар читал партизанское послание. В ответ — взрывы хохота.

— Перцу, перцу ему под хвост добавить, подлецу! — кричал кто-то из бойцов.

— Надо, чтобы лично в руки получил, собака! — предлагал другой. — Давайте, отнесу в Псков.

Люди возбуждены, повеселели. А хорошее настроение было так необходимо! Это и учитывал комиссар. Кроме того, при чтении партизанам листовки примерно в двадцати местах ее прослушали десятки крестьян и крестьянок. Чтение партизанской листовки Сергунин сопровождал своими комментариями.

Листовку сразу же отпечатали тиражом в триста экземпляров. Понес ее в Псков старик агроном, надежный разведчик, пока не вызывавший у немцев ника-

ких подозрений. К сожалению, имя его в памяти не сохранилось, а в дневнике его нельзя было указывать.

Возвратившись некоторое время спустя, старик доложил, что пять экземпляров листовки, запечатанных нами в шикарный немецкий конверт с красиво выведенным адресом: «Город Псков, редакция газеты «За родину», господину Игорю Свободину», он опустил в ящик для писем, навешенный у входа в помещение редакции.

То ли подействовала партизанская оценка «творчества» Игоря Свободина, то ли он учел наши щедрые обещания насчет скорой расплаты за верную службу фашистам, но Игорь Свободин через неделю выступил в газете с весьма укороченной беседой о том, что он, как истый «патриот», откладывает в сторону перо и берется за винтовку, чтобы не на словах, а на деле отстаивать «новый порядок».

Наверно, мерзавец и не думал брать в руки винтовку, а просто сменил псевдоним. Во всяком случае, до конца войны его подлое имя в печати не появлялось.

Бой у Киевца

Сутки пребывания бригады в Киевце вызвали переполох в стане гитлеровцев. Над нашей временной «столицей» стали сгущаться тучи. Против бригады на этот раз был брошен полк «истребителей партизан» — власовских головорезов под командованием немецких офицеров.

Командование отвело бригаду на полтора-два километра от Киевца. Заняли круговую оборону. Бандиты не заставили долго себя ждать. Ранним утром 8 сентября развернутыми цепями они пошли на островок,

покрытый мелкоколесьем, где залегли партизаны. Отряд Чебыкина, вооруженный сорока ручными пулеметами, встретил их дружным огнем, смешал боевые порядки и несколько минут спустя обратил фашистских вояк в бегство.

Отойдя, власовцы не оставили надежды уничтожить бригаду. Ведь они были не просто защитниками «нового порядка», а «истребителями партизан», как именовали их немцы. Через час бандиты, подгоняемые командами гитлеровских офицеров, пытались с другой стороны взять приступом партизанский островок. Но они снова были встречены массированным пулеметным огнем и снова откатились.

Бились до вечерних сумерек. У нас к четверым носилочным раненым, которых мы надеялись отправить в советский тыл с хорошей площадки у деревни Киевец, прибавилось еще трое. С наступлением темноты бригада отошла, унесла раненых, благодаря умелому маневру на какое-то время оторвалась от карателей.

В одном из боев этого дня Рафаил Высоканов с типографией за плечами лежал на линии обороны и стрелял по бандитам из автомата, хотя никто его к этому не понуждал: все берегли носимый им груз. Бандитской пулей оторвало у ящика угол, и Рафаил получил от комиссара строгое предупреждение.

Уже на следующий день мы узнали об очередной провокации фашистов, на которые они большие мастера. Подбрав тела убитых партизанами карателей, они у одного из них обрезали уши и нос, вырвали ногти, мертвому нанесли десятки ножевых ран. Потом погрузили труп на открытую автомашину и возили по окружающим гарнизонам власовцев, уверяя их в партизанских зверствах.

— Вот что делают партизаны с теми, кто им сдает-

ся в плен! — говорили гитлеровские «пропагандисты».

Эту провокацию нельзя было оставить без ответа, тем более, что уже явно намечалась брешь в моральных устоях солдат власовских подразделений. Партизанская типография напечатала триста пятьдесят экземпляров листовки, разоблачавшей провокационный прием фашистов, рассказывавшей правду о событиях, которые произошли сутки назад. Разведчики переправили листовку в наиболее крупные гарнизоны карателей.

РОА трещит по швам

Работа наших подпольщиков среди местного населения и среди карателей не могла не возыметь действия. Самое главное — успехи Красной Армии на ряде решающих фронтов не оставались неизвестными в тылу врага. Они будоражили души советских людей, бросали в дрожь предателей, усиливая колебания в среде власовцев, которые в паническом страхе перед фашистами в свое время дали себя обмануть, напялили немецкую форму, как овчарки гонялись за партизанами.

Уже летом 1943 года польза от власовцев для армии фюрера и особенно для ее тылов была весьма сомнительной. С каждым днем крепились партизанские силы. Становилось все более заметным, как пресловутая РОА, терпевшая в своих операциях против партизан провал за провалом, расплзалась по швам.

Еще в конце августа, как говорилось выше, мы выпустили листовку, адресованную солдатам и офицерам РОА, в которой рассказали о победах советских войск, об освобождении Орла, Харькова, Таганрога, Мариуполя, Брянска и других городов, о выходе Италии из войны.

«Здесь, в немецком тылу, — говорилось в листовке, — на сотню таких, как вы, приходится два-три немца. Если вы — русские люди, если вы способны подумать о своей судьбе, убейте немцев, переходите к партизанам и в бою с фашистами искупайте свою вину перед Родиной... Если вы перейдете к партизанам, партизаны сохранят вам жизнь».

Призывы партизан не были безуспешными. В сентябре группа солдат второго взвода первой роты 665-го батальона РОА Н. Панов, Н. Кучумов, Н. Ковалев, Ф. Исаченко, И. Моисеев, С. Люкшин и другие перешла к партизанам. В листовке, обращенной к солдатам РОА, они рассказали о том, что 14 сентября в деревне Строино Оредежского района убили командира своего взвода и с оружием перешли к партизанам под командованием К. и С. (Карицкого и Сергунина).

«Мы уже зачислены в отряды, — писали бывшие власовцы, — доверие, которое оказали нам партизаны, мы оправдаем в боях с немцами — заклятыми врагами русского народа».

В сентябре 1943 года началось настоящее бегство солдат РОА из гарнизонов в партизанские отряды Пятой бригады.

24 сентября к группе партизан, заготавливавшей продукты в одной из деревень Уторгошского района, прикнули шестеро осетин, состоявших на службе в так называемом «Северокавказском легионе» в первой роте 844-го батальона. Они тихо «снялись» с гарнизонного караула, прихватили винтовки и пулеметы, пошли искать партизан, а при встрече уже именовали себя «народными мстителями».

Наш храбрый пулеметчик, а затем командир группы осетин Миша Цидаев взял соплеменников под свое

начало. Осетины, бывшие «легионеры», сражались хорошо.

26 сентября двадцать три — в большинстве это были украинцы — солдата третьей транспортной колонны 225-го дивизиона РОА уничтожили трех немецких офицеров, забрали оружие, десять лошадей, погрузили на две телеги пять мешков муки и с этими трофеями явились к партизанам нашей бригады.

Осетины и украинцы обратились с письмами к властям, призывая их не гнуть спину перед немецкими разбойниками, забирать оружие и переходить к партизанам, сражаться против гитлеровцев за освобождение советской земли от фашистской нечисти. «Хай живе радянська Україна!» — так заканчивали свое письмо украинцы.

В последние дни сентября в бригаду пришли трое латышей, сбежавших из фашистской армии. Они, так же как осетины и украинцы, написали, а мы напечатали листовку, в которой говорилось, что, перейдя к партизанам, латыши встретили радушный прием, что братья-латыши должны, пока не поздно, порвать с фашистской армией и влиться в партизанские отряды.

Не проходило дня, чтобы в том или ином отряде не появлялись перебежчики.

Вот почему в ту пору в 18-й немецкой армии появился строго секретный документ, в котором признавалось: «В последнее время участились случаи перехода на сторону бандитов солдат из «восточных подразделений»... В некоторых местах целые отделения и взводы перешли на сторону врага, убив своих командиров... Причиной побегов в большинстве случаев является ловкая разлагающая пропаганда агентов, которые имеются во всех слоях гражданского населения.

Нужно считаться с тем, что ненадежность «восточных подразделений»... все возрастает».

Что и говорить, весьма красноречивое признание! Власовцы бежали от своего незадачливого шефа. Бежали даже те, кто принимал участие в боях против партизан и населения. В первых числах октября пришел один полтавчанин, участвовавший в бою с нами 3 мая у озера Сяберо. Он не побоялся, что партизаны спросят ответ за чинившиеся им вместе с другими злодеяния.

Бежали из лагерей советские военнопленные. Пришли группы пленных из Люблино, Оредежи, даже из Гатчины.

Сила партизанская

В сентябре—октябре значительно усилился рост партизанских отрядов за счет местного населения.

В деревнях Хвошно и Конезерье немцы за саботаж заготовок сельхозпродуктов забрали у крестьян весь хлеб и скот. Молодежи вручили повестки о явке в комендатуру. В ответ парни и девушки подались в лес к партизанам.

Партизан Кирдянкин с одной из боевых операций привел восемьдесят человек — новый партизанский отряд, целиком состоявший из жителей Уторгошского района. По пути они разогнали немецкий гарнизон и разгромили немецкий продовольственный склад. Семьдесят пять подвод, груженных зерном, возвратили окрестным крестьянам. Самое замечательное, что новые партизаны пришли с винтовками, пулеметами и боеприпасами.

Конечно, такой факт не мог не стать темой партизанской листовки, призывавшей советских людей к

оружию, к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Выше уже упоминалось о немецком лагере в лужской деревне Люблино, где эксплуатировались женщины — учительницы и медики, о коменданте этого лагеря звероподобном «папе-крестном».

Работник политотдела бригады Лутфи Сабхатович Габасов с небольшой группой партизан, предварительно разведав, что комендант в определенный день и час на дороге Луга—Люблино должен встретить сына — офицера немецкой армии, устроил несколько засад.

Однако повезло лично Габасову. Встреча отца с сыном произошла в пяти метрах от засады, которую возглавлял Габасов. «Папа-крестный» и его отпрыск были уничтожены без выстрела среди бела дня невдалеке от немецкого гарнизона.

Гитлеровцы были в замешательстве. Многие заключенные, воспользовавшись этим, разбежались, часть их пришла в партизанские отряды Пятой бригады.

Бригада в ту пору насчитывала в своих рядах уже около восьмисот бойцов. Довольно сильной была партийно-комсомольская прослойка — примерно сто пятьдесят коммунистов и столько же комсомольцев. Во всех отрядах были созданы партийные и комсомольские организации.

5 октября Карицкий, Сергунин и Новиков предприняли поход части бригады в составе двухсотпятидесяти — трехсот человек по небольшим деревням Уторгошского района. Население встречало партизан с радостью. Народная молва в десятки раз преувеличила численность партизан, которые среди бела дня шли не спеша, колонной, увешанные оружием, бодрые, веселые.

— Батюшки! Их тыщи, тыщи, — рассказывала на другой день восхищенная старушка в соседней деревне. — И не иначе, как настоящие военные. Уж я вижу насквозь!

А за деревнями лесом двигались основные силы бригады.

За сравнительно короткий срок бригада побывала в деревнях Россохи, Большие и Малые Шатковицы, Заречье, Великое Село, большие и Малые Березицы, Буйно и других.

Партизаны в деревне — это, значит, большевистские агитаторы почти в каждом доме, в каждой семье. Люди своими глазами видели отряды, вооружение партизан. Крепла в народе уверенность и в своих силах, росла и накалялась в сердцах ненависть к врагу. Комиссар бригады Сергунин и возглавляемые им политработники проводили беседы среди сельских граждан, использовали каждый факт произвола и насилий гитлеровцев для того, чтобы поднять все население на борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Маневры партизанских отрядов сочетались с внезапными и смелыми налетами на немецкие гарнизоны, на железные и шоссейные дороги. Активно действовали группы подрывников и разведчиков.

Шел подбор командиров групп, рот и отрядов. Комиссар и политотдел учили политработников искусству воспитания партизан, особенно новых. Предстояли большие дела...

В начале октября отряды В. В. Егорова, С. Н. Чебыкина и А. Ф. Тараканова были преобразованы в полки. Несколько позднее созданы полки Скородумова и Пучкова.

9 октября часть бригады заняла деревни Первую, Вторую и Третью Каменки. В ту же ночь полк Скорд

думова совершил налет на совхоз «Толчино», превращенный немцами в крупное помещичье имение. В этом молниеносном бою опять отличился Лутфи Сабхатович Габасов. Он взорвал мост и сельхозмашины гитлеровских рабовладельцев.

При разгроме «Толчина» партизаны уничтожили управляющего имением, переводчицу, свыше 60 немецких солдат.

Награбленные фашистами 88 голов скота и 53 тонны муки были розданы населению. В бригаду и полки Скородумов и Габасов доставили 28 лошадей, 40 мешков муки, табак, пулеметы, винтовки, автоматы, патроны.

К оружию, товарищи

Гитлеровцы выполняли приказ фюрера о превращении оккупированных районов в зону пустыни. Приступили к черному делу зондерфюреры с зондеркомандами и факельщиками. Немецкие коменданты вопили о том, что все население захваченных немецкой армией районов обязано покинуть родные места, сосредоточиться на сборных пунктах и следовать туда, куда будет указано. Было приказано каждому взять с собой продуктов только на четырнадцать дней, а все остальное — хлеб, скот, птицу — оставить.

Стон стоял в деревнях и селах, в рабочих поселках и на железнодорожных станциях. Матерей разлучали с детьми, сыновей и дочерей — с матерями и отцами. Фашистские конвои гнали людей лужскими, плюсскими, уторгошскими проселками на сборные пункты на верную смерть.

Советские люди не хотели покидать родную землю. Самые смелые из них бежали в леса к партизанам.

Сотни людей гибли от фашистских пуль. Разыгрывались поистине драматические события, о которых народная память не в силах забыть. С непокорными гитлеровцы расправлялись жестоко.

В деревне Замошье Плюсского района свыше восьмидесяти мужчин и женщин, наотрез отказавшихся подчиниться разбойничьему приказу немецких извергов, были загнаны в дома и заживо сожжены вместе с постройками. Всех, даже женщин с грудными детьми, вырывавшихся из пламени, немцы штыками вталкивали обратно.

8 октября в нашей типографии была напечатана листовка «Разбойничий приказ немецких извергов» о поголовном выселении советских людей и угоне их в Германию.

Листовка разъясняла населению существо этого бесчеловечного приказа и призывала народ к вооруженной борьбе с фашистами.

«Спасение наших жен, мужей, отцов и детей, — говорилось в листовке, — в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Все, способные носить оружие, вступайте в партизанские отряды, берите в руки винтовки и автоматы, выкапывайте спрятанные вами пулеметы, организуйтесь для борьбы с гитлеровскими гадами... К оружию, товарищи! Приближим светлый день нашей победы!»

Три могучие силы выступили воедино против разбойничьего замысла Гитлера и его подручных превратить оккупированные районы нашей страны в зону пустыни. Это — нарастающие с каждым днем сокрушительные удары Красной Армии, активные действия партизан в тылу гитлеровцев и неиспелимая, святая ненависть нашего народа к фашистским поработителям.

Вечер в деревне Болотско

Из Каменок штаб бригады переместился в большую деревню Болотско Уторгошского района. Сюда еще не добрались немецкие факельщики. Люди готовы на все, чтобы помочь партизанам. Они знают о наступлении Красной Армии, знают о партизанских боях.

Хозяйка избы, где разместилась вместе с политотделом бригады наша типография, снаряжала девятнадцатилетнего сына в партизаны. Откопали в огороде сундук, достали две пары нового белья, солдатскую гимнастерку, шаровары и добротные сапоги. Сбросил парень с плеч рубище и драные опорки с ног, в которых «щеголял» при немцах, приоделся и стал солдат солдатом.

В сумерки однорукий отец принес схороненную где-то далеко от фашистов трехлинейку, патронташ, набитый патронами, две ручные и одну противотанковую гранаты.

— Вот тебе мой отцовский подарок, сынок. Слушайся своих командиров... Когда-то служил, знаю, что такое командир и в бою и на привале...

— А ремень-то, ремень-то где? — всполошилась мать. — Где он у тебя спрятан, отец?

И появился на свет новый командирский ремень со звездой на пряжке. Парень не без гордости надел его: знай, дескать, наших, и мы не лыком шиты.

Лутфи Габасов одобрительно похлопал юношу по плечу:

— Добрый партизан будет!

В эти сутки все жители деревни Болотско, способные носить оружие, вступили в партизанские отряды со своим оружием, боеприпасами и необходимым запасом продуктов.

Вечером следующего дня отряды готовились к маршу. Все — и партизаны, и местные жители — высыпали на улицу. Смех, шутки и, конечно, неизбежные слезы матерей и невест.

На пригорке посреди деревни собрались наши радисты со своими рациями. У каждого на груди автомат. Командует радистами старший группы спокойный и невозмутимый Лева Миронов, когда-то спасенный Сергуниным от голодной смерти.

Радисты — наша главная интеллигенция. Ими, как должное и вполне заслуженно, принимались и лишняя пачка горохового концентрата, и лишний кусок хлеба, и уважение товарищей. Радист с исправной рацией — родной брат командира, разведчика, любого партизана. В конце концов живучесть группы, отряда, партизанского полка во многом измерялась наличием исправной, обеспеченной питанием рации.

Первыми в бригаде радисты слушали и записывали все новости, сводки Совинформбюро, первыми разучивали и новые советские песни.

Вот и тут шум, вызванный построениями отрядов, расставанием родных с новыми партизанами, внезапно перекрыла песня, наша советская песня. Радисты на пригорке не сильно, но слаженно пели еще никому здесь не известную тогда песню:

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой, боевой капитан.
Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море,
И ранней порой мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

Притихли партизаны. Примолкли матери, провожавшие в бой своих сыновей. Песня Соловьева-Седого

дилась над вечерней деревней, будоража душу. Не знаю, что думали в эти минуты комбриг Карицкий и строгий начштаба Новиков, только они не подали команды к маршу, повременили.

Когда в тишине растаяли последние слова песни, двинулись полки. Люди провожали родных до околицы, стояли, пока тыловое охранение колонны не скрылось из глаз.

В дневнике появилась короткая запись: «К нам народ валом валит».

И вспыхнуло пламя восстания

Мы снова в деревне Киевец у наших старых знакомых. Редакция разместилась в том же доме, где жили мы и в сентябре. За это время сын хозяйки ушел к партизанам.

Комиссар Сергунин рассказывал, что по пути в Киевец, когда бригада останавливалась в деревне Сторонье, он ночевал в доме старика — бывшего колхозного счетовода. Старик, говоря о фашистских зверствах, вспоминал, как до войны люди хорошо, с достатком жили в колхозе.

— Во всем был свой, советский порядок, — говорил счетовод. — И на поле, и в кладовой, и в гараже, и в конторе. Контора у нас была посередине деревни, светлая, чистая, красивая. Портреты и лозунги развешаны в линейчку. На стене — колхозный план и список личного состава бригад. Отметочки против каждой фамилии. Передовики, как водится, красным карандашом. Потолок оклеен, стены побелены. Утром придешь, раскроешь дверь и с радостью садишься за стол. Было что считать. Сердце не уставало радоваться.

Младшая дочь счетовода — комсомолка. Когда пришли немцы, она закопала комсомольский билет. Узнав об этом, старик выкопал серую книжечку и, не говоря дочери, перепрятал. Долго скрывал, а потом все же показал с назиданием:

— Какая же ты, прости меня господи, комсомолка, если билета боишься? Как в глаза людям помотришь, когда придут наши?

Комсомолка ушла в партизанский отряд с бережно зашитым в ватник билетом.

Велика, неизмерима вера народа в победу. Она проявлялась буквально во всем — в отношении к партизанам, в готовности помочь им продуктами, оружием, одеждой и обувью, в железной непокорности фашистским порядкам, даже в воспоминаниях о добром довоенном времени.

Неисчислимы грабежи и убийства, невероятные тяготы оккупационного режима, кровавые расправы немцев с населением в Замошье и других деревнях, наконец фашистский приказ о поголовном выселении мирных советских людей из родных мест — все это переполнило чашу народного терпения.

Осенью 1943 года (сентябрь—октябрь) в Уторгошском, Лужском, Плюсском, Стругокрасненском районах вспыхнуло подготовленное подпольщиками и партизанами вооруженное народное восстание против оккупантов.

Началось оно с разгрома немецких волостных управлений. Разгонялась и уничтожалась фашистская администрация вместе со старостами, бургомистрами, полициями и прочей нечистью.

Восстание было отмечено усиленным ростом рядов

народных мстителей, лесными завалами на путях передвижения врага, непрерывным грохотом взрывов на Витебской и Варшавской железных дорогах. Пламя восстания с каждым днем разгоралось все ярче и ярче. Под знаменем вооруженного восстания и развивались все последующие события.

В октябре в деревне Киевец были приняты в партизанские отряды сразу триста тринадцать человек, из них двадцать пулеметчиков. Это ребята, изучившие пулемет уже при немцах, тайком.

Начальник штаба Новиков построил их в центре села. Оружие новичкам вручали Карицкий и Сергунин. Принимая винтовку, автомат или пулемет, новичок целовал холодную сталь оружия и клялся на верность Родине.

Спасение советских граждан от угона в фашистскую Германию было одной из главных задач вооруженного восстания.

Полк Егорова 13 октября произвел смелый налет на деревню Лубино, где был немецкий сборный пункт, и освободил триста пятьдесят человек, которых немцы согнали для отправки в Германию.

Обстановка требовала от партизан применять не только силу, но и новые тактические приемы для спасения советских людей от рабства.

Усиленно действовали бригадная и агентурная разведки. Партизаны знали, когда и откуда отправляются эшелоны с обреченными. Но ведь такой эшелон не пустишь под откос.

Засады обычно выставлялись у небольших железнодорожных мостов. Поезд, наткнувшись на разрушенный мост, останавливался. Короткий бой с охраной эшелона — и люди свободны. Растекались по лесам и деревням тосненские, мгинские, гатчинские

жители, устраивались под видом родственников в деревнях Лужского, Уторгошского и других районов. Многие вливались в партизанские отряды.

Зачин в этом деле принадлежал полку под командованием Егорова и Руднева.

14 октября полк Егорова за один день остановил два таких эшелона. И тысячи советских граждан были спасены от верной смерти.

В те дни прилетели в бригаду наш Рябков, теперь уже в качестве представителя партизанского штаба, и майор Афанасьев. Они привезли указания штаба о дальнейшем руководстве народным вооруженным восстанием.

Приказом начальника Ленинградского штаба партизанского движения Никитина наша бригада за спасение советских граждан от угона на фашистскую каторгу удостоена Красного знамени штаба. Отличившиеся партизаны представлены к награждению орденами. Знамя решено передать на хранение полку Егорова.

Егоров и Руднев

Все партизанские полки бригады дрались храбро и самоотверженно. Но егоровцы отличались особо. Они первыми успешно осуществили замысел командования об остановке эшелонов с советскими людьми, первыми нашли пути для устройства спасенных в окрестных деревнях.

Отличался полк от других и тем, что его командир в ту пору исполнилось лишь девятнадцать лет.

Родился Владимир Васильевич Егоров в деревне Смородовка Дедовичского района. Семнадцатилетним встретил войну. Как и все ребята его возраста, он го-

рел желанием ринуться в бой, мечтал о подвигах, еще и не представляя себе всех тягот военных будней. Вступил в дедовичский партизанский отряд «Буденновец», которым командовал угрюмый на вид, но добрый душой Николай Рачков. Позже отряд влился в знаменитую Вторую бригаду. Вместе с бригадой Егоров участвовал во всех крупных операциях — на станции Судома, в Ясках, Плотавце, Дедовичах, Холме.

Егоров был разведчиком, командиром разведки, командиром отряда. В Пятую бригаду он пришел вполне сложившимся, зрелым командиром.

Осенью 1943 года Егоров получил под свое начало полк, который менее чем за полгода вырос до двух с лишним тысяч человек.

Смелость, находчивость и какой-то особый дар позволяли ему умело вести людей за собой. Не только для молодежи, для любого бородача в годах юный Егоров был непререкаемым авторитетом. А это, как известно, не падает с неба. Партизаны видели в своем подтянутом командире лучшие черты народного мстителя и заботливого хозяина. Хотя «хозяину» еще не было и двадцати.

Комиссаром полка — другом и товарищем командира — был Николай Иванович Руднев, человек вдвое старше его, в прошлом работник Чудовского райкома партии. Он сочетал в себе храбрость с расчетом, с любовью к людям, любовью не слезливой, а строгой и требовательной. Долгие годы партийной работы, большой жизненный опыт помогали ему находить пути к сердцам партизан.

Молодой Егоров и пожилой Руднев дополняли друг друга, быстро находили единый взгляд на расстановку сил и организацию боя, воспитание людей и оценку обстановки.

Командирскую зрелость Егоров особенно показал при разгроме железнодорожных станций Морино и Леменка, осуществленном по приказу штаба.

Боевые операции полка Егорова обеспечивались хорошей политической работой. Комиссар полка Н. И. Руднев, комиссары отрядов и политруки рот, партийные организации много сил тратили на то, чтобы каждый партизан отчетливо сознавал цели и задачи, поставленные командованием.

— Вслепую воевать невозможно, — говорил Руднев.

Командиром разведки полка была девушка из Ленинграда Марина Черненко. Живая и смелая, она не раз испытала себя в боях, в походах, в разведке, не страшилась трудностей и лишений. Это она накануне разгрома станции Морино почти сутки наблюдала за немецким гарнизоном с чердака дома, расположенного недалеко от казарм.

Воспитание крепкой воинской дисциплины в полку Егорова достигалось кропотливым трудом. На собраниях коммунистов и комсомольцев, в беседах по группам (отделениям) постоянно рассматривались итоги выполнения боевых заданий, поведение партизан в бою, на отдыхе, на марше.

Работа политруков и комиссаров в полку Егорова, да и в других полках, усложнялась двумя обстоятельствами: во-первых, огромным наплывом в ряды партизан бывших военнопленных и власовцев, особенно летом и осенью 1943 года; во-вторых, пестрым национальным составом партизан.

Бывшие пленные и власовцы, вступавшие в партизанские отряды, это в основном были люди, твердо решившие вырваться из лап гитлеровцев и верно служить Отчизне. Но какая-то часть их, главным образом из власовцев, подвергавшаяся длительной фашист-

ской обработке, требовала к себе особого внимания. Нужно было проявить много терпения и такта, чтобы еще больше укрепить в сердцах таких бойцов веру в нашу победу, научить их приемам партизанской войны.

Надо сказать, что политработники хорошо справлялись с этой задачей. Десятки и сотни бывших военнопленных и власовцев храбро дрались с гитлеровцами.

В полках Пятой бригады были представители двадцати шести национальностей: вместе с русскими, белоруссами, украинцами, латышами, эстонцами, татарами сражались поляки, чехи, словаки, французы и другие. Комиссары полков, в том числе и Н. И. Руднев, вложили огромный труд, чтобы создать в рядах народных мстителей обстановку интернациональной товарищеской солидарности, братства и дружбы.

И не было случая, чтобы в тяжелых боях, при невероятных трудностях партизанской жизни, в изнурительных походах появлялась в партизанских подразделениях даже хотя бы малейшая тень национального разлада или неприязни, упреков или подозрений.

Ни мытьем, ни катаньем...

Боевой деятельности партизанских полков как нельзя лучше сопутствовало стремительное нарастание общенародной борьбы против захватчиков. Гнев, жгучая ненависть к насильникам выражались в различных формах. Одной из самых «мирных» являлся тихий саботаж выполнения немецких приказов и распоряжений. Немцы приказывали сделать то-то и то-то, поставить такие-то продукты. Еще не смещенные

партизанами старосты и бургомистры соглашались. А дело — ни с места.

Иногда появлялись на свет такие документы:

«Господину бургомистру.

Сообщаю, что мною, старостой 16 округа (дер. Зуево), объявлено о сдаче яиц для команды, но от сдачи таковых отказались, говорят, что яиц нет.

Староста Иванов».

Вот так: куры были и есть, а яиц нет. Зерновые хотя и немного, но сеяли, а хлеба — ни зерна, амбары пустые. Крестьяне, наученные немецкими грабежами, теперь не давали заставить себя врасплох. Они надежно укрывали от грабителей хлеб, картофель и другие продукты. И в этом тоже сказывалась обретенная в колхозах привычка к коллективной ответственности: один за всех — все за одного.

В деревнях самостийно выдвигались люди, которым оказывалось особое доверие. Их называли по-разному, но чаще всего уполномоченными. И рождались такие обязательства:

«Обязательство гр-н деревни Горки.

Мы, граждане деревни Горки (Уторгошский район. — М. А.), даем свое обязательство нашему уполномоченному сохранить всю свою продукцию и хлеб и не сдавать немецким бандитам, зарыть в землю, к чему и даем свои подписи.

(Подписи всех домохозяев дер. Горка)».

Не взять было русского человека ни мытьем, ни катаньем.

Наша устная и печатная пропаганда и агитация строилась в самой тесной связи с жизнью. На нашей стороне была могучая сила правды.

Немецко-фашистские захватчики в октябре продолжали осуществлять изуверский приказ фюрера о превращении оккупированных районов Ленинградской области в зону пустыни.

Темными осенними ночами на горизонте полыхали пожарища. Каратели расправлялись с восставшим народом. Гибли от немецких пуль и штыков чаще всего безоружные старики, женщины и дети.

Главные усилия фашисты и их пособники направляли на то, чтобы как можно больше людей угнать в рабство.

Фашистские пропагандисты подбросили новую «утку», будто они увозят мирных советских граждан лишь потому, что в скором времени развернут всесокрушающие бои против партизан. И якобы заботясь о благополучии мирного населения, «сердобольные» немцы «спасают» народ.

Партизаны не замедлили ответить на эту провокацию листовкой «Разбойники и наглые вруны».

«Наглые обманщики! — говорилось в листовке. — Не только против партизан воюют они, а против всего русского народа. Грабители! Они хоят нашего хлеба. Не отдаст народ хлеб. Поджигатели! Они пожарами хоят устрасить русских людей, они уже сожгли в Стругокрасненском, Уторгошском и других районах десятки деревень. Но и пожарами не устрасишь русское сердце. Русские люди! Не верьте фашистским брехунам. Немцы — в деревню, вы — в лес. Немцы — за хлебом, вы хлеб — в землю. Угоняйте скот дальше от населенных пунктов, прячьте имущество, так как немцы не брезгают даже дверными ручками, вешалками, детскими распашонками... Берите в руки оружие и бейте немчуру смертным боем. Выше голову, русский человек, победа недалека!»

Эта листовка, как и прочие, получила довольно широкое распространение. В следующую же после ее выпуска ночь партизанские разведчики пробрались в Дно. Листовку «Разбойники и наглые вруны» они вывесили на здании немецкой биржи труда рядом с объявлением о вербовке рабочей силы в Германию. Кроме того, листовку разбросали на дновском базаре и по улицам.

Голос большевистской правды проникал через немецкие кордоны. Его не в силах были удержать ни плети, ни штыки, ни автоматы. Ему внимали тысячи советских людей, временно попадавших под иноземное иго.

Осенью 1943 года попало в руки партизан стихотворение ленинградского поэта Александра Прокофьева «Песня полона». Оно прекрасно выражало настроение людей, особенно женщин и девушек, угоняемых захватчиками в Германию.

Не высказать, как смертно я тоскую,
Какая ночь пришла со всех сторон,
В Неметчину проклятую и злую
Меня уводят, милый мой, в полон.

Полонянка зовет своего милого отомстить врагу за ее страдания, за ее позор.

Мы полностью напечатали «Песню полона» в газете «Партизанская месть». Женщины и девушки читали ее и плакали.

Несколько дней спустя в редакцию пришла молодая крестьянка Вера Савельева. Ее семья вместе с другими, не успевшими покинуть деревню, была силой водворена немцами в лагерь для военнопленных в Большой Уторгоши.

«...Пустые, холодные бараки, — писала Вера в га-

зету, — кругом грязь. Народу — битком. Есть маленькие ребята и старики. Стон, слезы, крики. Ад крошечный, а не житье. Кто сумел захватить с собой продукты — кое-как сыт, большинство голодает.

...Из лагеря бегут. Я пробыла там день и, улучив момент, вместе с подружкой сбежала. Через два дня сбежали моя мать и сестра».

В этот лагерь, как и на окрестные сборные пункты, проникла газета с «Песней полона». Была она доставлена и в другие лагеря военнопленных.

Письма с каторги

У комиссара бригады Сергунина и начальника политотдела Исакова возникла мысль обнародовать письма советских граждан с фашистской каторги. Такие письма мы использовали в своей пропаганде уже давно. А сейчас, в разгар народного восстания, решено было прибегнуть к ним еще раз, чтобы на живых документах вновь показать людям фашистский «рай».

Попадали эти письма в родные места случайно, обычно с какой-нибудь «оказией», через возвращающихся из отпусков служащих немецкой армии, чаще всего поляков и чехов.

Собрать письма взялся наш главный бригадный чекист Игорь Владимирович Авдзейко. Скоро мы имели пачку потрепанных листков, сложенных треугольниками или в конвертах, порой заклеенных картошкой, пачку живых документов, свидетельств мук и нечеловеческих страданий. Из множества писем газета сумела опубликовать лишь малую толику. Вот о чем писали люди:

«А. Михайлову от дочери Мили из Германии.

Вы мне пишете, что немцы взяли Надю. Неужели вы упустили ее из рук? Я так плачу. Купить тут нельзя ничего. У меня рабочее платье все порвалось. На счет еды — я сыта: у меня большие волосы...»

Понятно, какова участь русской девушки Милицы.

«Ивану Васильеву от дочери Марии из Мекленбурга.

Мне шеф дал платье — белыми, черными и красными полосами (избил ее. — М. А.). О питании. Попробуйте сделать так: натрите картошки, выжмите всю воду, посолите и маленькими лепешками кладите на плиту. Муки не надо... Мы такие печем».

«Крестьянину Борисову (Плюсский район) от сына Николая.

...Вы праздновали пасху, а я — в лагере голодный. Праздновать нечем, празднуйте вы за меня. И ты, братишка, в Германию не думай ехать, в ней так «хорошо», что будешь всю жизнь помнить, если останешься жив».

«Феоктисте Ивановой от дочери Лиды из Германии.

Добрый день, моя милая мамушка! О себе скажу — пока жива, а что будет дальше, не знаю. Я как подумаю, что ты с детьми живешь одна, так сердце кровью и залется. Но ничего, пройдет тяжелый час и еще засветит солнце.

...Я очень рада, что брат Ваня жив, одно плохо, зачем он стал заместителем (старосты. — М. А.). Живи, братец, лучше, а то проклянут тебя и всю твою семью, как проклинали мы Петю Микина. Все 12 человек проклинали его и молим бога за того, кто его сжил со свету. Он погубил нас 12 человек. Дай, боже, таким, как он, помучиться так, как мучаемся мы и ты, матушка, страдаешь на старости лет. И тебе будет такой «почет», мой милый братец, если кого-нибудь из

деревни прогонишь. Никого никуда не назначай, пойми, как нам здесь тяжело, как мучается твоя сестра».

Эти письма поступили на вооружение сотен агитаторов. Публикуя документы скорби и страданий советских людей, поработанных немецкими фашистами, газета призывала: «Русские люди, жители наших сел и городов! Бегите от немецкого полона, укрывайтесь в лесах, вооружайтесь и бейте немецких прохвостов. В этом ваше спасение».

И — к партизанам: «Прочти, товарищ, эти письма. Гнев и горе, слезы и стон — в каждой строке. Бей крепче, товарищ, фашистскую гадину, освобождай из немецкого плена своих братьев и сестер, отцов и матерей!»

Наши пропагандисты и агитаторы, разведчики и подпольщики не оставили без внимания специальный номер фашистской газеты «Северное слово», выходившей в Германии, предназначенный для оккупированных районов Ленинградской области. Газета «Северное слово» была заполнена сказками о немецком «рае земном». Мы дали фашистам отповедь в статье «Мягко стелют, да жестко спать».

Советская власть в тылу врага

Дубина народной войны обрушивалась на головы захватчиков. Из деревни в деревню лавиной разливалось вооруженное восстание народа.

В первых числах октября 1943 года вместо десятков упраздненных партизанами немецких волостных управлений были созданы чрезвычайные тройки в Уторгошском, Стругокрасненском и Солецком, а впоследствии в Плюсском, Лужском и Батецком районах.

Более четырехсот пятидесяти сел охватывали тройки своим влиянием.

Чрезвычайная тройка, по существу, тот же райисполком, только в сугубо специфических условиях. Тройки обязаны были восстанавливать сельсоветы, создавать отряды и группы самозащиты, спасать советских граждан от угона в Германию, создавать лесные лагеря и укрывать в них население, организовывать снабжение партизан продуктами, обувью и одеждой, а также помогать остро нуждающимся гражданам из населения.

В отличие от органов Советской власти мирного времени при каждой тройке действовал вооруженный отряд. Эти отряды не только несли охрану, но и вели разведку, а если требовалось, участвовали в боях. На счету отрядов при тройках немало крупных диверсий.

При каждом сельсовете создавалась боевая группа самозащиты, в обязанность которой входила охрана лесных лагерей и уцелевших населенных пунктов.

Во главе троек комиссар и политотдел бригады поставили крепких коммунистов. Учитывалась не только военная подготовка, но и глубокое знание хозяйства, умение работать с людьми. Одним словом, председатели троек должны были вспомнить свой довоенный опыт и помножить на все трудности, сопряженные с работой в тылу врага.

Николай Сергачев

Стругокрасненской тройкой руководил Николай Александрович Сергачев. До войны он был секретарем Лужского, а затем Белебелковского райкомов партии. В 1941 году в районе боевых действий Второй парти-

занской бригады был создан Партизанский край, и Сергачев работал там в чрезвычайной тройке. Он в составе группы партизан сопровождал в Ленинград через линию фронта обоз с продовольствием. За активную боевую деятельность в 1942 году награжден орденом Красного Знамени. Потом Сергачев — член Лужского подпольного партийного центра и, наконец, инструктор политотдела Пятой партизанской бригады.

В прошлом вологодский крестьянин, сметливый и по-хозяйски бережливый, Сергачев обладал удивительным даром доходить до сердца человека.

Продуманно были подобраны и члены тройки.

С первых же дней развернулась кипучая деятельность. Никакой канцелярии, кроме единственного секретаря, никаких отделов и секторов! А дело шло отлично, и даже всяческий учет был поставлен образцово.

Уже через неделю с небольшим Сергачев, конечно, не без помощи партизан, восстановил восемь сельсоветов.

20 октября состоялось первое в немецком тылу совещание председателей сельсоветов и членов чрезвычайной тройки Стругокрасненского района.

Люди собрались в небольшой горнице крестьянской избы. Все вооружены. Настороженно оглядывают друг друга. Шутка сказать, так не собирались два с лишним года. О чем пойдет речь? Как работать и что делать сельскому Совету в сплошном немецком окружении? Все это волновало каждого.

Сергачев, сосредоточенный, но спокойный, даже внешним видом своим как бы говорил присутствующим: не волнуйтесь, все в порядке. Правда, вы отвыкли от таких совещаний, но привыкнете. И здесь, у немцев, сила за нами.

— Вы не жмитесь по углам, товарищи! — произнес он не повышая голоса. — Вы хозяева на своей родной земле и чувствуете себя хозяевами. Верно, вас пока не избирал народ — обстановка не та. Но люди видят в каждом из вас представителя родной Советской власти, а потому доверяют вам. Вот и располагайте этим доверием, но не злоупотребляйте им. Верно я говорю?

— Верно, верно, все правильно, — слышалось из разных углов комнаты.

И ожили участники этого необычного совещания, встряхнулись, придвинулись ближе к столу. Кто-то вытащил старенький блокнот и начал что-то записывать, делать какие-то пометки, подсчитывать...

А председатель тройки, плотный и коренастый, одетый в полувоенную форму, держал речь. Он по-мужицки просто, обстоятельно, словно в дружеской беседе, рассказывал о том, что уже сделала тройка и каждый из восьми восстановленных сельсоветов, сколько собрано шерсти и овчин, сколько сшито полушубков, изготовлено валенок, запасено продовольствия.

— Зима на носу, — говорил Сергачев, — война далеко не кончена. Предстоят упорные бои. Партизанская армия должна быть обуた, одета и накормлена.

Выдвигалась задача решительной активизации местных отрядов и групп.

— Откройте свои «арсеналы», — призывал Сергачев. — Есть у народа винтовки, пулеметы и даже, как нам известно, пушки, есть и боеприпасы. Все это оружие надо направить против захватчиков. Правильно я говорю? И еще о чем хочу просить вас, товарищи, — продолжал председатель. — Будьте внимательны к людям, не оставляйте нерешенным ни одного вопроса. Вот на днях к нам в тройку пришла женщина из деревни, где еще нет сельсовета. Сельский староста по-

слал ее спросить о том, как поступить с хлебом, который собрали крестьяне по немецкому приказу. Мы разъяснили, как поступить в таком случае. Вот и вы так действуйте.

Такой не начальнический, а душевный разговор открывал. После совещания у председателей сельсоветов многое прояснилось, как бы и сил прибавилось.

Разъезжались они уже затемно, чтобы к рассвету быть дома и вершить свои сельские дела.

За три месяца Стругокрасненская тройка восстановила одиннадцать сельсоветов. В условиях жесточайшего фашистского террора они умело руководили борьбой народа, спасали советских людей от угона в немецкое рабство, помогали им сберечь от разграбления хлеб, скот и другое имущество, кормили, обували и одевали партизан.

Особенно хорошо шло дело в Хрединском и Павском сельсоветах.

За короткий срок тройка через сельские Советы собрала и передала партизанам 598 килограммов шерсти, более 1500 овчин, 200 пар валенок, 275 полушубков, 322 пары носков, 641 пару варежек, 230 пар лыж.

В морозные ночи не один партизан мысленно благодарил стругокрасненских женщин за теплые носки и варежки. Стругокрасненцы получили сотни приветов от безвестных им людей, согретых их лаской и материнской заботой.

Местные отряды при тройке и сельсоветах вели разведку, разрушали мосты, немецкие линии связи, совершали налеты на небольшие группы вражеских солдат. Только один отряд Лудонского сельсовета разрушил шесть мостов на шоссе на дорогах, уничтожил более двух километров телефонной связи врага, подбил две автомашины.

Председателем Уторгошской тройки политотдел и комиссар бригады утвердили Василия Петровича Петрова. Все — и стар и мал — звали его Петрович. С момента организации Пятой бригады он был заместителем комбрига по снабжению. В мирное время Петрович трудился по торговой части то ли в Зехино, то ли в Соколово на тракте Старая Русса — Холм.

Первое, что при знакомстве с Петровичем бросалось в глаза, это полное отсутствие внешних командирских примет: выправки, басовитости, умения подать команду. Он, как говорится, брал другим — обходительностью, расчетливостью, справедливостью в дележе продуктов, даже в крохах, в мизерных дозах. И этим покорял людей.

Летом 1943 года бригада, вынужденная вести почти непрерывные бои, испытывала огромные трудности в снабжении. Была съедена последняя лошадь. Но и в этих условиях Петрович находил выход. Какими-то лишь ему да комбригу ведомыми путями в окрестных селах добывались продукты у немцев из-под носа.

Ночами группы партизан уходили по заранее продуманным маршрутам. Еще с вечера Петрович неслышной походкой шел от костра к костру и тихо, с присущим ему старорусским акцентом говорил:

— Разведочка, троих за картовочкой. К утру будет горяченькая...

— Политутдельчики, двоих за картовочкой. Агитация лучше пойдет...

И все подчинялись Петровичу беспрекословно. К утру, действительно, были и картофель, и хлеб, и еще кое-что из продуктов.

Бывало, что «картовочники» и немцев за собой

приводили, и тут же вспыхивал яростный бой, а после него — неизбежный отход на новые позиции. Не без этого, такова была обстановка. И никто не собирался обвинять в этом усердного и честного Петровича, человека пожилого, но не по годам энергичного и подвижного.

А однажды наши заготовители приволокли связанного немца: под руку попался. Это был шеф-повар офицерской столовой, лощеный, отъевшийся. Борт его щегольского френча украшала ленточка за перезимовку в России. Ребята в шутку говорили: «Вот и Петрович имеет на счету пленного фашиста...»

Но шутки шутками, а Петрович вкладывал свою долю в каждую боевую операцию, организуя снабжение партизан.

Возглавив Уторгошскую тройку, коммунист Петров по-хозяйски взялся за дело. Он без страха разъезжал по селам, восстанавливал сельсоветы, организовывал лесные лагеря, создавал запасы продовольствия, собирал оружие, выполнял тысячи дел, нужных и неотложных.

Когда собрались на совещание члены Уторгошской тройки, председатели сельсоветов и командиры местных отрядов, Петровичу было о чем докладывать.

Одно из наших самых многочисленных совещаний в немецком тылу состоялось 25 ноября 1943 года, кажется, в деревне Боротно. Отчитывались и командиры местных отрядов. Вот краткие записи некоторых выступлений.

Командир Барановского отряда Михайлов: «В отряде 22 человека, больше половины из них вооружены, остальных вооружаем. Весь хлеб и скот в деревнях Баранове, Клине, Малахове спрятаны надежно. Здесь,

а также в Малом Клине построены шалаши и землянки в лесах. Люди живут спокойно. Охрана лагерей организована».

Командир Боротнинского отряда Саловаров: «Оружие есть для всех пятнадцати партизан. На каждую винтовку пока имеем по 20 патронов, на автомат — 700. Мы охраняем население деревень Боротно, Костолыжи, Збуд, Ручьи, Горки, Замушники. Из Костолыжей немцы угнали 80 человек, из Горок — 43, из Збуда — 13. Все до одного сбежали со сборных пунктов. Теперь население укрыто в лесу».

И так — каждый из командиров по каждой из деревень.

Петрович поставил задачу: подвезти в лесные лагеря как можно больше кормов для скота, чтобы не допустить падежа животных. Видонский и Вшельский сельсоветы больше всех пострадали от немцев. Крестьяне деревень Шошняково, Рогачево и других согласились помочь соседям кормами для скота.

Пожалуй, самым удивительным и неожиданным для собравшихся на это совещание было выступление командира бригады К. Д. Карицкого. Боевой командир, кадровый офицер, человек, казалось бы, далекий от деревенских нужд, он горячо говорил о необходимости беречь лошадей, не допускать прирезки скота, говорил о семенах для весеннего сева, о сельхозинвентаре, о строительстве бань в лесных лагерях.

Коммунист Карицкий отлично знал и понимал не только тактику партизанского боя, но и политику партии, вселял в людей уверенность в победе над врагом и поэтому смело намечал ближайшие задачи колхозникам и на сегодня, и на ту недалекую пору, когда будет разгромлен враг.

Слушали его с затаенным вниманием, слушали и мотали на ус: «Коли Карицкий гóворит о семенах, плугах и боронах, значит, желанная победа близка»...

Лутфи Габасов

Инструктор политотдела бригады офицер Л. С. Габасов, тот, который смело рассчитался с «папой-крестным», стал председателем Солецкой тройки. Выбор на Габасова пал не случайно. Солецкий район больше всех был насыщен немцами, карателями и всяческими «легионами». Для тройки тут требовался как раз военный руководитель. Таким и был Габасов.

Дневник Солецкой тройки пестрит записями о боевых действиях местных отрядов и групп, о данных разведки, о том, что почти каждый пуд хлеба, каждая корова брались у немцев с боя.

Большую работу провела Солецкая тройка по спасению советских граждан от угона в Германию. И здесь без боевых действий нельзя было сделать ничего существенного. Габасов умело сочетал боевую работу, разведку с хозяйственной деятельностью — строительством и благоустройством лесных лагерей, заготовкой продовольствия и одежды для партизан.

Помимо всего прочего на чрезвычайных тройках. в том числе и на Солецкой, лежала обязанность поднимать широкие массы населения на активную борьбу с захватчиками, раздувать пламя вооруженного восстания против фашистских поработителей. В деятельности Солецкой тройки это, пожалуй, было главным.

В дневнике Солецкой тройки есть такая запись:

«Состав комендатуры в Сольцах сменился, прибыла

комендатура из Старой Руссы. На совещании волостных старшин в г. Сольцы (оно было 8 декабря 1943 г. — М. А.) новый комендант обратился с призывом к населению о помощи немцам: о выдаче партизан, о предотвращении диверсий на железной дороге и т. д.».

Очевидцы рассказывали, что новый комендант, назначенный вместо смещенного Виклера, который не мог управиться с восставшим народом, произнес громкую речь о наведении «порядка» в Солецком районе. Он говорил так: «Передайте через женщин партизанам, чтобы они не вредили немцам, не жгли мостов, не разрушали железной дороги, дали бы возможность нам и вам спокойно уйти из района. А иначе...»

И дальше следовали обычные угрозы казнями, расстрелами, пожарами.

Какой дальновидный комендант! Он уже не только чувствовал, что придется отсюда уносить ноги, но и готовил пути отхода.

Надо заметить, что стараниями Солецкой тройки, и в первую очередь ее председателя Л. С. Габасова, больше половины созванных на это совещание старшин было кровно связано с партизанами и с вооруженным восстанием народа.

Лутфи Сабхатович Габасов был человеком не только смелым, но и резким, вспыльчивым. Узнав о «тронной речи» нового коменданта, Габасов вскочил, хлопнул ладонью по столу и своей татарской скороговоркой зачастил:

— И что брешет, собака! И что этот дурак понимает в наших делах! И за кого он, пень, считает наших советских женщин? Дурак, дурак, кругом кровавый дурак!.. Мы ему покажем, где раки зимуют...

И надо сказать, показали. Железная дорога на

участке Сольцы — уторгош с 12 по 15 декабря 1943 года в результате партизанских «концертов» не работала.

В эти же дни только из Светлицкого сельсовета Солецкого района влились в Пятую бригаду 234 человека. В бригаду поступили из этого района сотни пар валенок, много полушубков и другой одежды.

Дневник Солецкой тройки рассказывает также о том, что «население девяти расположенных по шоссе и вблизи железной дороги деревень — Глубокое, Дуброво, Болтово, Щепуха, Ретно — всего 236 хозяйств — эвакуировано в лес с хлебом, имуществом и скотом», а захваченные немцами люди бегут десятками со сборных пунктов, в частности из деревни Блудово. Оставшиеся в Блудовском лагере советские граждане 10 декабря были погружены в вагоны и отправлены на станцию Дно. Однако между станциями Дно и Порхов этот поезд был задержан партизанами, и люди освобождены.

В таких условиях работала Солецкая тройка, возглавляемая Л. С. Габасовым.

С организацией троек упорядочилась вся жизнь в районах, контролируемых Пятой бригадой. Прежде всего, положен был конец стихийности в снабжении отрядов и полков продуктами, обувью и одеждой. Теперь любой отряд или полк не мог самостоятельно вести заготовки. Это делалось только через тройку и через сельсоветы. Такой порядок исключал поборы, незаконное изъятие скота. Такой порядок народ назвал Справедливостью. Со стороны, особенно сейчас, даже трудно представить себе, как много это значило.

Самый же главный, политический выигрыш состоял в том, что в тылу у немцев на огромной

территории люди вновь обрели Советскую власть, которую любили, которой верили. Советский человек, как бы тяжело ему ни было, какие бы невзгоды он ни перенес, сердцем принял восстановление родной власти как добрый вестник близкой победы.

Организация троек в шести районах, оккупированных фашистами, была новым и очень важным этапом в вооруженном восстании народа.

Штаб партизанских отрядов приказывает...

На обширном пространстве от Луги и Батецкой до Сольцов, Дно и Порхова непрерывно действовали боевые группы, отряды и полки Пятой бригады. Во второй половине октября по-прежнему наносились чувствительные для врага удары по Варшавской и Витебской железным дорогам и другим коммуникациям фашистских войск, громились немецкие гарнизоны. Бои не утихали ни на один день.

21 октября полк Тараканова за одну ночь взорвал на Витебской железной дороге более полутора тысяч рельсов, нарушил линии связи. Движение вражеских эшелонов было приостановлено на трое суток. Группа партизан Хайрулина из этого же полка из засады разбила несколько автомашин. Немцы оставили на месте боя тридцать два трупа, а партизаны не понесли потерь.

За одну неделю этот полк пустил под откос три немецких эшелона, взорвал два железнодорожных моста и произвел налет на полустанок Кчеры.

Упорные бои с карателями вели полки Сергея Чебыкина и Владимира Егорова. Особенно горячая схватка разгорелась у деревни Киевец Уторгашского

района. Немцы и каратели четырежды пытались наскоком взять позиции партизан, но всякий раз откатывались под губительным пулеметным огнем. В этом бою отличились пулеметчики Жиганов и Яковлев.

Нельзя было не заметить, что нарастание силы народного вооруженного восстания вливало новую живительную струю и в ряды партизанских полков. Партизаны видели, что их самоотверженная борьба не бесплодна, что годы лишений и кровь товарищей не пропадают даром, что народ их поддерживает не только хлебом-солью, не только добрым словом, но и оружием. Это очень поднимало морально и активизировало не только новичков, но и бойцов, уже видавших виды.

Командование полков, отрядов и бригады, политсостав и разведка продолжали настойчивую работу по разложению гарнизонов карателей.

Примечателен в этом отношении один документ, изданный штабом Пятой бригады в конце октября 1943 года. Вот выдержки из него:

«Приказ штаба партизанских отрядов

всем бывшим военнопленным, русским, украинцам, белоруссам, эстонцам, латышам и другим гражданам, завербованным в германскую армию.

...Наступил час расплаты с немецко-фашистскими разбойниками. В немецком тылу, в районах, оккупированных фашистами, нарастает грозная волна всенародного вооруженного восстания... Растет армия партизан. Близится час нашей победы.

В этот момент штаб партизанских отрядов обращается к вам, завербованным на службу к немцам.

Несмотря на все старания, немцам не удалось создать армии из таких, как вы. Ваши «роты», «компании»,

«полки» — ничтожная кучка завербованных насильно «добровольцев». Чтобы избежать лишнего кровопролития, организовано переходите к партизанам. Оружие, врученное немцами, поверните против них...

Всем завербованным на службу к немцам — офицерам и рядовым, всем вооруженным группам из русских, украинцев, белоруссов, эстонцев, латышей и др., действующим в районах Пскова, Порхова, Дно, Сольцов, Луги, Шимска, Плюссы, Уторгоши, — штаб партизанских отрядов приказывает:

1. Немедленно выступить со своим оружием против немецких захватчиков.

2. Истребить немецкие гарнизоны Луги, Плюссы, Уторгоши, Порхова, Сольцов и других населенных пунктов. Уничтожить военные объекты, не пропустить ни одного немецкого поезда к фронту.

3. Уничтожить всех предателей, работающих на немцев.

4. Взрывать мосты, портить дороги, пускать поезда под откос, останавливать эшелоны, в которых немцы увозят советских граждан в Германию.

5. Выполняя это боевое задание, соединиться с партизанами для совместных действий.

Всем, выполнившим этот приказ, будет сохранена жизнь...

Штаб партизанских отрядов
24 октября 1943 г., К., С.»

Партизанская типография бригады отпечатала этот приказ в количестве 1100 экземпляров. Его распространили по всей округе, контролируемой партизанами.

Показательно, что вскоре откликнулась на него дновская фашистская газета. Она ругала партизан по-

следними словами и проклинала от имени бога и церкви всех коммунистов.

Значит, доняло фашистских вояк и их прислужников!

Редактора дновской газеты Родионова, продажную шкуру, скрывавшегося под псевдонимом Я. Белевский, мы не удостоили ответом. За нас это сделали десятки и сотни служащих — военных и штатских, которые за небольшой срок перешли от немцев к партизанам Пятой бригады, имея на руках приказ партизанского штаба, как самый надежный пропуск.

Буквально в первые же после приказа дни двенадцать солдат РОА, уничтожив двух немецких офицеров, прихватив автомат, винтовки и два пулемета, пришли в отряд Скородумова.

Шестнадцать финнов, охранявших мост на Варшавской железной дороге, уничтожили трех офицеров и с оружием прибыли в полк Тараканова. Сюда же пришла группа рабочих телефонной станции Рапти (под Лугой), предварительно взорвав телефонный коммутатор и генератор на электростанции.

Семеро рабочих, обслуживавших одну из немецких частей в Сольцах, повредили железнодорожный путь и вооруженные прибыли в отряд Иванова.

Всего с приказом штаба пришли в Пятую бригаду свыше четырехсот человек, нанеших тот или иной урон немецко-фашистским захватчикам, урон, который тщательно проверялся мощной «дальнобойной» партизанской разведкой.

А моральные потери, понесенные фашистами! Ведь их не учтешь, но они были, так как листовка проникла в сотни гарнизонов.

Как бы в ответ на карканье фашистских подпевал из дновской редакции, священник Илеменского

прихода в те дни собрал среди верующих семь тысяч рублей в фонд строительства танковой колонны «Ленинградский партизан».

Весточки из дому

Отряды и полки бригады непрерывно пополнялись за счет военнопленных. Однако за колючей проволокой фашистских лагерей содержались еще тысячи советских офицеров и рядовых солдат, переносивших неимоверные тяготы и гнусные издевательства немецких разбойников.

Партизанская разведка никогда не оставляла без внимания советских военнопленных. Но на этот раз у Карицкого и Сергунина возникла мысль показать военнопленным, что они своими силами могут вновь обрести все права воинов советской земли, покончить с рабской, беспросветной жизнью у немцев.

Эта мысль была очень проста по замыслу: пусть бывшие военнопленные, примкнувшие к партизанам, напишут письма домой своим родным и близким. Штаб бригады, принимавший в немецком тылу самолеты с посадкой, быстро направит эти письма в советский тыл. Таким же путем будут доставлены и ответы. Каждый партизан знал номер полевой почты бригады и не забывал указывать его в письме к родным.

Вскоре стали приходить ответы. Комиссар бригады через политработников полков и отрядов собрал часть писем партизанам от родных и принес в редакцию. Тут же была написана листовка, адресованная советским военнопленным. Она не включена ни в один сборник партизанских листовок, поэтому я привожу ее полностью.

«К советским военнопленным.

Товарищи! В этой листовке речь идет об одной группе военнопленных, бежавших из лагерей к партизанам.

По полтора-два года они томились в фашистском плену. Тяжелым кованым сапогом дробили им челюсти холеные немецкие офицеры. А до дому родного далеко. Там — жены, детишки, старухи матери, сестры... Они тосковали по мужьям, отцам, сыновьям и братьям. Напрасно годами ждали они весточки. Из плена, с немецкой каторги не дожدهшься писем от родных.

Василий Богданов, Николай Бурков, Федор Петин, Яков Коненков, Иван Стругалев, Федор Батулов и многие другие решили вырваться на волю. Бежав из лагеря, они примкнули к партизанам. Командир и комиссар партизанского отряда от имени Родины вновь вручили им оружие. Бывшие пленные перед сомкнутым строем старых партизан дали клятву верности партизанскому долгу. Они храбро сражаются с врагом. Они помнят о своих детишках, о женах и невестах, о родителях. Полетели весточки домой, на родину. Родные получили долгожданные письма. Сколько радости принесли они! Многие новые партизаны уже получили ответы от родных из советского тыла. Вот выдержки из некоторых писем:

«Дорогой крестный Иван Иванович! Уведомляю тебя, что письмо твое получили и враз от сердца тысячелудовый камень отвалился. Теперь знаю, что три сокола ясных живы. Адя — на передовой, а брат Никита пока на Дальнем Востоке».

«Здравствуй, дорогой Вася! Получила от тебя письмо и теперь как на крыльях летаю. Такая радость, что и не выскажешь. Наши дети — Оля, Геня и Валя — целуют тебя и обнимают. Ждем тебя с победой домой».

Партизаны пришли.
Фото В. Капустина.

Суд над предателем Родины. 1943 г.
Фото В. Капустина.

Вручение медали «Партизану Отечественной войны» развед-
чику священнику Федору Пузанову
Фото В. Капустина

Дети лесного лагеря. 1943 г.
Фото В. Капустина.

«Прощай, любимый город!»
Фото В. Капустина.

Заготовка леса для саперов Красной Армии. Тыл врага. 1943 г.
Фото В. Капустина.

Провода тоже понадобятся... Тыл врага. 1943 г.

Фото В. Капустина.

Пятая Ленинградская партизанская бригада входит в город-герой Ленинград. Март, 1944 г.

Фото В. Капустина.

Командир бригады К. Д. Карицкий отдает рапорт начальнику Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитину. Ленинград, 1944 г.

Фото В. Капустина.

«Дорогой и любимый наш муж и отец! Мы живем хорошо, трудимся в колхозе. Хозяйство наше в порядке, есть корова, 4 овечки, бык, 11 гусей, много хлеба, картошки, табаку, овощей. Живем — нужды не видим. Получаем от государства деньги за тебя».

«Здравствуй, любимый брат Коля! Получила твое письмо и как будто встретила с тобой. Коля, бей гадов-немцев, отомсти им за все — и за меня, и за себя, и за Родину. Скоро придет конец проклятому Гитлеру».

Из далеких рязанских, тамбовских, уральских и приазовских сел и станиц получили бывшие пленные письма от родных впервые за полтора-два года. На сердце радостней, когда знаешь, что дома все в порядке, рука крепче сжимает винтовку, зорче становится глаз.

Советский военнопленный, разогни спину! Посмотри на восток. Видишь, всходит солнце Победы! Это твои братья и отцы, твои товарищи гонят немецких гадов с родной земли. Это воины Красной Армии ведут победный бой с фашистами, защищая жизнь своей любимой жены, своих детей, жизнь своих стариков родителей.

Воспрянь духом, русский человек! Бей немецкую охрану, беги из лагерей, иди к партизанам. Включайся во всенародную борьбу с немецкими захватчиками!

Помни о своем воинском долге, о красноармейской присяге и немедленно поднимай оружие против немецкой погани. К борьбе тебя призывает Советская страна! К борьбе призывают тебя жена, мать, дети.

Красные партизаны. К., С.».

Эту листовку в деревнях Каменка и Болотско мы напечатали тиражом пятьсот пятьдесят экземпляров.

Тогда же осенью 1943 года попала листовка в советский тыл и политуправлением Волховского фронта (или опергруппой штаба партизанского движения) была размножена и с самолетов сброшена в немецкий тыл. Попала она и к нам, чем мы были искренне обрадованы.

Великое дело — письмо из дому. Шлет ли родительское напутствие обрадованная мать, целует ли мысленно жена, дети или любимая, — видит воин свой далекий родной край, свой город и улицу, свою деревню, чувствует запах родной земли...

— Два с лишним года ни я не слал домой весточки, ни мне никто не писал, — говорил, волнуясь, Федор Никифорович Петин, уроженец Переволоцкого района Чкаловской области. Двадцать месяцев я был в плену. Испытал на своей спине все, чем богаты фашистские палачи. Да что об этом говорить! 21 апреля 1943 года бежал из Псковского лагеря, а 4 мая уже был в Пятой бригаде. Вуюю. А тут такая радость — гора писем. А я-то послал маленький «треугольничек», думал, то ли дойдет, то ли не дойдет... Дошел мой «треугольничек», в точку попал. Отвечают мне мать, брат — председатель колхоза «14-й год Октября», другой брат — бригадир тракторной бригады. жена с детишками... Пишут и товарищи, с которыми строили колхоз. А мое неказистое письмо всей деревней читали. Бабы плакали. Шутка сказать, два года от меня ни одной вестки, а тут возьми — жив, здоров. того и вам желаю...

Петин отлично сражается. Он вообще человек неунывающий, а сейчас из него так и брызжет какая-то шальная жажда жизни, энергия, неистребимое стремление к победе.

Нет, что ни говори, а с письмами для партизан.

особенно для бывших военнопленных, — это здорово придумано!

Жизнь в бригаде шла своим чередом. К главному штабу то и дело подъезжали верховые. Сбрасывая поводы на изгородь, разведчики спешили к командиру, докладывали, что и как. Людно у политотдела. Посланцы из полков, лесных лагерей, где жили «мирные», ждали очередной листовки, сводок Совинформбюро...

А тут из советского тыла прилетели два кинооператора — Романенко и Короткин. Боевые ребята. Это заметно сразу. И по тому, как они представились командиру и комиссару, и по тому, что бои партизан, которые им предстояло снимать, кинооператоры называли «работой».

Что ж, хватит дела и для кинооператоров. Вместе с синоптиком Сварчевским, фотографом Капустиным, корреспондентом газеты Ленинградского партизанского штаба Зениным они составили дружную группу под охраной ездового Володи.

Эту группу бригадные остряки назвали «Артель низкая облачность». Ребята не обижались. Самым старшим из них был ученый-синоптик — предсказатель погоды — Виктор Николаевич Сварчевский, тот, что летом, прыгая с самолета, приземлился на высокую осину. Еще по этому поводу шутили тогда, что все простые смертные приземляются, а Витя-синоптик «приосинился».

Комсомольское племя

Молодые партизаны Пятой бригады имели на своем счету немало славных дел. Их не всегда выделяли из общей массы бойцов. Да и бороды кое-кого превраща-

ли из юнцов в зрелых мужей. Но полки в основной своей массе состояли из людей в возрасте до двадцати четырех лет. Командиру полка Володе Егорову в 1943 году не было еще и двадцати. А комиссару бригады И. И. Сергунину в ту пору «стукнуло» лишь двадцать семь.

Это не значит, что в бригаде не было старичков. Были. Они являлись как бы цементом, который связывает кирпичи в прочной стене. Но сейчас не о них речь.

...29 октября — день рождения комсомола. В 1943 году Ленинский комсомол отмечал 25-ю годовщину своего существования. Готовились и мы отметить эту дату. Заместитель комиссара бригады по комсомолу Егор Бабенко метеором носился по полкам и отрядам, «потягивал вожжи», как он шутил.

Егор, а по документам Георгий Авксентьевич Бабенко, — украинец. Высокий ростом, чуть-чуть сутуловатый, с виду медлительный, Егор был словно начинен взрывчаткой: подожги — и взорвется. Вот комиссар нет-нет да и «поджигал» его.

Придет Егор вечером в редакцию, усядется в сторонке и гутарит с приметным украинским акцентом о том, о сем. До ранения и госпиталя, после чего он был направлен к нам, Бабенко воевал в составе отрядов Ковпака. Любил Егор вспоминать былое.

В конце октября Егор приложил много усилий для того, чтобы собрать бригадную комсомольскую конференцию. Не собрание, а конференцию. Собирать бригадное собрание — вещь немислимая, это надо оголеть все полки. И делегаты пробирались к месту сбора с трудом, с боями. Опять же нельзя было «показывать» всех подпольщиков. Это — особые люди и на особом положении. Их даже инициалами открыто в

нашей газете не обозначали. Так диктовали обстоятельства.

Как бы там ни было, а 29 октября — в день рождения комсомола — в небольшом зале школы в селе Ейдони Уторгошского района открылась бригадная комсомольская конференция. Собрались молодые бесстрашные орлята. Вокруг школы — охрана. Где-то идет бой, где-то летит под откос очередной вражеский эшелон. Сосредоточены лица делегатов. Все вооружены. Ни гардеробов, ни буфетов, ни оркестра. Но песня, песня все равно звучит и берет за душу: «Орленок, орленок...»

Посланцы большой армии партизанской молодежи рассказывали, как они отметили двадцатипятилетие Ленинского комсомола.

К конференции и в ознаменование комсомольского юбилея мы выпустили специальный номер газеты «Партизанская месть». Комсомолки, работавшие в партизанской типографии, Дуся Чехенцова, Зоя Алексеева, Нина Маркова хорошо потрудились. Даже при наших скудных возможностях «шапка» номера: «Комсомольцам и комсомолкам — слава! Вперед на врага, не зная усталости и страха!» — была напечатана красной краской, что придавало газетному листку праздничный вид.

Отважная комсомолка Елена Виногорская поведала собравшимся о том, как накануне годовщины комсомола отряд Самохи, в составе которого она сражалась, незаметно подошел к Варшавской железной дороге, разгромил железнодорожную будку, где скопились немцы, охранявшие этот участок, и произвел пятнадцать взрывов на путях, покорежив рельсы и шпалы. Подрывниками руководил командир разведки отряда комсомолец Портнов. Рядом рвала рельсы группа ком-

сомольцев из отряда Сидорова. В результате этой смелой диверсии за одну ночь было выведено из строя около пяти километров железнодорожных путей.

Немцы опомнились и начали стрелять, когда партизаны уже отошли от железной дороги. Ни та, ни другая группы подрывников не имели потерь.

И так один за другим выходили парни и девушки к столу президиума, покрытому кумачом, и вели речь о том, что сделано и что надо сделать. Как будто все обыденно, все как в доброе мирное время. Только в речах ораторов не гектары земли и пуды хлеба, не тонны стали и проката, а головы поверженных врагов, километры разрушенных дорог, количество пущенных под откос фашистских эшелонов.

К этой конференции только комсомольцы полка Чебыкина уничтожили до пятисот солдат и офицеров противника, пустили под откос двенадцать вражеских эшелонов с живой силой и техникой, взорвали сорок мостов.

...Вспоминаются многие бои, трудные походы, успехи и поражения. Вспоминается, как комсомолец Николай Плотников бросился на немцев, подобранных к спящему партизанскому лагерю. Он бил фашистов, не склоняя головы, уничтожил своим автоматом до десятка солдат, дал возможность товарищам повести наступление, выгнать непрошенных гостей на болото, окружить и уничтожить поголовно.

Коля Плотников, веселый, жизнерадостный паренек, погиб в том бою в Дертинских болотах. Комсомольцы отряда схоронили его с должными почестями, провели на его могиле собрание.

— Коля Плотников — мой сосед, — говорил на конференции комсомолец Удальцов. — Оба мы с Парфинского завода, из-под Старой Руссы. Отец Плотнико-

ва — активист. И дети — в отца. Брат Коли тоже партизан, погиб в бою под Сосницей. Теперь мы потеряли Колю. На его могиле я дал клятву: не утрашусь ни перед каким немецким гадом, выучу всех комсомольцев своего отряда подрывному делу. Будем мстить за святую кровь героев-партизан, погибших в боях с фашизмом.

На счету комсомольца Николая Плотникова ко дню его гибели были четыре немецких эшелона, пущенные под откос его рукой. Больше ста раз он ходил в разведку, и всегда с успехом.

На конференции назывались имена десятков других комсомольцев-партизан, отлично несущих свою нелегкую службу в тылу врага. Владимир Таразевич, Александр Николаев, Владимир Егоров, Алексей Жиганов — люди, презревшие смерть ради жизни Родины.

Говорили и о недостатках, о больших и малых просчетах в комсомольской работе. А как же иначе? Все понимали, что борьба в тылу врага не окончена, что она связана с огромными трудностями и эти трудности надо преодолевать. Ведь в партизанских условиях любая ошибка неминуемо связана с потерями не только в собственных рядах, но и среди мирных жителей.

Хорошо на конференции сказал комиссар бригады Сергунин:

— Мы с вами — солдаты. Направьте свою волю и силы на воспитание у каждого бойца воинского долга, воинской дисциплины. Гоните от себя расхлябанность, неорганизованность, зазнайство. Они такие же наши враги, как и немцы.

Кое-кто из делегатов заметно поеживался при этих словах. Но куда денешься? Есть и зазнайство, есть кое у кого и хвастовство.

А комбриг Карицкий упрекнул комсомольцев в том,

что они слабо организуют невооруженную борьбу молодежи с немецкими захватчиками.

— Людей вокруг нас много, а винтовок и взрывчатки мало, — говорил Карицкий. — Надо уметь находить выход из положения, в ходе вооруженного восстания вовлекать поголовно все население в борьбу против фашистов.

...Уже угасал пасмурный осенний день. Вдали громыживали то ли взрывы фугасов, то ли пушки. Комсомольцы разъезжались по своим полкам и отрядам. Завтра с утренней зарей — снова в бой, в разведку, на железную дорогу.

Немецкая бумага и русский шрифт

Осень. Все ее ранние красоты были уже позади. Давно исчезла позолота с берез, прошел листопад. Дожди льют и льют. Партизаны обеспокоены. Их тревожило отсутствие летной погоды. Самолеты из советского тыла пробивались очень редко, а боеприпасы нужны ежедневно. Растет и количество раненых.

У нас, газетчиков, добавочные заботы. На счету уже каждый лист бумаги. Приходится уменьшать и без того маленькие тиражи газеты и листовок. Да и типография «Лилипут» с ее мизерным шрифтовым хозяйством становится явно мала.

Командир и комиссар отдали приказ бригадной разведке: ни с одной операции не возвращаться без бумаги, добыть русский шрифт.

Трудно сказать, были ли еще в истории партизанского движения случаи, когда обеспечение работы типографии ставилось в качестве боевой задачи. У нас это было именно так.

И потекли к нам, извлекаемые из вещевых мешков или просто из-за пазухи, свертки самой различной бумаги, начиная от лучших ее сортов и кончая обоями. Сразу поправились наши типографские дела. Увеличился тираж «Партизанской мести» и листовок.

В первых числах ноября в одну из темных и дождливых ночей, когда штаб бригады располагался в деревне Покровское Уторгошского района, вестовой передал мне приказ явиться в штаб. Пошел немедленно, не догадываясь, зачем вызвали.

В просторной крестьянской избе полно народу — разведчики, связные, радисты. Комиссар бригады Сергунин показал мне на два мешка под скамейкой и коротко пояснил свой жест:

— Шрифт!

Тут я заметил среди довольно большого скопления людей ладную, коренастую фигуру разведчика Мити Соколова. Парень он не из трусливого десятка, и я знал, что он мог с успехом добыть не только шрифт, а кое-что и побольше. Начал благодарить Митю. А комиссар говорит:

— Ты погоди, погоди благодарить Соколова. Это верно, он молодец. Но есть тут и молодлица.

Я и не обратил внимания на скромно прикорнувшую в углу девушку.

— Нина Маркова, — отрекомендовал ее комиссар. — Знакомьтесь. Нина — дочь дновского железнодорожника. В начале войны, когда немцы захватили Дновский узел, отец оказался в дальней поездке на восток. Нина, только что окончившая десятилетку, и старушка мать не смогли эвакуироваться и вынуждены были остаться. Куда пойти, что делать? Ведь есть-пить надо.

Маркова и ее подруги, узнав, что в Дно немцы на-

чинают выпуск русской газеты, пошли наниматься в типографию. Спросы, расспросы, проверка «благонадежности», другие формальности, и девушки зачислены на различные должности — кто ученицей печатника, кто в наборный цех, кто в переплетный. Нина стала учиться на печатницу.

Осмотрелись девушки, понемногу стали привыкать и к обстановке, и к тому, что русские из начальства без немцев шагу не могут ступить. Не только рабочими, но и редактором газеты «За родину» командовали редактор выходившей там же немецкой газеты «Нахрихтенблатт» Людвиг Гайгер и его помощник Иоганн Фрейтах.

Скоро в типографии привыкли к стайке смиренных и скромных галчат. Они пунктуальны в работе, дисциплинированы, не выкидывают противных «новому порядку» коленец.

А «галчата» тем временем узнали, что есть в Дно и подпольщики, что есть где-то и партизаны... Воочию увидели, что такое «новый порядок» и кто из предателей чего стбит.

Конечно, много времени прошло, пока девушки осознали необходимость активных действий. Во всяком случае, к весне 1943 года Нина Маркова и ее подруга Зоя Филимонова убедились, что при заступлении на смену и при уходе из типографии их перестали обыскивать. Ночью в русском отделении типографии, там, где они работали, шрифт открыто лежал в гранках на талере — специальном типографском столе. И, уходя с вечерней смены, Нина и Зоя стали брать в карманы по маленькой гранке шрифта, связанной шпагатом, как это обычно делается при ручном наборе. А дома, на огородах, закапывали шрифт в тайники, ни с кем пока не делаясь своей тайной.

Уже летом они по заданию подпольщиков достали и типографскую краску, и бумагу. Кстати, часть той бумаги поступала через подпольщиков к нам.

Когда в октябре вокруг Дно вспыхнуло вооруженное восстание народа, когда фашисты стали силой угонять советских людей в неметчину, молодежь Дно получила разумный совет: уходить к партизанам.

Вот тогда-то, выполняя приказ командования, наша разведка и доставила Нину Маркову и Зою Филимонову в штаб Пятой бригады. Они принесли с собой около двух пудов шрифта — отличного русского «корпуса».

Нина из «исправной» немецкой печатницы превратилась в отличную партизанскую наборщицу.

В первых числах ноября комиссар направил в типографию квалифицированного наборщика, бежавшего из немецкого плена, а немного спустя появилась у нас Галя — уторгошская девочка, дом которой спалили немцы.

Теперь типография стала «солидным» партизанским предприятием. Рафаил Высоканов получил в свое распоряжение три лошади с упряжью. Он буквально разрывал себя надвое, чтобы обеспечить хозяйственные дела по редакции и не дать в обиду лошадей, которых по своей крестьянской природе любил, холил, чистил, кормил, дал им клички, разговаривал с ними и уверял всякого, что «лошадь умнее любого человека».

Наличие «конного парка», груз, который ценился очень высоко, и немалые дополнительные хлопоты по хозяйству как-то приподняли Рафаила в собственных глазах. Он уже нет-нет и прикрикнет, бывало, на девчат: дескать, варить варите, печка ваша, а в остальные хозяйственные дела попусту да еще с советами не лезьте... Что ж, может, по-своему, он и был прав.

И вновь заговорили пулеметы

Немцы решили вконец испортить нам Октябрьские праздники. В последних числах октября крупные подразделения фашистов и власовцев, поддерживаемые танками и артиллерией, повели массированное наступление на бригаду.

В ожесточенном бою у деревень Сторонье и Болотско партизаны подбили два танка и несколько бронемашин. Отличился бронебойщик егоровского полка Щербаков. Он поджег первый танк и показал, что партизаны и с танками справляются. Из Сторонья немцы были выбиты полком Чебыкина. Но от деревни остались одни головни да одиноко торчащие печные трубы.

Бои продолжались 1, 2, 3 ноября и вплоть до праздников. Немецкая артиллерия обстреливала деревни Долговку, Шарово, Стобольшк. Они задумали выбить партизан из основных баз, выбить из районов, которые уже не подвластны фашистам, где установлена и действует Советская власть.

Комбриг Карицкий, как всегда, умело и гибко применял маневр. Но недоставало боеприпасов.

4 ноября начался бой за большое уторгошское село Видони. Оборону держал полк Егорова. Атаки немцев продолжались с утра и до поздней ночи. Карицкий и Сергунин — там, в цепях партизан. Видонская церковь с ее каменной оградой превратилась в партизанскую крепость. Карицкий, несмотря ни на какие увещевания, несмотря на легкое пулевое ранение, ходил в полный рост, командовал боем. Народ наэлектризован, каждый рвался в схватку. Но патроны были на исходе.

И командиры, и рядовые партизаны прекрасно понимали, что надо держаться во что бы то ни стало, что

позади огромное село, несколько тысяч советских людей, старики, дети, раненые. И не пустили фашистов в Видони, пока народ не ушел и не забрал с собой имущество.

6 ноября егоровцы дрались четырнадцать часов подряд. Егоров и Руднев осунулись, почернели... Немцы, сблизившись с партизанской цепью на сотню метров, кричали:

— Егоровцы, сдавайтесь! У вас же нет патронов...

Егоров, напрягая всю силу легких, отвечал:

— Сволочи, у нас патронов хватит, чтобы каждому из вас пробить череп!

А патронов у него действительно не было.

Ночью крестьянин деревни Новоселье Уторгошского района И. В. Волков через сына Михаила — партизана егоровского полка — и Николая Спиридонова из деревни Рямешка доставил Егорову и Рудневу семнадцать ящиков патронов.

Утром 7 ноября заработали в полную силу партизанские пулеметы и винтовки. А по цепи из рук в руки шла напечатанная красной краской листовка:

«Смерть немецким захватчикам!

КИЕВ — НАШ!

Новая крупная победа Красной Армии!

6 ноября войска Красной Армии штурмом овладели столицей Украинской ССР городом Киев.

Вся советская страна салютует героям Красной Армии, одержавшим еще одну крупную победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Русские люди! Партизаны и партизанки! Еще крепче удары по врагу! Бейте проклятых фашистов днем и ночью, очищайте советскую землю от немецких разбойников!

Храбрым воинам Красной Армии, освободившим родной Киев, наш партизанский праздничный привет и слава!

6.IX 1943 г. К., С.»

Это сообщение из Москвы поздним вечером 6 ноября принял по радио «всебригадный» радист Лева Миронов, а ночью мы набрали и отпечатали пятьсот листовок.

Надо ли говорить, с каким воодушевлением встретили партизаны и все население эту радостную весть! Освобождена первая из оккупированных фашистами столиц наших союзных республик. Красной Армией нанесен немцам еще один сокрушительный удар. Это прибавляет сил партизанам, вселяет в сердца каждого советского человека уверенность в близкой победе.

А бой кипел, не утихая, и в день XXVI годовщины Октября. Все население из сел Киевец, Видони, Покровское, Стобольшк и других укрылось в лесах и спаслось от угона в рабство.

Четырнадцать танков прокладывали на этот раз дорогу гитлеровским душегубам. Но и они не помогли. Грозной стеной встал вооруженный народ против фашистов. Советские люди отдавали партизанам все, чтобы они били захватчиков. Нашлось у мужиков и много оружия. В те памятные дни только крестьянин Коркин из Солецкого района передал вновь организованным партизанским отрядам семь ручных пулеметов, много винтовок, патронов и даже 45-миллиметровую пушку.

Под орудийным обстрелом мы в срок выпустили праздничный номер газеты «Партизанская месть», рассказали в ней о ходе боев, которые ведет Красная Армия, о героях-партизанах, о том, что бригада

Карицкого и Сергунина только за последние дни разрушила два железнодорожных и восемь шоссежных мостов, пустила под откос три немецких воинских эшелона и один бронепоезд. Крушение бронепоезда — дело рук группы одного из храбрейших партизан Александра Николаева. Это была его четвертая крупная диверсия на железной дороге.

За эти же дни полки бригады разгромили железнодорожный полустанок и три крупных немецких гарнизона, уничтожили большое количество живой силы противника, подбив при этом два немецких танка.

В боях партизан против карательной экспедиции конца октября и начала ноября немецко-фашистским захватчикам и их прихвостням нанесен кроме материального большой моральный урон. В самом деле, ведь они «с победой» занимали лишь пустые деревни и отличались главным образом в том, что со всех сторон пускали в эти деревни «красного петуха», стремясь хотя бы на этом выместить свою звериную злобу.

Верно, мы тоже имели потери. Многие товарищи получили ранения, другие сложили свои головы. Убит под Видонями смелый и находчивый пулеметчик Алеша Жиганов, начавший партизанить еще мальчишкой в первый год войны в Поддорском отряде. Но каждый партизан, павший смертью храбрых, дорого отдал врагу свою жизнь.

Комбриг целует знамя

Еще 3 ноября в село Покровское прилетели представитель Ленинградского штаба партизанского движения А. Ф. Михайлов и поэт-партизан И. В. Винogradов. Это совпало с началом ноябрьских схваток с карательной экспедицией. Они привезли знамя Ле-

нинградского штаба партизанского движения, которым награждена бригада за спасение советских граждан от угона в Германию.

Но когда и где вручить знамя, если полки в непрерывных боях, а штаб бригады ежедневно, иногда дважды в сутки, перемещается из деревни в деревню.

Текст письма ленинградцам размножили в нескольких экземплярах. Гонцы повезли письмо по отрядам, по лесным лагерям. Тысячи людей обсуждают его, подписывают. А каратели жмут и жмут, получают по зубам, откатываются и снова лезут напролом...

...Деревня Ручьи. Вечер 8 ноября. Смеркалось. Вокруг, насколько хватал глаз, пылали пожарища. Бой поутих. На небольшой площадке у дома, где разместился штаб бригады, собрались сотни четыре партизан. Тут были представители всех полков.

Михайлов вручил знамя. Комбриг Карицкий, преклонив колена, поцеловал край алого полотнища.

Ни пышных речей, ни стоголосой меди оркестра. Только в торжественной тишине прозвучало и эхом отдалось одно слово: «Клянемся!» Вспорола осеннее небо короткая очередь из двадцати автоматов да Иван Виноградов прочитал короткое боевое стихотворение.

На следующий день Михайлов и Виноградов улетели и увезли письмо ленинградцам.

Огнем и мечом

Кто воевал у немцев в тылу или просто жил на оккупированной территории, тому не надо говорить, что такое фашистская карательная экспедиция. А во время тщательно организованных наступлений на партизан захватчики удваивали и утраивали свою разрушительную энергию. Подпрягая силы предате-

лей, фашисты один перед другим изощрялись в зверствах.

Пленный немец показал: «Имеем приказ отбирать хлеб, скот, полностью сжигать деревни».

Все, конечно, и без этих откровений знали, что есть такой людоедский приказ. Знали и о том, что творили фашисты с нашим народом, предчувствуя свою неминуемую гибель.

В итоге ноябрьской карательной экспедиции в селе Видони чудом осталась не сожженной полуразрушенная школа, а в Киевце — три дома на окраине. За несколько дней немецко-фашистские захватчики только по трем районам — Уторгошскому, Стругокрасненскому и Плюсскому — целиком уничтожили свыше тридцати деревень, спалили жилые дома, надворные постройки и даже бани и риги. Больше всех пострадал Уторгошский район.

Известно, как трудно было старикам расставаться с насиженным, обжитым местом. Цепкая сила привычки держала их, знакомый с детства запах родного гнездовья вселял в старые сердца чуть заметный проблеск надежды: «Авось минет нас чаша сия, может быть, немцы и пожалеют старика». И когда народ уходил в леса, многие старики оставались в подвалах домов, в сараях, картофельных ямах, лишь бы быть тут, дома, у своего очага.

Но враг не щадил ни старого, ни малого. Ни бывлые набеги кочевников, ни одно нашествие иноземцев на нашу землю не принесли столько страданий и горя, сколько принесли фашисты.

Григорий Фомин — дряхлый старик из деревни Киевец — в страшных пытках получил смерть от руки карателя. На пепелище нашли его тело, исколотое штыками и исполосованное ножами. В Видонях со-

жгли живьем Марфу Лукину 75 лет, Степаниду Родионову 90 лет, больного Александра Петрова 60 лет. В деревне Сторонье вместе с домами сожгли семьи Савушкиных и Ермолаевых, замучили и расстреляли десять стариков и старух.

В жестоких, бесчеловечных расправах с беззащитными людьми гитлеровцы навеки покрыли себя позором.

И детям нет пощады

Многие советские дети носили оружие и состояли в рядах партизанских отрядов.

Петя Гурко, о котором рассказывалось в начале этого повествования, Витя Шилов, вступивший в нашу бригаду уже в 1943 году и ставший всеобщим любимцем, десятки их сверстников — двенадцати-пятнадцатилетних ребят — гордились званием красного партизана. По-отцовски оберегаемые старшими, они участвовали в боевых операциях. Виктор Шилов не раз подрыл рельсы на железной дороге и по-детски доволен был тем, что он тоже дает «партизанский концерт». В боях и походах Шилов ни на шаг не отставал от комбрига, считая себя его первым связным.

Напряженная боевая обстановка, трудности и лишения партизанской жизни не пугали самых юных бойцов.

Теперь они уже взрослые люди. Им есть что вспомнить. Петр Гурко, Виктор Шилов и многие другие юные тогда партизаны носят на груди правительственные награды — знаки доблести. Витя Шилов еще в немецком тылу получил медали «Партизану Отечественной войны» I степени и «За оборону Ленинграда».

Дети на оккупированной земле...

По осени пришли мы в деревню Боротно Струго-красненского района, разместились по избам. В доме, где определились политотдел и редакция, кто-то обратил внимание на пулевые отверстия в стене. На светлых, выгоревших от времени обоях четко проступали контуры человеческой фигуры.

Спрашиваем у хозяйки—Матрены Ивановны Яковлевой, что означает эта «выписанная» пистолетом фигура? Вихрастый одиннадцатилетний Генка, свесив с печки белобрысую голову, перебивает мать, которая хотела начать рассказ, и кричит:

— Мама, мама, я расскажу!

Гена проворно спрыгнул с печи и по-детски, с присущей ребенку непосредственностью поведал нам:

— Мы с мамой и тетей Лелей сидели у соседки. Дом был закрыт на замок. Вдруг видим, к крыльцу подошли фашисты и начали ломать замок. А один пьяный уже снял с окна раму и влез в избу. Когда я прибежал, немцы хозяйничали. Один вытряхивал в ранцы последние наши крохи, другой шарил в сундуке, третий ни с того, ни с сего начал бить посуду. Тут прибежала мама.

«Что же вы делаете, люди вы или нелюди?..»

А пьяный переводчик говорит:

«Вы собираетесь к партизанам в лес? Мы вас не пустим в лес».

Мама заплакала.

Потом фашист кинул меня на лавку и заорал, что разведчика он расстреляет. Они всех пацанов считали партизанскими разведчиками.

Мама еще больше заплакала. А фашист упер мне дулом в лоб автомат, придавил к стенке голову. Из ранки на лбу потекла по лицу кровь.

«Что же вы делаете?» — кричала мама.

А фашист закинул за плечо автомат, вытащил пистолет и начал стрелять вокруг моей головы и плеч. И вот...

Мальчик показал на стену.

— Потом они ушли. Погромили всё — и ушли. А я и не плакал. Мама и тетя Леля плакали, а я нет, вот ни слезиночки...

О трагедии деревни Горушка Юрковского сельсовета Дновского района я впервые услышал из уст двенадцатилетнего мальчика Жени Игнатьева.

...Холодная ночь. На теплой лежанке сидит, скорчившись, Женя. Взгляд его блуждает по избе, следит за каждым движением ее обитателей — партизанских газетчиков.

— Вот из разведки принесли ребенка, — докладывает Рафаил Высоканов. — Комиссар говорит: побеседовать с ним надо бы, пока не отправили...

Побеседовать с Женей не так-то просто. Он еще весь во власти пережитого кошмара. Судорожные движения, не по-детски напряженный взгляд. Мальчик все еще не верит, что он спасен. Тепло, ласка, доброта окруживших Женю людей понемногу раскрывали детскую душу. И Женя, сбивчиво, то и дело останавливая взор на какой-то одной точке, начал рассказывать:

— Они ворвались на больших машинах. Не выпускали из деревни никого. А кто пробовал бежать, стреляли. Деревню сразу подожгли. А потом... А потом погнали нас в поле. Всех. С ребятами. Столкали в глубокую траншею. Как попало. Потом начали сверху стрелять. Долго стреляли. Я ничего не помню. Ночью папа, раненный в ногу и грудь, и дядя вытащили меня, и мы пошли кустами, кустами. А потом нашли нас партизаны...

Крупными горошинами катились слезы по исхудавшему личику. Бесчеловечно было бы продолжать с Женей разговор: воспоминания для него становились пыткой.

Разведчики, подобравшие Женю, его отца и дядю, рассказали, что из ста пятидесяти жителей деревни Горушка, включая и грудных младенцев, спаслись четверо. Женю в траншее прикрыл собой отец; дядя оказался на самом низу, под несколькими рядами трупов. Когда кончилась кровавая оргия, немцы установили около траншеи охрану. Спустя много часов, уже под утро, сняли ее. Тогда живые выползли из-под мертвых и, крадучись, поползли в лес. Немногим раньше выбралась из этой могилы девушка, Ольга Семенова.

Всех спасшихся наши разведчики доставили в штаб бригады. Отцу Жени сразу же оказали медицинскую помощь. Его с Женей в ту же ночь отправили самолетом в советский тыл.

Изошренные издевательства гитлеровцев над советскими людьми, в частности над детьми, никогда не исчезнут из народной памяти.

Кроме зверских насилий фашисты применяли по отношению к детям и политику «пряника». Ох, как горек был этот «пряник»!

В поле зрения нашей разведки попал «детский приют» где-то в Порховском или Дновском районе. Для содержания в нем немцы отобрали около тридцати ленинградских ребятишек, застрявших здесь еще в первый год войны. Они летом 1941 года гостили у родственников и остались без родителей. Их-то и «облагодетельствовали» гитлеровские головорезы. Приставив к детишкам «нянечек», немцы начали обрабатывать ребят на фашистский лад.

Партизаны пресекли эту «попечительскую» дея-

тельность захватчиков. Дети были вывезены в расположение бригады, а после встречи с Красной Армией доставлены в Ленинград. Все ли они нашли родителей, трудно сказать. Но что ребята не потеряли мать-Родину, это великая наша победа, равная выигранному большому сражению.

Завопили разбойники

Полным провалом закончились для немцев и ноябрьская, и декабрьская карательные экспедиции.

Успехи Красной Армии, неудачи в боях по истреблению партизан породили у немцев новый приступ пропагандистской истерии. Громоподобные приказы больших и малых фюреров, подробнейшие инструкции по самым различным вопросам — об истреблении и угоне русских людей, о поджогах, о том, как вести себя немецкому солдату в той или иной обстановке, — все это сыпалось, как из мешка.

Еще во время боев с ноябрьской карательной экспедицией в руки партизан попал документ, который мы не могли оставить без внимания. 13 ноября 1943 года «Партизанская месть» в статье «Шила в мешке не утаишь» писала:

«Недавно управление обезьяны Геббельса издало «Наставление о пропагандистской работе немцев среди русского населения оккупированных районов Ленинградской области». Главная тема этого наставления — борьба со слухами...

Слухом земля полнится. Русский народ в оккупированных районах знал, что Красная Армия идет на запад, что скоро придет она в ленинградские города и села, что немцам несдобровать. Народ говорил об этом, несмотря на запреты немцев. И вот немецкие

словоблуды получили строгий приказ отрицать все и вся...»

«Русского человека не одурачишь, господин Геббельс, — писали партизаны. — На чужой роток не накинешь платок. Паутиной лжи и обмана не заштопаешь дырявых штанов главнокомандующего Гитлера. Получали вы по шее от русского солдата, получаете и еще будете получать. Ходят об этом упорные слухи...»

«Валерьяновые капли» Геббельса не помогали немецким солдатам. В своих письмах в Германию они все более откровенно признавали, что у завоевателей земля горит под ногами. А письма эти сотнями попадали партизанам.

Возвратившись живым из какой-то поездки, оберфрейтор Генрих Феснер писал своей жене:

«Это была поистине проклятая дорога. Теперь я своими глазами увидел, сколько мостов взорвали партизаны. Эти псы становятся невыносимо нахальными, а наши средства борьбы с ними крайне ничтожными».

Ему вторил фашист Роберт Кюд:

«Вчера партизаны совершили налет недалеко от нас. Они взорвали поезд, а потом завязался бой. Можешь себе представить, что осталось после этого. Не чувствуешь себя в безопасности, даже когда идешь в уборную. Страшные партизаны орудуют совсем близко от нас. Их силы исчисляются тысячами. Можешь себе представить, что получится, если они ворвутся в наш лагерь...»

Фриц Копиц жаловался своей возлюбленной:

«Дорогая Эдель, вот как живется в русском раю. Мы не имеем ни одной спокойной ночи с субботы до сегодняшнего дня, ибо эти проклятые партизаны приходят каждую ночь».

Безысходностью веяло и от признания генерал-фельдмаршала фон Кюхлера:

«Опасность нападений значительно возросла. За последнее время нападениям партизан подвергаются даже крупные гарнизоны».

Это настроения кадровых гитлеровских башибузуков. А «восточные подразделения» — «компании» владимирцев — с каждым днем таяли, как вешний снег, хотя на операциях их гнали в спину немецкие офицеры.

Бдительность и еще раз бдительность

Фашисты никогда не сдавали в архив свое тайное оружие — шпионаж. Теперь уже известно, как делили власть и грызлись между собой «Абвер», СС и СД. Однако все они имели одну общую цель: засылать к нам, в Советский Союз, как можно больше шпионов.

Такую же тактику применяли они в отношении партизанских отрядов и соединений. В первые два года войны, в особенности в 1943 году, гитлеровцы усиленно вербовали уголовников, неустойчивых элементов, всякую нечисть для того, чтобы они шли к партизанам с целью организации шпионажа.

Коварным замыслом гитлеровцев противостояла наша контрразведка, прочно опирающаяся на революционную бдительность советского народа, партизан, всех честных людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории.

В Пятой бригаде группу чекистов возглавлял Игорь Владимирович Авдзейко. Он прошел большую школу работы и борьбы в тылу врага, не раз был на волоске

от смерти. Живой, веселый и общительный с товарищами, сосредоточенный, строгий и всегда справедливый в работе, Авдзейко пользовался в бригаде исключительным уважением.

Надо сказать, что партизанские чекисты не ели хлеб даром. И днем и ночью они были на посту. Ими обезврежено немало скрытых врагов, засланных немцами в бригаду.

В первые месяцы существования Пятой бригады молодой чекист П. Дороненко выявил, что в одной из деревень проживает женщина, откуда-то приехавшая в начале войны. Несколько раз тайно от окружающих она встречалась с немецким офицером, изредка навещавшимся из Пскова.

Чекисты задержали и допросили ее.

Женщина показала, что действительно завербована немецкими разведорганами для сбора шпионских сведений. Оперативность чекиста и бдительность населения помогли обезвредить шпионку.

К партизанам засылались фашистами агенты и под видом людей, бежавших от немецкого произвола, и в виде очередного «пополнения», и даже под именем наших армейских разведчиков.

Чекистами была вскрыта и обезврежена группа немецких агентов, возглавляемая неким Клячко — изменником Родины, продавшимся гитлеровцам. Все участники этой группы окончили специальную разведывательную школу и до засылки в бригаду уже использовались немцами на отдельных шпионских поручениях.

Эта группа явилась к партизанам под личиной советских разведчиков, якобы потерявших связь с советским тылом и с Красной Армией. «Легенда» гитлеров-

цев была близка к реальности. Однако и это им не помогло. Шпионы были разоблачены.

Из чекистов, отличных помощников И. В. Авдзейко, нельзя не отметить П. Ф. Гриценко и В. Д. Загребалова, действовавших умело и всегда в тесной связи с народом.

Беспечность, ротозейство партизана — находка для врага. Поэтому партийные, комсомольские организации полков и отрядов вместе с чекистами и разведчиками неустанно воспитывали бойцов в духе высокой бдительности. Этому посвящались партийные и комсомольские собрания, специальные газеты и листовки, беседы комиссаров и политруков.

«Выше революционную бдительность!» — призывала газета «Партизанская месть» в номере от 4 декабря.

«Староста деревни Замушки Тимофей Павлов давно продан немецким фашистам, — писала «Партизанская месть». — Когда в деревню приезжали немецкие офицеры, Павлов ползал перед ними на коленях, лебезил и всячески услуживал. В одну из попоек в квартиру, где жили немцы, Павлов силой притащил трех русских девушек. Гитлеровцы надругались над девичьей честью. Одна из жертв немецких мерзавцев покончила жизнь самоубийством».

Павлов, страхась расплаты, скрылся из деревни, но продолжал усердно шпионить в пользу своих хозяев. Однажды появился он в лесном лагере соседней с Замушками деревни. Крестьяне немедленно сообщили об этом партизанам, но предатель снова улизнул, на этот раз в лес. Далеко он не ушел. Один из охотников повел партизан по следу Павлова. Предатель был пойман. Партизанский суд приговорил его к расстрелу.

Суд народа

Партизанский суд... Возник он в первые дни вооруженного восстания народа. Возглавляла суд Анна Дмитриевна Петрова — бывший председатель Великосельского сельсовета из-под Старой Руссы.

Это был поистине суд народа. Перед ним предстали предатели Родины, мародеры, грабители, все, кто лил воду на мельницу немецко-фашистских захватчиков.

Случайно примазавшийся к партизанам уголовник Шишканов был пойман с поличным на раскопке ям и краже имущества советских граждан деревни Болотско. Партизанский суд приговорил его к повешению. Приговор был одобрен всеми жителями деревни и там же, в Болотске, приведен в исполнение.

Большой отзвук в оккупированных немцами районах получил процесс над старшиной (бургомистром) Хрединской волости Стругокрасненского района Ф. И. Быстряковым*.

До войны Быстряков был незаметным бухгалтером МТС. С приходом оккупантов этот «тихоня» сразу же показал волчьи зубы. Он предложил свои услуги немцам и был назначен бургомистром. Два года служил фашистам в этой должности. Два года пресмыкался перед «хозяевами», шпионил, гнул в три дуги своих односельчан, предавал их гестаповцам и продавал в рабство.

И вот он перед судом народа. На открытой площади в деревне Лежно, отбитой партизанами у немцев, установлен стол. За ним — Петрова и два народных

* Материал о судебном процессе над Быстряковым дается по записи политрука М. Ломовского.

заседателя. На столе — автомат, как бы свидетельствующий о том, что борьба с врагом еще далеко не завершена. В окружении вооруженных партизан понуро стоит предатель Быстряков. Он с какой-то собачьей готовностью отвечает на вопросы суда, пытаясь смягчить свою вину тем, что работал, дескать, под немецкой плетью. Но каждое слово Быстрякова вызывает возмущение присутствующих. Они-то отлично его знают.

В свидетелях, желающих публично изобличить Быстрякова в совершенных им злодеяниях, нет недостатка.

К столу суда подходит мужчина преклонных лет. Он просит слова.

— Зовут меня Терентьев Иван Павлович. Мою семью немцы выселили из Демьянского района. Деревня Поречье Хрединской волости приютила нас. Спасибо добрым людям за братскую помощь. А Быстрякову проклятие. Он лучшего не заслуживает. Совсем недавно я откупился у Быстрякова от угона в Германию ручными часами. Но он от нашей семьи не отстал, пришлось до прихода партизан скрываться.

— Чтобы спасти сына от угона в Германию, — говорит С. Д. Дмитриев из деревни Лежно, — отдал Быстрякову гуся и барана, все, что у меня было из живности. Сами терпели нужду и голод. А Быстряков и его семья как сыр в масле катались. Это по его подлomu доносу немцы расстреляли за связь с партизанами нашего соседа Филиппа Ошанкова, у которого остались пятеро ребятишек мал мала меньше. На виселицу его, товарищи судьи справедливые!

И так каждый из двенадцати выступавших свидетелей.

Суд установил, что Быстряков ревностно выполнял все приказы и задания гитлеровского командования

по снабжению немцев питанием, теплой одеждой. Он поставлял фашистам рабочую силу и тягло. Быстряков отправил из волости более пятидесяти парней и девушек в Германию; семьдесят человек военнопленных и партизан им выданы немцам и расстреляны. Летом 1942 года Быстряков задержал двадцать два цыгана, которые здесь же были уничтожены фашистами. По его доносу расстреляны комсомольцы Глеб Боков и Сергей Виноградов.

Бесконечен список кровавых преступлений немецкого бургомистра предателя Быстрякова. В довершение ко всему Быстряков брал взятки, накладывал штрафы, которые шли в его карман, жирел и богател на поте и крови народа.

Кровопийца оказался хитрой лисой. Когда разгорелось вооруженное восстание, Быстряков вместе со взрослым сыном примкнул к одному из партизанских отрядов. Однако жители Хрединской волости вывели его на чистую воду.

«Голос погибших за свою Родину-мать, за ее честь и свободу, — говорилось в приговоре суда, — голос расстрелянных врагом комсомольцев, партизан, воинов Красной Армии, стон и слезы людей, томящихся на немецкой каторге, зовут нас, живых, к мщению и борьбе.

На основании неопровержимых данных Быстряков Ф. И. изобличен как активный пособник фашистов и враг советского строя. На этом основании он приговаривается партизанским судом к смертной казни через повешение. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Представители деревень Хредино, Лежно, Поречье, Залазы, Ситенка и других, входящих в Хрединскую

область, встретили приговор единодушным одобрением.

Тут же в деревне Лежно изменник Родины Быстрыков был повешен.

Крепнет власть народная

В декабре 1943 года Пятая бригада отразила очередную карательную экспедицию немцев. На этот раз против партизан были брошены свыше двадцати танков, много орудий и минометов. Двадцать дней шли непрерывные бои. Но фашистам не удалось сломить силу восставшего народа. Ни массированные обстрелы, ни полыхающие днем и ночью пожары, ни виселицы и расстрелы не принесли гитлеровцам лавров победителей.

Самым значительным успехом восставшего народа и его вооруженной силы — партизан было дальнейшее укрепление органов Советской власти в тылу врага, рост рядов партизанских подразделений, их воинская выучка.

В каких бы сложных, невероятно трудных условиях ни работали районные тройки и сельсоветы, нигде их деятельность не была прервана ни разу, даже несмотря на ожесточенные бои и налеты карателей. Органы Советской власти оберегал сам народ.

Широк был круг работы районных троек и сельсоветов. Прибавилось дел и у партизан, партизанских командиров и политработников. Ведь они не только не могли быть безучастны к окружающей жизни, а, наоборот, являлись ее главной движущей силой.

О том, чем занимались в ту пору командование бригады и руководители советских органов, свидетельствует перечень заголовков передовых статей газеты «Партизанская месть»: «Благоустроим жилье в

лесных лагерях», «Бережь сельхозмашины», «За строгий санитарный порядок», «Учитель, к тебе наше слово», «Бережно хранить семена», «Обеспечим каждого партизана теплой обувью и одеждой», «Отстоим родные села от немецких разбойников» и т. д.

Не было ни одного вопроса жизни и быта населения, который проходил бы мимо внимания районных троек, командира, комиссара и политотдела бригады.

Местные группы и отряды при тройках и сельсоветах не только бдительно охраняли народ от угона в фашистский плен, но и вели большую боевую работу: разрушали мосты и связь противника, проводили диверсии на дорогах, вели разведку, уничтожали живую силу и технику врага. Это уже были настоящие войсковые подразделения. О численности их можно судить хотя бы по тому, что только в отрядах Солецкой тройки к концу декабря насчитывалось 713 бойцов. Не меньшей силой располагали и другие тройки.

На боевой лад строилась и работа сельсоветов. Буйновский сельсовет Уторгошского района возглавлял Владимир Семенов (по кличке Голова). Примечательна «дипломатическая» переписка, возникшая в конце года между Буйновским сельсоветом и Уторгошской немецкой комендатурой.

Переводчик этой комендатуры рыжий Роберт был довольно широко известен, так как отличался особыми зверствами, лично участвовал в поджогах деревень Низы, Ракома, Болотско, Шарово, Покровское и других.

25 декабря Роберт прислал с посыльным приказ, адресованный Буйновскому волостному управлению. Предлагалось немедленно доставить семьдесят пять

кур для господ офицеров. А Буйновского волостного управления давно не существовало, оно разгромлено партизанами. Есть Буйновский сельский Совет.

Семенов с тем же посыльным направил ответ:

«Вместо просимых тобой, рыжая собака, 75 кур посылаю 75 партизан. Они с тобой рассчитаются. Разве ты не знаешь, что у нас Советская власть?»

Голова».

Рыжий снова шлет записку:

«Почему не знаю, кто такой Голова?»

А Семенов ему опять в ответ:

«Вот скоро буду уторгошским комендантом, тогда узнаешь.

Голова».

В тот же день сельсоветский отряд Головы устроил на шоссе засаду и подорвал автомашину с немцами. Кроме того, подрывники отряда на проселках взорвали две автомашины и трактор-тягач.

На совещании председателей сельсоветов и командиров местных отрядов Уторгошского района, которое состоялось 30 декабря, Семенов уже говорил не только о боевых делах, но и о хозяйстве, о том, что крестьяне прикинули, сколько в предстоящую весну надо засеять яровых, забронировали и укрыли семена, готовят плуги и бороны.

Говорят: живое думает о живом. Никто не посчитал необычным, когда в сплошном вражеском окружении да еще в напряженной обстановке непрерывных боев с трибуны совещания звучали совсем, казалось бы, мирные речи — о земле, о лошадях, о севе. Эта

тема была особо выделена и в докладах начальника политотдела бригады И. И. Исакова и члена Уторгошской тройки Ани Селюгиной.

Конечно, предстояли еще и огромные трудности, и потери. Поэтому не было на совещании безоружных. И выступления были накалены решимостью бить немцев и их прислужников, жгучей ненавистью к фашистам.

— Что же это делают с нами гитлеровцы? — говорил председатель Козловского сельсовета М. И. Иванов. — Петлю с головы не снимают, вешают, убивают, в огонь бросают живьем. Наше спасение в том, чтобы вместе с партизанами бить фашистских гадов. И их подручных тоже не щадить! Бургомистр требует, чтобы господином звали. В бараний рог гнет нашего брата. Прощать ему? Никогда!

Под гром аплодисментов сошел Иванов с трибуны. Как в доброе довоенное время. Только в руках у оратора трофейный автомат да пистолет на правом боку. Да наши штурмовики на ближайшем шоссе громили немецкую автоколонну, и рокот боя долетал сюда, в этот зал Вшельской школы.

Реют красные стяги

Очень небольшое было известно нам в ту пору о работе подпольщиков в Уторгошском, Стругокрасненском, Порховском и других районах. Но красные стяги, поднимаемые руками безвестных патриотов над зданиями деревень и поселков, звали советских людей на смертный бой с врагами земли русской.

Осеннее утро 1943 года. Великий день XXVI годовщины Октября.

Большое уторгошское село Городище. В селе круп-

ный немецкий гарнизон. Жителям приказано не покидать жилищ с шести часов вечера и до шести утра. А поутру, выйдя на улицу, люди были поражены: над крышей самого большого дома, заселенного немцами, реял красный флаг.

Немцы пришли в неопишное бешенство. Алое полотнище развевалось до четырех часов дня. Фашисты боялись подойти к нему, считая, что флаг заминирован. В бессильной злобе они искромсали его пулеметным огнем.

В ночь на 7 ноября красные флаги появились в селах Маяково и Комарино, в поселке совхоза «КИМ» и даже на железнодорожной станции Уторгош. Здесь немецкие саперы сорвали его утром. А комендант запретил людям хождение по поселку с двух часов дня. Патрули стреляли в каждого, кто нарушал этот приказ.

Появились красные флаги в немецких гарнизонах и в ночь под Новый, 1944 год. Вот что рассказал политруку Ломовскому комсомолец Г. А. Панов — разведчик отряда Солецкой тройки:

— Много я выполнял боевых заданий председателя тройки товарища Габасова. И немецкие вагоны на путях подрывал, и в разведку ходил, и «языков» таскал. А такого задания, как в тот раз, честно говоря, не ждал.

Вызывает меня и моего друга Ивана Котова товарищ Габасов и говорит: «Сегодня ночью пойдете в Сольцы (это было 31 декабря). Найдите возможность и установите на одной из центральных улиц красный флаг. Вот этот. К древку прикрепите сами. Знакомые в Сольцах есть?» — «Есть, — говорю, — одна хорошая знакомая. И верная». — «Ну, — говорит Габасов. — и действуйте».

Проникли мы с Котовым в Сольцы поздним вечером. Трудно было обходить посты — светлынь кругом, небо вызвездило. Добрались до дома, где жила моя знакомая Тоня. Постучали. Впустила. Комнатенку я знал, хорошая комнатенка. При ней порядочная кухонька с большой русской печкой.

Тоня волновалась: новогодняя ночь, на улице холодно, немецкие патрули шляются на морозе, заглянуть могут. Поместила нас для начала в подвал. Сидели довольно долго. Никто из немцев пока не заглядывал. Поднялись в квартиру. И не успели расправить онемевшие спины, как кто-то сильно постучал в дверь. «Немец, — шепчет Тоня, — залезайте на печку».

В полушубках-то, сами понимаете, не особенно уютно на горячей печке. Но терпим. Потеем и терпим. Выпил фриц пару чарок шнапса и подался на улицу. Только слезли с печки, еще не отдышались, а в дверь снова стук. Тут Тоня нас устроила в комнате под своей кроватью. Удобств тоже немного, но хоть бока не горят.

Ввалились три немца, и уже «под мухой». Тоня что-то лопочет с ними по-немецки, смеется... У самой, наверное, кошки на сердце скребут, а виду не подает. Они угощают ее вином, печеньем. Она пьет, закусывает. А у нас животы подтянуло и слюна бьет — ведь с обеда не евши...

Наконец и эти посетители убрались: служба.

Время — к полуночи. Вылезли мы из-под кровати. Дала нам Тоня полутораметровую рейку, прикрепили мы к ней красное полотнище. И только тут Тоня догадалась, зачем мы пожаловали. Огородами дошли до необитаемого полуразрушенного дома на Советском проспекте, добрались до чердака, подползли к большому слуховому окну, которое выходит на проспект,

и, прочно прикрепив древко, выбросили наружу большой красный флаг.

Больше к Тоне не возвращались. А в душе благодарили ее за то, что укрыла, за то, что сунула по большой краюхе хлеба и по кусочку сала.

Пришли в тройку и доложили Л. С. Габасову о выполнении задания. Он нас обо всем подробно расспрашивал и спасибо сказал. А за что спасибо? Задание оказалось не из трудных. Правда, хлопотное...

Красные флаги в немецком тылу возвещали всем: жив и неистребим советский дух в русских людях. Изодранные в клочья пулями врага, они как бы еще громче кричали о том, насколько бессильны фашисты, даже и вооруженные до зубов.

Красные стяги в стане врага были предвестниками нашей близкой победы.

Окружком партии в тылу врага

На гребне вооруженного восстания — в январе 1944 года — решением Ленинградского обкома партии в районе деятельности Пятой бригады был создан Лужский окружком ВКП(б) в тылу врага. Его состав: И. И. Исаков (секретарь), И. И. Сергунин, К. Д. Карницкий, Н. А. Сергачев и М. Г. Абрамов.

Эта мера диктовалась необходимостью координировать политическую, подпольную и боевую работу партийных организаций, районных троек и партизанских соединений. На первом заседании 8 января 1944 года окружком учредил свой печатный орган — газету «За Ленинград». Редактором утвердили меня. Газета «За Ленинград» должна выходить наряду с бригадной газетой «Партизанская месть».

Так «печатного полку» прибыло...

Через несколько дней состоялось второе заседание окружкома ВКП(б). Подвели некоторые итоги деятельности районных троек. Они многое сделали по снабжению партизан продовольствием, теплой одеждой, обувью, оружием. Солецкая тройка и девять подчиненных ей сельсоветов сдали нашим снабженцам более 60 полушубков и ватников, 31 пару валенок, 356 овчин, 48 кож, много шапок, перчаток и других необходимых вещей. И это несмотря на исключительные трудности, несмотря на то, что немцы спалили здесь 20 деревень и продолжали зверства.

Больше всего снаряжения и продуктов поступало от Стругокрасненской и Уторгошской троек. Только за последний месяц труженики Стругокрасненского района дали 150 полушубков и 114 пар валенок.

Не могли не интересоваться окружком ВКП(б) и продовольственные ресурсы. Ведь партизаны с давних пор не просили из советского тыла ни грамма продуктов, ни пары обмундирования. Кроме того, надо было учитывать потребности местного населения. Окружком вместе с тройками тщательно подсчитал, сколько зерна и других продуктов можно съесть, а сколько следует оставить для весеннего сева и в запас.

Прорыв, а затем и снятие Красной Армией блокады Ленинграда, последующее стремительное наступление на Ленинградском и Волховском фронтах настоятельно требовали еще большей активизации действий партизан. Поэтому окружком принял решение преобразовать местные отряды и боевые группы в самостоятельный полк в составе Пятой бригады.

18 января 1944 года в деревне Морицко Порховского района вышел первый номер газеты окружкома «За Ленинград».

«К оружию, братья и сестры! — призывала газета. — Встанем врагу поперек пути! Не обороняться, а нападать — вот наш долг. Не дадим врагу сжечь ни одной деревни, ни одного дома. Для этого днем и ночью надо громить немецкие гарнизоны, крушить технику врага, нарушать пути его передвижения».

Окружком ВКП(б) обратился с воззванием к партизанам и партизанкам, ко всему населению оккупированных районов. В нем речь шла о всемерной помощи наступающей Красной Армии, указывались пути этой помощи.

«Восставший народ снаряжает своих воинов» — под таким заголовком газета окружкома печатала письма о том, что отцы и матери, благословляя своих сыновей и дочерей на бой с врагом, обеспечивают их оружием, питанием, одеждой и обувью, лыжами, маскировочными халатами, всем, что нужно солдату на войне.

Партизанский госпиталь

Исключительную заботу проявляли трудящиеся оккупированных районов о раненых партизанах. Авиационные соединения, обслуживающие партизан, отлично организовали транспортировку раненых в советский тыл. Летчики полка Рассказова — Сабуров, Передерий и другие — шли через линию фронта, приземлялись на партизанских аэродромах под носом у немцев, увозили людей в советский тыл.

Особой выдержкой отличался майор Жигалев. Еще летом 1942 года при полете в отряд Франциско Гулье-на он получил тяжелое ранение. Ему ампутировали ногу. Но и с протезом Жигалев продолжал летать к партизанам.

Зимой 1943/44 года Жигалев водил «дугласы» и приземлялся на полянах по соседству с немецкими гарнизонами. В одном из таких полетов он попал под усиленный огонь немецких зениток. Но приземлился благополучно. Пока подвозили раненых, мы пошли в деревню, прихватив с собой Жигалева. Скрипел на снежной тропе его протез.

— Мерзавцы, — сказал Жигалев, — опять ранили... В ногу.

Мы всполошились. Надо немедленно оказать помощь, а все медики заняты погрузкой раненых. Что делать? Заметив беспокойство партизан, Жигалев рассмеялся:

— Не волнуйтесь, на сей раз немцы «ранили» мой протез. Пуля отхватила от него большую щепку. Но, как видите, деревянная нога не выведена из строя.

И снова засмеялся этот суровый на вид, но такой душевный человек.

А то было и так. После крупных боев надо во что бы то ни стало отправить тяжело раненных. Запросили самолеты. Обстановка крайне стесненная, кругом немцы. Четыре самолета ночью приземлились в нашем расположении. Более шестидесяти человек отправили в советский тыл. И это — в полукилометре от немецких солдат и карателей, не терявших надежды удержать партизан в окружении, чтобы уничтожить. В четвертом часу утра партизаны благополучно вышли из немецкого кольца и оставили завоевателей «с носом».

— Какое нахальство, какая наглость! — возмущался поутру немецкий офицер в разговоре с переводчиком.

В конце 1943 и начале 1944 годов, когда бригада вела бои с крупными силами противника, расчищав-

шими себе дорогу «восвояси», у нас резко возросло количество тяжело раненных. Конечно, самолеты по-прежнему шли через линию фронта, но надо было думать и о том, чтобы лечить раненых здесь, в немецком тылу.

Окружком партии и командование бригады делали все для успешной работы медиков. К тому времени бригада располагала более чем десятью квалифицированными врачами, десятками фельдшеров, медицинских сестер. Был даже свой фармацевт. Во всех отрядах и полках бригады насчитывалось около ста сорока медицинских работников.

Комиссар бригады Сергунин, политотдел, окружком партии поднимали на щит славы медиков, которые, не щадя жизни, оказывали раненым первую помощь на поле боя, а затем в невероятно сложных и трудных условиях ставили на ноги бойцов и командиров, получивших ранения.

«Медицинские работники — воины партизанской армии», — писала газета «Партизанская месть» в январе 1944 года в № 37. Газета рассказала о фельдшере-партизане Иване Михайловиче Жмако, который вынес с поля боя десятки раненых, а в одном из последних боев сам получил ранение, о фельдшере-партизанке М. Федоровой, санитарках Голубевой, Михеевой, Павловой и других.

Подлинными ветеранами санитарной службы партизан были медицинские сестры Л. К. Юркина и Ф. Н. Баландина (Иванова), или, как ее прозвали ребята за маленький рост, Феня-крошка. В разное время вступили они в ряды партизан, воевали в разных отрядах, но чем-то были похожи друг на друга. Никто из боевых товарищей никогда не слышал от них ни нытья, ни жалоб.

Запомнился наш поход на штаб фон Буша летом 1943 года. Основные силы его участников не вели в тот раз боя. А люди, которые не могли шага ступить, были: мучили потертости ног. Обнаружилось это бедствие на первой же дневке.

Лида Юркина, бывалая партизанка, пошла от костра к костру, от группы к группе. Кому волдырь на ноге вскроет, кому перевязку сделает, а кого просто тут же научит, как надо обертывать ногу портянкой.

Это — на привале или в походе. А в бою Юркина всегда на своем посту — в самом пекле. И ни тени страха, никакого намека на панику, когда обстановка складывается не в пользу партизан.

Про Феню-крошку в бригаде ходили легенды. Будто бы кто-то видел ее не только в роли медика, но и хитрого разведчика. Она будто бы в паре с молодым парнем даже ходила в немецкую комендатуру, выспрашивая у господ начальников, где можно зарегистрировать брак так, чтобы все было по закону.

Чего не сочинит народная молва! Мы верили не всему, что рассказывали о Фене, но твердо убеждены были в одном: все может «отколоть» эта маленькая юркая Фенька из-под Старой Руссы. Все, кроме одного: Феня не умела плакать.

Буквально чудеса творили хирурги Ваневский и Сокол. Их не останавливали ни отсутствие надлежащих хирургических инструментов и перевязочного материала, ни другие неизбежные трудности. Спирт крайне необходим при операциях. Уторгошская тройка оборудовала специальный самогонваренный завод, и медики получали чистейший спирт. Народная выдумка, искусство хирургов спасли сотни партизан от верной гибели.

...Узкая, в один санный след, дорога петляла по

лесу. Вот вырубка — здесь крестьяне заготавливают дрова. С утоптанной, заваленной вешками пшцадки — десятки троп и сотни следов. Какой тропой ехать — поди разберись. Без провожатого запутаешься.

А заветная тропа выводила к лесистому острову на болоте. Там, в глухом месте, в десяти километрах от деревни Лазуни Стругокрасненского района располагался стационарный партизанский госпиталь, построенный крестьянами этого района в удивительно короткий срок.

Два больших жилых дома, пекарня, баня, навесы для лошадей — все сделано добротнo, по-хозяйски. Тут одновременно лечилось свыше ста пятидесяти тяжело раненных партизан. Их обслуживали пять врачей, тридцать медсестер и санитарок.

В палатах, в операционной — чистота. Выздorавливающие играли в шашки, в шахматы, читали. Даже не верилось, что все это на земле, которую еще топтал враг.

Операционная — святая-святых Сокола и Ваневского. Она видала виды. Если бы ее стены говорили, они поведали бы о небывалых делах.

Партизан первого полка Н. Ф. Александров был тяжело ранен в бою и только через сутки госпитализирован. Потерял много крови и был на волоске от смерти. Сложная операция и внимательный уход поставили его на ноги.

Дважды тяжело был ранен В. К. Евсеенко — бывший военнопленный, бежавший из Солецкого лагеря. И оба раза после лечения в госпитале возвращался в строй.

Серьезное ранение в ногу привело в госпиталь Федора Томила. Через две недели он снова шел в бой.

Девятнадцатилетний Борис Симкин был доставлен с поля боя почти без признаков жизни. Осколком снаряда у него раздробило кисть руки. Кроме того, серьезные ранения в грудь и голову. Два дня парень не приходил в сознание.

— Симкин будет жить, — сказал Ваневский.

Ни на минуту не отходили от постели партизана врач и санитарка. Операция прошла успешно. Симкин окреп, и только тогда его отправили самолетом в советский тыл.

Таких десятки и сотни. И все они, уходя из госпиталя, уносили с собой чувство благодарности к людям, которые, преодолевая невероятные трудности, спасли им жизнь.

Раненые знали, что партизанский госпиталь — дело народных рук. Трудящиеся Стругокрасненского и Уторгошского районов ежедневно доставляли сюда не менее ста литров молока, привозили муку, картофель, овощи, квашеную капусту, клюкву, мед и другие продукты. Кроме того, в распоряжение госпиталя Стругокрасненская районная тройка выделила для перевязочных целей 1200 метров льняного полотна. Тысячи метров холста и сотни простыней дала Уторгошская тройка.

Одно время госпиталь нуждался в санитарках. Двадцать девушек Уторгошского и Солецкого районов изъявили желание пойти на курсы. Такие курсы продолжительностью в один месяц организовал и с помощью врачей провел начальник санчасти бригады старший лейтенант медицинской службы Г. Мирошников.

На местах боев, на походных стоянках, в госпитале медицинские работники всегда были на своем посту.

Но огромную территорию районов, контролируемых

Пятой бригадой, занимали не только партизаны. В части деревень, особенно в лесных лагерях, жили десятки тысяч советских граждан — женщин, стариков, детей. Поэтому командование бригады вменило в обязанность медицинским работникам также и обслуживание населения, сотен беженцев, нашедших себе приют в уторгошских, порховских, стружокрасненских селах. Партизанские врачи, фельдшера и медицинские сестры при любой возможности вели прием больных, занимались профилактикой. Подлинный героизм медицинских работников предотвратил вспышки эпидемий. Санитарная обработка, дезинфекция жилья, карантин — все пускалось в ход, чтобы преградить дорогу тифу и другим опасным заболеваниям.

Председатель Мало-Уторгошского сельсовета И. Е. Степанов писал в штаб бригады:

«Большая благодарность от населения Малой Уторгоши за то, что фельдшер т. Картошкин внимательно осмотрел всех жителей, проверил на чистоту 40 домов, выявил 16 больных, оказал им помощь. За советы и за все — спасибо».

Сыпь, Семеновна!

В первых числах января 1944 года прилетел в бригаду представитель партизанского штаба Н. Рачков. 9 января он вручил большой группе партизан награды — медали «Партизану Отечественной войны» и «За оборону Ленинграда».

Партизаны довольны. К вечеру медали поблескивали на гимнастерках. Не обошлось и без того, чтобы «спрыснуть» такое событие. На деревенской посиделке парни лихо отплясывали с девушками «Семеновну», позвякивая новенькими наградами.

В советском тылу и тогда, в дни войны, и позднее нередко спрашивали: «Ну, а какой-нибудь досуг у партизан был? Или только и помыслов: автомат, винтовка, пулемет, взрывчатка, бой, марш?..»

Нет, конечно! Человеку в любых условиях нужен не только физический, но и духовный отдых. И действовали, жили партизаны не в безвоздушном пространстве, а среди тысяч советских людей. Тут было немало и молодежи. А молодежь не усидит без песни, без того, чтобы не испытать прочность каблучков.

Были и трофейные аккордеоны в руках партизан, были и традиционные посиделки, если, конечно, позволяла обстановка, была и любовь.

С задором пели деревенские девчата ими же сочиненные частушки:

Неужели не прогоним
Шантрапу немецкую?
Неужели не увидим
Формочку советскую?

Дорога моя подруга,
Скоро Гитлеру капут.
Скоро, скоро наши танки
По Германии пойдут.

Раскартавые вы, немцы,
Не ложитесь рано спать:
Потревожат партизаны —
Вам в кусты не убежать.

Партизаны, партизаны,
Чем вы кормитесь в лесу?
Подскажите мне приметы ---
Я вам хлеба принесу.

И все в таком же духе. Пели под гармонь, под балалайку, просто под прихлопывание в ладоши. Пели

и взрослые, и дети. Еще по осени в деревне Лазуни восьмилетняя Шура Егорова — дочь хозяйки, где мы остановились на ночлег, — поразила нас тем, что знает десятки частушек про немцев и распевает их.

— И не боишься немцев? — спросили девочку.

— А при немцах я не пою. А иногда тихонечко пою, про себя, так что они понимают? Переводчики — страх. Они всё понимают.

Широко распространена на Новгородчине и Псковщине так называемая «Семеновна». В те годы ей придали новое содержание в духе времени и пели ее обычно под пляс:

Самолет летел над полянами,
Это наш летел с партизанами.
Снимите, девушки, перстни немецкие —
Ревновать будут парни советские.
Перстни немецкие недаром дарятся,
Они не прочные — с них камни валяются.
Я не буду подчиняться Гитлеру паршивому,
Запишуся в партизаны к Климу Ворошилову.

Ходили по селам песни о фашистской неволе, о девичьей чести, о любви. Все они были плодом народного творчества.

В перерывах между боями сочиняли и партизаны песни, стихи, рассказы. К Новому, 1944 году мы выпустили типографским способом даже небольшой журнальчик, назвав его «Партизан». Боец Петр Носов, командир боевой группы Голиков, журналист Павел Зенин, учительница Ксения Трофимова и другие дали свои стихи и рассказы в этот сборник. Юмористический раздел журнала назывался «Партизанский крокодил». В нем досталось и немцам, и предателям.

Кровью сердца

Много стихов писала учительница Ксения Алексеевна Трофимова. Познакомился я с ней еще в октябре в деревне Видони.

В избу, где располагались редакция и типография, пришла невысокого роста женщина, одетая в блузу, сшитую из мешковины, и такую же юбку. Она спросила: «Нужны ли партизанам стихи?» Получив утвердительный ответ, женщина передала нам толстую тетрадь, исписанную крупным почерком.

— Кто вы и давно ли пишете стихи?

Незнакомка застенчиво представилась:

— Зовут меня Ксения Алексеевна Трофимова. Живу в Видонях, у старика отца. Стихи пишу, когда сердцу становится невмоготу.

И она поведала нам страшную повесть последних лет своей жизни:

— Работала я учительницей. Перед этим окончила Ленинградский педагогический институт имени Покровского. Муж — агроном. Сейчас он в армии. В феврале 1942 года большую группу населения Ушаков, где я жила, немцы начали эвакуировать. Но в районе Мясного Бора мы снова попали к немцам же в окружение. Как это случилось, не знаю. Но кругом — фашистские войска. Ни шагу не ступишь. Пять недель с тремя малолетними детьми жила в лесу. Сильно голодали. А тут еще ранило меня в спину осколком снаряда. Страшно вспоминать, что пришлось перетерпеть...

Женщина заплакала. Мы сидели, не шелохнувшись. Наконец она совладала с волнением и продолжала свой рассказ:

— Там, в Мясном Бору, умер сын Славик. Схоро-

нила его, как могла, в болоте. Потом немцы перевезли нас в Лугу. По дороге, да и в Луге первые дни не давали ни кусочка хлеба, одну баланду, да и то не каждый день. В Луге от голода умерла дочь Оля.

Через два месяца в Луге нас погрузили в вагоны для отправки в какой-то лагерь, говорили, будто бы в Рогавку. На станции Батецкая добрые люди помогли мне с пятилетним сыном Олегом бежать из вагона. Это было в конце августа 1942 года. Пошла в направлении родной деревни Видони. Побираясь, шли мы девять дней. Давали о себе знать и истощение, и осколок, засевший в позвоночнике.

И вот мы дома, у старика отца, в родной хате. Живем не пышно.

Она бросила взгляд на свое рубище. В глазах стояли слезы.

— Немцы дважды предлагали мне работать в школе. Люблю ребят, люблю школу, но работать на немцев не могла. Отказалась, сославшись на ранение. Осколок и впрямь сильно беспокоит. Нужна операция. А где тут, до операции ли...

Оставив нам стихи, Ксения Алексеевна ушла. Уже скрылась за домами ее маленькая согбенная фигурка, а мы молчали, потрясенные горькой судьбой учительницы.

Пошли в хату ее отца. Старенький домик, к которому давно не прикасалась рука плотника. Внутри — убогая обстановка. У стола сидит беловолосый ребенок, не по-детски серьезный. Одет очень бедно. Штанишки тоже из мешковины. Но все чистенькое. И в комнате чистота.

Отец — старый учитель, глухой. Поздоровавшись с нами, он тут же начал кричать о том, что немцы — душегубы, что немецкая власть вылезла из преисподней.

Дочь успокаивала старика, а он все кричал и кричал, не обращая на нее никакого внимания.

— Вы уж простите его, — сказала Ксения Алексеевна. — Ему высвободиться надо. Накипело у старика на душе...

— За что, спрашивается, тиранят невинные души? — говорил старик, показывая на пятилетнего Олега. — Кровавых лет фашистского нашествия Русь никогда не забудет. Слышите, не забудет! — кричал он в ухо собеседнику.

Живейшее участие в судьбе Трофимовой приняли Карицкий, Сергунин, Петрович, да все, кто видел эту семью. Им тут же привезли муку, мясо, другие продукты, выдали несколько парашютов для того, чтобы сшить белье, дали теплую одежду, обувь.

Во время ноябрьских боев семья Ксении Алексеевны вместе с другими жителями деревни была переселена в лесной лагерь, а некоторое время спустя ее самолетом отправили в советский тыл.

В журнале «Партизан» увидели свет два стихотворения Ксении Трофимовой — «Памяти пулеметчика Алексея Жиганова», погибшего в бою с фашистами за деревню Видони, и «Грозен гнев народный».

Письмо немецкому „султану“

Художественное творчество партизан и жителей оккупированных районов проявлялось в различных формах. В наших полевых сумках были стихи, рассказы, песни, бывальщины, частушки и раешники. Появление на свет того или иного произведения обычно связывалось с каким-то определенным, совершенно конкретным случаем из жизни.

В конце 1943 года, когда бригада уже размещалась в селах, гитлеровцы начали заваливать нас листовками, причем от общих призывов они перешли к посланиям с точно указанным адресом. Читали мы, например, такие перлы: «Партизаны Карицкого! Штыки — в землю!» Дальше сыпались обильные обещания сладкой жизни в немецких райских куцах. И непременно упоминалось о том, что храбрые партизаны Карицкого будут великодушно помилованы немецким командованием.

Тогда-то и родилась листовка «Верховному командованию немецкой армии. Фрицам, гансам, их прислужникам и прочей сволочи из шайки арийских куцопапов. Прямой и точный ответ на последнее обращение к партизанам».

Нет нужды пересказывать смысл этой листовки, а текст ее повторять нельзя... Достаточно хорошо о ней поведала широкому кругу читателей газета «Вечерний Ленинград» 11 сентября 1965 года в № 215.

Листовка была переведена на некоторые иностранные языки, в частности на немецкий, но в ограниченном количестве экземпляров. А русский вариант распространился не только по Пятой бригаде, но и далеко за ее пределами. Судя по сообщению «Вечернего Ленинграда», в русском варианте листовка попала и в штаб 4-го заградительного полка 218-й пехотной дивизии, входившей в группу немецких армий «Север», державших в осаде Ленинград.

Как мы узнали теперь, переводчик этого немецкого подразделения Вальтер переводил листовку взбешенному гитлеровскому полковнику, а потом тайно зашил в подкладку своей шинели. После тяжелого ранения Вальтер был отправлен в Германию. Вместе с ним отправилась туда и партизанская листовка.

Оказывается, не раз читал и переводил Вальтер своим верным друзьям рифмованные партизанские строчки, и хохотали гости до упаду.

Много лет спустя сын Вальтера — журналист из Германской Демократической Республики — Вальтер-младший рассказал об этом советским журналистам.

Здравствуйтесь, родные!

В связи со стремительным наступлением войск Ленинградского и Волховского фронтов немцы потянулись на запад, истребляя на своем пути все живое, превращая в пепелища деревни и села. Но марш надменных завоевателей приобретал все более беспорядочный характер. Теперь гитлеровцы не гнушались и преселками.

Полк Егорова двигался цепочкой по одной из пустынных дорог Уторгошского района, растянувшись от «головы» до «хвоста» на довольно большое расстояние. Вдруг позади послышались автомобильные гудки. Немецкие шоферы, приняв егоровцев за своих, сигналили, требуя уступить дорогу.

Егоров и Руднев не растерялись. Они быстро положили людей в канаву и на обочину дороги, пустили немецкую колонну под автоматы и пулеметы и открыли огонь. В машины полетели гранаты.

Егоровцы разбили и сожгли восемь машин, перебили много фашистов, взяли пулеметы, винтовки, автоматы и сорок комплектов нового немецкого обмундирования.

Бои шли на востоке и западе, на севере и юге нашей «Партизанской республики». Все полки и отряды, в том числе и новый полк, сформированный из отря-

дов сельсоветов и районных троек, максимально активизировали свою деятельность. На всех больших и малых дорогах устраивались засады, преграждавшие гитлеровцам пути к отступлению. На железных дорогах каждую ночь гремели взрывы.

Тридцать партизан из отряда Зеленцова и Чугунова двое суток дрались с большим немецким подразделением в деревне Болотско. Гитлеровцев поддерживали три танка, шесть бронемашин, минометы. Даже получив подкрепление, фашисты не могли сломить партизан. Они предприняли попытку окружить смельчаков, но партизаны ночью вышли из окружения.

Рота комсомольца Кашина из этого же отряда на дороге Сольцы—Дно из засады подбила восемь автомашин, уничтожила более ста немецких солдат и офицеров, взяла пленных и много вооружения.

Отряд Зеленцова имел две 45-миллиметровые пушки, но обе без прицельных устройств. Артиллерист Рашев со своим расчетом бил из них прямой наводкой.

— Трудно без прицела-то, — говорили Рашеву.

А он в ответ:

— Не ошибусь, если в ствол гляну, точно ударю, будь жив! Только рельеф местности может обмануть, а так ни в жизнь не ошибусь.

Он с пригорка обстрелял Сольцы, зажег два дома, навел панику на солецкий гарнизон и благополучно скрылся.

Наша типография работала в полную силу, даже в две смены. Кроме двух газет, ежедневно печатали утреннее и вечернее сообщения Совинформбюро. Гонцы на подводах и верховые днем и ночью дежурили у дома редакции. Понятно, народ жаждал свежих вестей с фронта.

Из районных троек и сельсоветов мы получали записки с просьбой прислать оперативные сводки, газеты. От председателя Уторгошской тройки В. П. Петрова пришел посыльный с такой запиской: «Сводок не имеем с 21-го. Убедительно прошу последние выпуски нашей газеты, также сводки и какая есть литература. Все вышлите с нашим связным. Председатель Петров».

Радисты принимали сводки, мы их набирали, печатали и отсылали во все концы.

Ожесточенные бои вел полк Тараканова и Архипова. Там уже длительное время находились комбриг Карицкий и комиссар Сергунин.

21 января партизаны укрепились в селе Малая Уторгош, а 27 января полк Тараканова выбил немцев со станции Передольская, занял ее и держал, оберегая от взрыва большой железнодорожный мост до подхода передовых частей Волховского фронта.

В конце января к нам прилетели уполномоченный Ленинградского партизанского штаба П. Р. Шевердалкин и киносценаристка Катерина Виноградская. Они знакомились с жизнью и бытом партизан, участвовали в последнем в немецком тылу совещании председателей сельсоветов, на котором П. Р. Шевердалкин выступил с докладом. Проходило оно под несмолкаемый гул артиллерии и дробь пулеметов в деревне Лежно. Участники совещания наблюдали воздушные бои наших истребителей с фашистскими пиратами.

Завершилось совещание выступлением партизанского струнного оркестра, исполнившего новый гимн Советского Союза, ноты которого были перед этим опубликованы в «Правде».

С переднего края возвратился комиссар Сергунин и через сутки снова уехал. Он рассказал нам, что часть 256-й стрелковой дивизии, прорвавшаяся через железную дорогу, оказалась отрезанной немцами в расположении нашей бригады в деревнях Вяжищи, Оклюжье, Заклинье. Немцы в рупоры, установленные на переднем крае, кричали, надрываясь до хрипоты, что красноармейцы окружены, что партизаны их обманули, завели в окружение и скрылись, и что лучшее для солдата — сдаться в плен.

Хохотали солдаты, хохотали партизаны, слушая фашистскую брехню.

Красноармейцы и партизаны вели совместные бои. Были взяты многие населенные пункты, в частности крупный укрепленный узел гитлеровцев Оклюжье.

Раненых красноармейцев отправляли в глубь партизанской территории и размещали в деревнях. Крестьяне и крестьянки восторженно встречали их. Наши медики организовали образцовый уход за ранеными. Партизаны бдительно охраняли их покой.

Народ истосковался по свободной жизни. Люди рады были отдать все для того, чтобы Красная Армия шла вперед и вперед.

Старик лет семидесяти ходил, побираясь на пропитание. Встретив в избе такого же, как лунь седого колхозника, завел с ним стариковский неторопливый разговор все на ту же тему — о Красной Армии.

— Кажется, скоро даст Христос Красную-то нашу Армию?

— Скоро, скоро, — отвечал другой. — Сказывают, уж партизанские-то сынки встретились с армией. Недалече они. Скоро будут...

Сидели, курили козьи ножки, толковали о том, что прожито, и о том, что будет...

В расположении штаба бригады приземлился самолет капитана А. Передерия с представителем Ленинградского партизанского штаба Г. А. Рябковым. Улучив час, мы с Передерием поехали в деревню Лазуни. В избу, куда пригласил нас хлебосольный Сергачев, набилось несколько десятков женщин, ребят. Все жадно рассматривали советского летчика, пробовали на ощупь обмундирование, унты, рассматривали погоны. Они еще не видали их.

Сквозь толпу пробрался старик, поздоровался с Передерием за руку, бросил взгляд на погоны и спросил:

— Чин какой будет?

— Капитан, отец.

— Вот я и вижу, что капитан должен быть. Мы в русско-германскую под Перемышлем стояли...

Старик что-то вспомнил, что-то хотел рассказать, но взбунтовались женщины, закричали: «Не надо, дед Онисим, не надо, слышали!» И потащили летчика по домам. Еле-еле удалось уехать из деревни. Передерию насовали всякой всячины — куски мяса, яйца, банку масла и прочую снедь.

Передерий с Рябковым улетели к переднему краю, к Карицкому и Сергунину.

После рассказывали, как Карицкий допрашивал пленных испанцев. Ведь немцы отрицали наличие на Волховском фронте так называемой «Голубой дивизии». Отрицали это и пленные. Однако когда попали в руки Карицкого и увидели, что это не обычный военный, а какой-то особый — в кубанке с красной ленточкой, без формы, — развязали языки. И дивизия «голубая» есть, вернее, была, и испанские фашисты Франко заодно с Гитлером. Вот так-то.

Часть 256-й стрелковой дивизии 59-й армии одиннадцать суток была в расположении партизан. 16 фев-

раля она воссоединилась с наступающими. Командир дивизии генерал-майор А. Г. Козиев горячо приветствовал наше командование, благодарил партизан за помощь. Он подарил комиссару бригады И. И. Сергунину портсигар с надписью, выцарапанной ножом на крышке. Вскоре А. Г. Козиеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

...А наш Тараканов Передольскую все же удержал до подхода танков и мост немцам не дал взорвать.

Двойной праздник

23 февраля 1944 года части Красной Армии пришли в деревню, где располагался штаб нашей бригады, в Порховском районе. Для нас это был двойной праздник. Ведь встреча частей Красной Армии здесь, на Порховщине, совпадала с Днем Красной Армии.

...Уже сутки кругом шли танки, артиллерия, автомашины, шагали полки. На лицах солдат не только решимость, но и радость. Катился вперед могучий вал наступления наших войск.

Ночами над Псковом не потухали осветительные ракеты. Это — наши ракеты. Не умолкал гул сражения. Это наши вели священный бой за освобождение советской земли от фашистской нечисти.

В эти дни и ночи не ложились спать советские люди на древней Псковщине. Так, по крайней мере, казалось нам, тоже испытывавшим радость и волнение. Каждую пушку, остановившуюся на какой-то миг в деревне, каждый танк мгновенно окружала толпа крестьян и партизан. Солдат и офицеров тащили по домам, из рук крестьянок они принимали не богатые, но от чистой души подарки.

...В избу, где размещалась редакция, битком набились солдаты и офицеры. Мы ушли в угол горницы. Надо было срочно закончить печатание последнего номера газеты «За Ленинград».

«Здравствуй, Красная Армия!» — говорила газета от лица советских людей.

«Привет вам, храбрые русские солдаты и офицеры!» — писал в этом номере газеты крестьянин деревни Киевец Уторгошского района Никита Леонтьев. Вспоминая о том, что пришлось претерпеть советским людям под фашистской пятой, Н. Леонтьев давал отцовский наказ сыну:

«Сын мой Иван, дорогой боец Красной Армии, слушай наказ отца: бей фашистских гадов, помни о слезах и крови, пролитых советскими людьми!»

Наконец газета напечатана. Армейцы прятали ее в планшетах, полевых сумках, в нагрудных карманах гимнастеров. На память...

Нас принимает город-герой

Карицкий и Сергунин получили приказ Ленинградского штаба о том, чтобы вывести Пятую бригаду в Ленинград в полном составе.

Начальник штаба бригады Новиков к тому времени уже командовал соседней Десятой партизанской бригадой. Начштаба Пятой стал Михаил Шахин, командовавший до этого отрядом. Секретарь окружкома Исаков был вызван в обком партии и уехал сразу же, как только встретились с Красной Армией.

24 февраля шесть с лишним тысяч партизан Пятой бригады уже на марше. Луга, Гатчина, Красное Село...

Получили приказ начальника штаба партизанско-

го движения М. Н. Никитина на подходе к Ленинграду выпустить последний номер газеты «Партизанская месть». Приказ выполнили в Гатчине. С помощью рабочих гатчинской типографии 5 марта 1944 года вышел 48-й номер газеты.

«Здравствуй, родной Ленинград, город-воин, город-герой!»

Партизаны Пятой рапортовали ленинградцам о том, как они пустили под откос 81 вражеский эшелон, взорвали 223 моста, уничтожили 372 автомашины, истребили более 15 тысяч гитлеровцев. Бригада отбила у немцев 6 эшелонов с советскими людьми, угоняемыми в фашистское рабство. А всего спасла от гитлеровского плена 100 тысяч советских граждан.

...6 марта. Перед взором партизан открылись широкие проспекты родного Ленинграда. На несколько километров вытянулись пять полков. Впереди колонны Красные знамена Московского и Володарского райсоветов и райкомов ВКП(б), Ленинградского штаба партизанского движения, которыми награждена бригада за героическую борьбу с немецкими захватчиками и помощь, оказанную войскам Ленинградского и Волховского фронтов в освобождении города Ленина от вражеской блокады, за спасение советских граждан от угона в фашистский плен.

У здания Московского райсовета — многолюдный митинг трудящихся Ленинграда, посвященный встрече партизан Пятой бригады.

Комбриг Карицкий, спешившись, четким шагом поднялся на трибуну и отдал рапорт начальнику Ленинградского штаба партизанского движения Никитину о том, что полки Пятой бригады согласно приказу выведены в Ленинград и готовы к выполнению новых боевых заданий. Гремела медь оркестров. Ходили по

рукам партизанские листовки. Не смолкали рукоплевания.

Бригада строем прошла по Международному (теперь — Московскому) проспекту, по Садовой, по Марсову полю, и всюду ленинградцы горячо приветствовали партизан, как родных и близких. Незабываемый день!

На марше по проспектам и улицам города Ленина партизаны пели песню Пятой бригады, написанную Иваном Виноградовым.

Шли на врага полки бригады Пятой,
Немцев сметал народный ураган.
Рельсы рвались, трещали автоматы
Там, где легла дорога партизан.
Путь по тылам всегда суров и труден,
Но сквозь огни прошли наши полки,
В бой нас вели Карицкий и Сергунин,
В бой нас вели орлы-большевики.
День наступил, мы вышли из засады,
В город родной приходим на парад.
Прими привет от воинов бригады,
Наш дорогой, любимый Ленинград.

После расформирования большая часть партизан Пятой вступила в ряды армии. Группа партизан была направлена на партийную и советскую работу.

2 апреля 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении партизан Ленинградской области орденами и медалями Советского Союза. Комбригу Пятой бригады К. Д. Карицкому, комиссару бригады И. И. Сергунину, командиру полка В. В. Егорову, командиру полка А. Ф. Тараканову и разведчику Д. И. Соколову присвоили звание Героя Советского Союза.

* * *

...Далеко позади трудный путь по тылам врага. Прошло четверть века с тех дней, когда только зарождался маленький ручеек партизанской войны против фашистских захватчиков на оккупированной врагом территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Те, кто тогда были молоды, стали теперь стариками. «Утекает юность, как река, — сказал поэт. — То, что утекает, не вернется. От нее лишь по-двиг остается, память остается на века».

Партизанские бои и походы останутся в памяти растущих поколений. Останутся на века!

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Костры в ночи.	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Улицы, кровью омытые.	71
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. На земле, боями опаленной.	113
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Идет возмездие.	204

Михаил Георгиевич Абрамов
НА ЗЕМЛЕ ОПАЛЕННОЙ

Редактор *Л. Н. Кононова*
Художник *Ю. Васильев*
Художник-редактор *О. И. Маслаков*
Технич. редактор *А. В. Семенова*
Корректор *Р. Ю. Хесина*

Слано в набор 12/1-68 г. Подписано к печати 7/VI 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2.
Усл.-печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 13,96. Тир. 100 000 экз.
М-24162. Зак. 130/л.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 41 коп.